НОВАЯ ПОЛЬША

№5 (53) 2004

ПОЛЬША УЖЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Гжегож Пшебинда о петербургских храмах

Владимир Британишский о Збигневе Херберте

Наталья Горбаневская о Яцеке Качмарском

СТИХИ ХЕРБЕРТА И КАЧМАРСКОГО

Беседы с Зофьей Романович и Анджеем Бяласом

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

«Новая Польша» в сети - это не только зеркало текущего номера.

В виртуальной версии журнала Вы найдете постоянно пополняющийся архив «бумажных» изданий, а также текущие обзоры польских журналов и другие материалы, подготовленные специально для интернет-сайта.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 5(53)
2004
МАЙ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Александр Яцковский 3
ГАРДЗЕНИЦЕ

Виктор Кулерский 5
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

БИЗНЕСМЕНА КАЖДЫЙ ОБИДЕТЬ МОЖЕТ 11
Беседа с Войцехом Блащиком

Доминик Улиг 16
ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА

Лешек Волосюк 18
ВОСХОДЫ И ЗАКАТЫ
ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОГО ПРИМИРЕНИЯ

Гжегож Пшебинда 21
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: КНИГИ И ХРАМЫ

Виталий Портников 26
ДРУГИЕ «БЕСЫ»

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ 27
Беседа с Сергеем Глушковым

АМЕРИКАНЦЫ НА ЛУНЕ, РУССКИЕ В КАТЫНИ 30
Беседа с Алексеем Памятных

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

СЛУЧАЙ, ИЛИ ПРАВДИВЫЙ ВЫМЫСЕЛ 33
Беседа с Зофьей Романович

Анджей Стасюк 42
ПАМЯТЬ

Лешек Шаруга 45
ПРОВИНЦИЯ И ЦЕНТР

Андрей Блинушов 46
ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ

Яцек Качмарский 47
ПЕСНИ

ИЗ СТАРЫХ ИНТЕРВЬЮ

ПЯТЬ ЛЕТ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ 50
Беседа с Яцеком Качмарским

Яцек Качмарский 53
ЭПИТАФИЯ БРУНО ЯСЕНСКОМУ

Юлия Середа 54
О ЯЦЕКЕ КАЧМАРСКОМ

Владимир Британишский 55
ПОЧЕМУ ХЕРБЕРТ

Збигнев Херберт 58
СТИХИ

Томаш Станчик 65
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Кшиштоф Бурнетко 71
ИДУТ МОЛОДЫЕ! ИДУТ РАЗГНЕВАННЫЕ!

Лешек Шаруга 74
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Янина Куманецкая 77
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Наталья Будзан 80
СТО ЛЕТ РУССКОГО ПЛАКАТА

Катажина К. Гардзина 82
СКРИПИЧНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ ВРОНСКОГО

АКАДЕМИЯ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСТРЕЧАТЬСЯ 84
Беседа с проф. Анджеем Бяласом

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ 88

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, В.Британишский, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: T.Kosinowa (стр. 21), Agencja «Gazeta» (стр. 42, 47, 50, 58, 65), Archiwum (стр. 80, 81, 82), K (стр 84).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих ***(зам. гл. редактора)***
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95;608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49
тел.: **280-83-52**
e-mail: **mik@mecom.ru**

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
По поручению Министерства Культуры Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Редакция интернет-сайта:
Наталья Ворошильская
Якуб Садовский
e-mail: novpol@novpol.ru

Александр Яцковский

ГАРДЗЕНИЦЕ

«Гардзенице лежит на том рубеже, где угасает Европа, а вдали начинает мерцать Азия, — говорит Влодзимеж Станевский. — Близлежащие Пяски — это из «Люблинского штукаря» Зингера, а в окрестных усадьбах и на просеках Мальчевский мог видеть своих странствующих ангелов или свою святую Агнессу. Я мог бы даже показать луг, фрагмент поля или отрезок дороги, которые напоминают «Пейзаж с Товием» или фон одного из «Пастушков». Впрочем, фавнов и другие существа с картин Мальчевского тут можно встретить еще и по сей день не только на проселочной, но и на асфальтовой дороге, ведущей из городка Пяски в Гардзенице. И совсем не обязательно только в базарный день, в среду».

Здесь, в 30 км от Люблина, и нашел пристанище для своей труппы Станевский, основав в Гардзенице Центр театрального мастерства. Он выбрал место, обеспечивающее спокойную работу и в то же время позволяющее зрителям добираться сюда из Люблина. Психическая энергия этого уголка земли, по его словам, соответствует его собственной, где он начал воспринимать самого себя через этот край-образ. Музыкальность темы этого места, говорит он, «отвечает какой-то частичке моей внутренней музыкальности».

Далее он описывает это место так: «За мостиком через Гелчев начинается пойма. Налево — океан, направо — океан. И весь затянут туманом. Выше — туман, ниже — туман. Туман самой разной формы. Меняющийся. Из этого тумана доносятся голоса июньской ночи. Щебет птиц, стрекот цикад, вопли и топот танцующего козла. Вода под мостиком журчит. Вдали, как за воздушной стеной, — приглушенный говор деревни. Собаки, скот и люди. А над туманом, на холме, огоньки нашего «курятника». Как лодки на волне».

Выбор места привел к тому, что теперь при упоминании о нем невольно думаешь о театре. Гардзенице — театр прекрасный, покоряющий точностью, энергией. Великий труд Станевского, но вместе с ним и Мариуша Голая, Томаша Родовича, а в последнее время Мацея Рыхлого. Это, как замечает антрополог культуры Дариуш Чая, «прочтение исторически и культурно далеких друг от друга текстов. Это их ритуальное вос-создание». Восприятие Греции через карпатские видения Станислава Винценза. «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея (1997) представляет собой уже результат накопленного за многие годы опыта, пройденных этапов «Скитаний», «Ассамблей», экспрессии «Заклятий» (1981), «Жития протопопа Аввакума» (1981), музыкальной организации спектакля «Кармина Бурана» (1996).

Станевский начинал свою театральную жизнь в кругу Ежи Гротовского. Был актером в его труппе (1971-1976), ушел от него, создал театр, непохожий на театр своего учителя, вырастающий из жизни. Это не был, по словам Кристиана Люпы, «монастырь взращивания театральных существ, которым существование в его мире было важнее жизни».

Вначале Станевский обращался к обрядности, к экзальтации пара-религиозных событий, но всю его жизнь, то есть все эти 23-24 года работы, можно назвать служением народной культуре. «Все экспедиции, которые мы совершали, как в села восточной и южной Польши, так и позднее — экспедиции к традиционным и племенным сообществам за рубежом, были ничем иным, как служением». В этом нет ничего от интеллигентских восторгов перед простонародьем. Станевский ясно пишет об этом

дальше: «Неслучайно мы пытаемся искать аналогии между тем, из чего мы, по нашему мнению, вырастали, то есть средиземноморской культурой, с одной стороны, и традиционными культурами, живыми и в наше время, — с другой. (...) Я убежден, что родная культура, предоставленная самой себе и не имеющая контактов ни с какими другими, ведет к вырождению и ксенофобии».

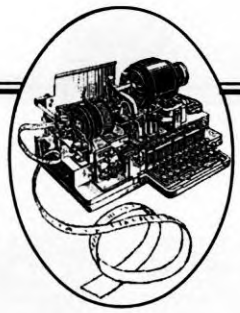
Вся деятельность Центра проходит рядом с местным сообществом. Не внутри него, а рядом. На глазах местных жителей Мариуш Голай проводит впечатляющие занятия по движению, глядя на которые я усомнился в существовании закона всемирного тяготения. На глазах людей из близлежащих домов происходят репетиции, мистерии неизвестного бога, приезжают «вечернею порой» целые автобусы с гостями и небольшие группы молодежи, говорящей на самых разных языках. Другие. Не только поляки. Тут прибавим, что старшему поколению было привычно, что рядом существуют другие. Свои другие — так воспринимали евреев, которые тут жили, торговали.

И что же, «Гардзенице» — это уже свои другие? В каком-то смысле — наверное да, ибо когда я спросил в магазине у местной жительницы: «Есть ли у вас тут что-нибудь интересное? » — она сразу же заговорила о труппе, добавив, что они полмира объехали! Значит, другие, но уже свои. Так ли их воспринимает «власть»? У меня такое впечатление, что чужих она не любит. Она бы скорее предпочла, чтобы старая усадьба совсем развалилась, лишь бы чужие ее не восстанавливали. Но они восстановили! И местные деятели отправляли по инстанциям петиции: нельзя ли Станевского и его компанию вышвырнуть, а в здании устроить школу, например полицейскую. К счастью, их сдерживают успехи труппы, ее международная слава.

А жители? Они по-прежнему присматриваются к пришельцам, беспокоятся, что их становится все больше, что они такие странные, что «молодые люди с бородами патриархов и девушки в длинных юбках вышагивают по проселкам восточной польской провинции». Глядя на этих людей, «никак не скажешь, что они занимаются какой-то известной или полезной профессией; правда, они выдают себя за актеров, но, как говорит пани Визлова: театр — это громко сказано (...) а деревенские были разочарованы — что же это за театр, где нет костюмов». Спектакли, даже те, что играются в часовенке, никого не интересуют. А кто они такие, эти приезжие? Деревня знает, что они занимаются йогой, а «йоги — известно, про кого речь».

Мацей Рыхлый, композитор и музыкант, сотрудничающий с труппой, рассказывает про встречу с одной семьей: «Все было по-семейному, сердечно, а когда я собрался уходить, хозяйка сказала: «Как вы хорошо говорите по-польски». — «Вы тоже хорошо говорите по-польски», — делаю я комплимент, а она отвечает: «Я? Это же нормально. Я тут родилась». — «А я как, по-вашему? И я же в Польше родился!» Тут ее уверенность перешла в безграничное удивление, и с легким оттенком тревоги она спросила: «Так вы уже в Польше рождаетесь?»» Но «артистов начали называть евреями только когда Центр театрального мастерства начал покупать в Гардзенице кое-какую недвижимость». Наверное, в памяти стали всплывать довоенные годы, когда дома приобретали евреи. Таким образом, люди знают, «кто они такие и зачем сюда приезжают, что тут делают и что им на самом деле надо, а ты не притворяйся глупым да слепым, это же всякий знает, а ты один не знаешь?»

Центр находится в Гардзенице, но я не думаю, что это сказывается на общем направлении его деятельности. Он поднимает проблемы, имеющие важное значение для культуры, и не только нашей. Культивирует такие ценности, как память о прошлом, наполняя их энергией творческих поисков. Однако пограничное положение Гардзенице, безусловно, отражается на характере деятельности Центра.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

♦ Президент Александр Квасневский постановил, что выборы в Европейский парламент пройдут в Польше в воскресенье 13 июня. *(«Тыгодник повшехный», 21 марта)*

♦ По мнению Европейской комиссии, Польша готова к охране своей восточной границы. Досмотр будут осуществлять 1700 таможенников. Решение Брюсселя означает также, что в полночь с 30 апреля на 1 мая прекратится досмотр товаров на границе с Германией, Чехией, Словакией и Литвой. *(«Жечпосполита», 19 марта)*

♦ По данным опроса ЦИОМа, за вступление Польши в Евросоюз высказываются 62% поляков, а против — 29%. *(«Жечпосполита», 2 апр.)*

♦ Замминистра иностранных дел проф. Даниэль Ротфельд: «Вступление Польши в Европейский Союз — это исторический шанс преодолеть многовековое отставание. Это — решение под стать тому, которое принял в 966 г. [князь] Мешко I [связавший судьбу Польши с западным христианством]. Это определило место Польши на целое тысячелетие. Большинство поляков сознает это». *(«Тыгодник повшехный», 4 марта)*

♦ Благодаря удвоению дотаций Евросоюза на образовательные программы за границу поедут учиться не 5400, а почти девять тысяч польских студентов. Около тысячи школ (т.е. в два раза больше, чем до сих пор) примут участие в программе школьного обмена. *(«Газета выборча», 23 марта)*

♦ Сравнительный анализ государственных и частных школ, проведенный Эльжбетой Путкевич и Анной Вилкомирской по заказу Института социальных проблем, показал, что в Польше существует почти 1400 частных средних школ, гимназий и общеобразовательных лицеев. Хотя в них учатся лишь 2% учеников, во многих из этих школ возникают новаторские программы, учебники и методы обучения и воспитания. *(«Газета выборча», 10 марта)*

♦ «Из школьных и детсадовских столовых исчезли сосиски. Специалисты из Государственной санитарной инспекции не рекомендуют есть их детям до 10 лет. В сосисках слишком много жира (30%) и воды (50%), а белков всего 9%. Качество мяса, из которого они изготовляются, тоже оставляет желать лучшего». *(«Газета выборча», 20-21 марта)*

♦ Премьер-министр Лешек Миллер заявил, что 2 мая, после вступления Польши в Евросоюз, он подаст в отставку [ранее Миллер отказался от поста председателя парламентской фракции «Союза демократических левых сил» (СДЛС) в пользу Марека Дыдуха, а затем от поста председателя СДЛС в пользу Кшиштофа Яника]. Одновременно маршал Сейма Марек Боровский и еще почти 30 депутатов от СДЛС создали новую партию, получившую название «Польская социал-демократия». Основные пункты ее программы — это отмежевание от сотрясающих СДЛС афер, больше левизны, строгий нейтралитет в религиозных вопросах и проевропейская ориентация. *(«Тыгодник повшехный», 4 апр.)*

♦ Из интервью с Мареком Боровским: «Мы будем разъяснять, что тот путь [Польской объединенной рабочей партии и ПНР] — как в области экономики, так и, разумеется, в сфере политики — вел в никуда». *(«Жечпосполита», 30 марта)*

♦ По данным опроса ЦИОМа, 44% поляков с удовлетворением восприняли новость о предстоящей отставке премьер-министра Лешека Миллера. 60% считают, что главной причиной спада доверия к кабинету Миллера стали коррупция и темные дела с участием членов СДЛС. 40% усматривают причину в высокой безработице (в анкете можно было выбрать три ответа). *(«Жечпосполита», 10-12 апр.)*

♦ Кшиштоф Козловский, министр внутренних дел в правительстве Тадеуша Мазовецкого: «Заявление о предстоящей отставке Лешека Миллера было продиктовано отнюдь не давлением оппозиционных партий (...) Миллера скомпрометировали его ближайшие сотрудники, которым он доверял и которых он защищал. А его собственная партия отвернулась от него, когда перед ней замаячил призрак поражения на грядущих выборах (...) Если окажется, что значительная часть левых, и не только левых, действительно устала от господствовавшего до сих пор стиля правления, это будет оптимистический сигнал, свидетельствующий о том, что стандарты и ментальность ПНР наконец-то отмирают». *(«Тыгодник повшехный», 4 апр.)*

♦ Президент Александр Квасневский предложил занять пост премьер-министра проф. Мареку Белькe. Белька был экономическим советником президента, министром финансов в правительстве Влодзимежа Цимошевича, вице-премьером и министром финансов в правительстве Лешека Миллера (с этого поста он вскоре ушел в отставку), а также директором по вопросам экономической политики во временной коалиционной администрации Ирака. Он демонстративно подчеркивает свою незави-

симость от политиков и отрицательное отношение к их вмешательству в экономику. «Я не намерен разрушать экономику ради кратковременных выгод политиков правящих партий», — говорит Белька. ***(«Газета выборча», 30 марта)***

♦ «Уже больше года быстро растущий объем экспорта ведет к улучшению конъюнктуры в польской экономике. Похоже, что после вступления Польши в Евросоюз экспорт может стать еще более мощной движущей силой нашего развития. Это касается прежде всего продажи за границу продуктов питания, торговля которыми перестанет регулироваться действующими до конца апреля ограничениями (...) Даже в нынешних условиях активное сальдо Польши в торговле продовольственными товарами со странами Евросоюза и ЦЕФТА (Центральноевропейской ассоциации свободной торговли) постоянно увеличивается». *(Кшиштоф Бень, «Жечпосполита», 31 марта)*

♦ **«Такой благоприятной ситуации в польской промышленности уже давно не было: в феврале объем продаж польских предприятий увеличился более чем на 18%».** ***(«Жечпосполита», 18 марта)***

♦ 331 млн. долларов инвестировали за границей польские фирмы в 2003 году. *(«Ньюсуик-Польша», 14 марта)*

♦ **В 2003 г. стоимость прямых иностранных инвестиций в Польше составила 5-6 млрд. долларов. Это самый низкий показатель за последние шесть лет.** ***(«Впрост», 14 марта)***

♦ Прибыльность экономической деятельности в Польше катастрофически мала — она составляет лишь 2 (два) процента. Число концессий и разрешений, необходимых для ведения экономической деятельности, уже перевалило за сто. Растет также число контрольных органов. Еще в 1997 г. их было 27, а теперь — уже 40. Собственная фирма перестала быть способом получить хорошую работу и высокую зарплату. *(Ян Пинский, «Впрост», 28 марта)*

♦ **Лешек Бальцерович: «Почти все плохие законы протаскиваются под лозунгами «защиты» и «поддержки». Государство должно «поддерживать» производителей. Однако львиная доля этой «поддержки» попадает у нас в руки нерентабельных шахт и железных дорог. Польша предназначает самый большой в мире процент ВВП на «поддержку» инвалидов, но люди, по-настоящему обделенные судьбой, получают очень незначительную часть этих субсидий. Польское трудовое законодательство обеспечивает высокий уровень защиты работников от увольнений, что ведет к росту безработицы, так как предприниматели, предвидя трудности с увольнением, боятся легально принимать на работу новых людей».** ***(«Впрост», 14 марта)***

♦ По оценкам воеводских бюро по трудоустройству, в прошлом году в Польше нелегально работал миллион человек из стран бывшего СССР. Только у нескольких тысяч из них был шанс получить разрешение на работу. *(Ян Пинский и Михал Зелинский, «Впрост», 21 марта)*

♦ **«За несколько лет преобразований мы сменили черно-белые телевизоры на цветные, купили видеомагнитофоны и автоматические стиральные машины. Согласно данным Главного статистического управления (ГСУ), наши реальные доходы растут (...) Статистики ГСУ свидетельствуют также о все большем общественном расслоении (...) В 1989 г. лиц, получавших менее половины средней зарплаты, было 3,8%, а в 2002 г. — уже 18,4% (...) Однако это не меняет того факта, что средние доходы общества в целом, в т.ч. и самых бедных его групп, растут (...) Средние доходы ползут вверх, но доходы тех, кто стоит в структуре общества на нижних ступенях, растут медленнее всего. Расстояние между самыми богатыми и самыми бедными постоянно увеличивается».** ***(Сильвия Шпарковская, «Жечпосполита», 8 марта)***

♦ Проф. Виктор Осятынский: «Общественные, материальные и экономические успехи, которых добилась Польша после краха коммунизма, несомненно огромны (...) Откуда же тогда столько недовольства? Может быть, в польской культуре потому так много неудовлетворенности, что у нас (особенно на землях, принадлежавших некогда России) нет модели, рассматривающей переход в средний класс как жизненный успех (...) Для поляка успех — это когда человек в считанные дни становится аристократом или миллионером. А каждый, кто зарабатывает на нормальную мещанскую жизнь среднего или низшего среднего класса, считает, что потерпел в жизни поражение, — особенно, если он видит Ковальского, ставшего миллионером. У него же самого есть только телевизор, машина и что-то там еще. В нашем обществе, где нет укорененного среднего класса и мещанства, недовольство представляет собой плод наших амбиций — немного больных и неосуществимых». *(«Нове ксёнжки», март)*

♦ **Директор Института истории социологической мысли при Варшавском университете Павел Спевак: «Социологи утверждают, что мы имеем дело с процессом остановившихся общественно-политических и экономических преобразований, что в Польше основной конфликт носит политический характер и что для большинства людей это конфликт между государством (политическими верхами) и гражданами (...) Диагноз кризиса ставят почти все политические партии, не исключая «Самообороны». Остается два вопроса: возникнет ли достаточно сильная коалиция сторонников преобразований и разглядят ли ее избиратели среди борющихся за голоса партий?»** ***(«Впрост», 14 марта)***

♦ «Список самых коррумпированных государств мира возглавляют беднейшие — Бангладеш, Нигерия, Гаити и страны бывшего Советского Союза (...) На другом кон-

це списка — богатые государства с крепкой рыночной экономикой и демократической системой правления: Финляндия, Исландия, Дания. В середине, между Словакией и Китаем, расположилась Польша. Организация «Transparency International», сделавшая немало для чистоты общественной жизни, опубликовала доклад о положении с коррупцией в мире». *(Кшиштоф Готсман, «Жечпосполита», 26 марта)*

♦ **Закон, гласящий, что взяткодатель, который сам сообщит карательным органам о даче взятки, не несет уголовной ответственности, протащил в Сейме судья Януш Войцеховский, бывший председатель Высшей контрольной палаты, а ныне вице-маршал Сейма. Недавно он стал первым председателем крестьянской партии ПСЛ, не имеющим собственного хозяйства. Войцеховский — один из основателей фонда по защите прав животных.** ***(«Жечпосполита», 17 марта)***

♦ Согласно опросу ЦИОМа, в начале апреля «Гражданскую платформу» поддерживали 29% избирателей, «Самооборону» — 21%, «Право и справедливость» — 11, «Польскую социал-демократию» — 10, «Лигу польских семей» — 8, СДЛС — 7%. Правившая до сих пор коалиция СДЛС и «Унии труда» могла бы рассчитывать на 10% голосов. ПСЛ с 4% поддержки не вошла бы в Сейм. *(«Жечпосполита», 10-12 апр.)*

♦ **«Самооборону» поддерживают 42% избирателей с неполным средним образованием. В то же время партии Анджея Леппера симпатизирует только 1% людей с высшим образованием и 8% предпринимателей.** ***(«Газета польска», 17 марта)***

♦ Депутаты «Самообороны» Станислав и Ванда Лыжвинские обворовывали государство, недоплачивая ему налоги. Теперь по решению радомского суда каждый из них должен заплатить по несколько тысяч злотых штрафа. В том же суде ожидает повторного рассмотрения второе уголовное дело активиста «Самообороны», в котором Лыжвинский обвиняется в препятствовании приведению в исполнение приговора в части имущественного взыскания. *(«Жечпосполита», 26 марта)*

♦ **Сейм в очередной раз лишил Анджея Леппера депутатской неприкосновенности. За лишение председателя «Самообороны» законодательной защиты проголосовало 260 депутатов, против — 78, воздержалось — 33. Лишение неприкосновенности означает возможность привлечь депутата к уголовной ответственности.** ***(«Жечпосполита», 19 марта)***

♦ «Лидер «Самообороны» сделал карьеру благодаря преступному бездействию карательных органов и органов правосудия (...) На его счету 43 уголовных процесса, несколько из которых закончились обвинительными приговорами. Леппера приговаривали условно или же дело кончалось штрафом в размере 6 (шести) злотых». *(Михал Зелинский, «Впрост», 28 марта)*

♦ **Леппера создали политики — те, которые на протяжении пятнадцати лет боялись, что трудные реформы вызовут общественный бунт.** ***(Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 21 марта)***

♦ Павел Спевак: «Оказалось, что крах коммунистической системы и ее преодоление — две совершенно разные вещи. Эта система, превращавшая людей в рабов и потребителей, проникла в человеческие души глубже, чем можно было ожидать. Она скрывается в болезненной подозрительности, кормится претензиями, пресыщается сознанием несчастья и готовностью обвинять других, прячется в ностальгии по ПНР (...) На этих отложениях ресентимента и несчастья и вырос Анждей Леппер». *(«Впрост», 28 марта)*

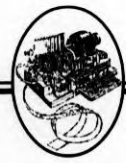
♦ **«Анджей Леппер все ближе к власти. Начинают вырисовываться совершенно реальные сценарии какой-нибудь правящей коалиции с участием «Самообороны» (...) Явная демагогия и популизм Леппера, которые до недавнего времени исключали его из круга уважающих себя политиков, уже не препятствуют созданию коалиций с «Самообороной»: политики перестали себя уважать и наперегонки упражняются в лепперовской риторике».** ***(Янина Парадовская, «Политика», 20 марта)***

♦ «В мире бизнеса никого не удивляет, что люди из списка ста самых богатых [поляков] ищут контакт с Анджеем Леппером (...) Бизнес рассчитывает на то, что все будет не так уж плохо, что, придя к власти, Леппер — как это уже не раз случалось с популистами — окажется более благоразумным. А тогда можно будет заключить с ним сделку (...) Среди советников «Самообороны» есть много людей с пээнэровским прошлым (...) Становится все яснее, что Леппер принесет Польше не столько революцию, сколько продолжение, т.е. пойдет по стопам Миллера». *(Михал Карновский, Амелия Лукасяк и Петр Заремба, «Ньюсуик-Польша», 20 марта)*

♦ **«У «Самообороны» нет серьезных шансов править Польшей, но, увы, у нее есть шанс провести в Европарламент значительную группу своих депутатов».** ***(Вальдемар Кучинский, «Газета выборча», 30 марта)***

♦ В четверг Анджей Леппер встретился в резиденции «Самообороны» с послом Великобритании в Польше Чарльзом Кроуфордом. Британское посольство подтвердило, что такая встреча действительно имела место, так как посол «хотел познакомиться с Леппером». *(«Газета выборча», 9 апр.)*

♦ **«4 мая [в Варшаве] состоялся концерт всемирно известного хора Александрова. Приглашенных представителей государственной власти — маршала Сейма Марека Боровского, вице-премьера Юзефа Олексы, министра культуры Вальдемара Домбровского, а также полевого епископа Войска Польского Славоя Лешека Глудзя — приветствовал конферансье Богуслав Качинский (...) Концерт часто**



прерывался громкими аплодисментами и овациями. Восторженная публика бросала на сцену цветы. В конце артистов поблагодарил от имени зрителей Анджей Леппер, вручив всему коллективу корзину цветов в российских национальных цветах, а танцевальному ансамблю — букеты. Публика поддержала этот жест благодарности громкими аплодисментами. Очень жаль, что поблагодарить хор не решился ни один из приглашенных официальных представителей Сейма и правительства Польши». ***(«Газета выборча», 12 марта)***

♦ Число польских граждан, высланных в 1940 г. с восточных земель Польши в глубь Советского Союза, можно считать окончательным — это 297 280 человек, заявил в Институте национальной памяти начальник архива ФСБ России генерал Василий Христофоров. Статистику ссылок дополняют следующие цифры: в 1940 г. «малая высылка» коснулась 35 541 семьи, а в июне 1941 г. в глубь СССР было выслано около 40 тыс. польских граждан. По словам российских архивистов, в хранилищах ФСБ, к сожалению, не удалось отыскать именные списки высланных. *(«Жечпосполита», 31 марта)*

♦ **Из России поступает 90% нефти, перерабатываемой на польских нефтеперегонных заводах, и 70% газа, закупаемого концерном «Польская нефте- и газодобывающая промышленность».** ***(«Жечпосполита», 3-4 апр.)***

♦ Из девяти государств, лежащих на берегах Балтийского моря, только Россия не согласилась, чтобы Балтика получила особый защитный статус, благодаря которому для транспортировки нефти использовались бы исключительно танкеры высокого стандарта. Бульшую часть российской нефти перевозят через Балтику танкеры «дешевых флагов» (Панамы и Либерии), находящиеся в плохом техническом состоянии. Нежелание России укрепить экологическую безопасность Балтийского моря за счет уменьшения прибыли от продажи нефти особенно беспокоит Польшу и Литву. Территориальные воды этих государств граничат с территориальными водами калининградского анклава. *(«Газета выборча», 6 апр.)*

♦ **По предложению восьми прибалтийских государств (за исключением России) Балтийское море получило особый статус. Решение об этом принял Комитет защиты морской среды Международной морской организации. Особый статус позволяет прибалтийским странам применять особые навигационные правила, касающиеся танкеров — прежде всего качества судов, их технического состояния и компетентности команды.** ***(«Жечпосполита», 9 апр.)***

♦ Анджей Вайда после премьеры своего спектакля «Бесы» в московском театре «Современник»: «Я уверен, что Достоевский хотел видеть Россию среди европейских народов. Поэтому его слова должны быть услышаны (...) Достоевский сумел разглядеть предвестие будущих общественных экспериментов в таком незначительном событии, каким был в России XIX века процесс Нечаева. Такие процессы совершаются до сих пор, но нет Достоевских, которые поняли бы их значение. Достоевский мастерски описал, как легко манипулировать людьми». *(«Газета выборча», 17 марта)*

♦ **Примас Польши кардинал Юзеф Глемп после встречи с митрополитом смоленским и калининградским Кириллом: «Не было речи о приглашении Алексия II в Польшу во время визита Иоанна Павла II». Митрополит Кирилл (...) самый высокопоставленный русский православный иерарх, посетивший Польшу. Алексий II не был в нашей стране — в отличие от Патриархов Константинопольского, Александрийского, Сербии и Румынии.** ***(«Газета выборча», 29 марта)***

♦ «Новым председателем Конференции Епископата Польши избран архиепископ Юзеф Михалик. В тайном голосовании он лишь в третьем туре незначительным большинством голосов опередил архиепископа Станислава Гондецкого, который в результате стал его заместителем (...) Михалик и Гондецкий олицетворяют два различных взгляда на Церковь и Польшу. Первый симпатизирует польским правым, критикует Евросоюз и выискивает масонские заговоры. Его заместитель — сторонник открытой Церкви, активный участник христианско-еврейского диалога, сторонник европейской интеграции». [На протяжении последних 23 лет председателем Конференции Епископата Польши был примас Юзеф Глемп. Теперь этот пост можно занимать не больше двух пятилетних сроков. — *Ред.*] *(Миколай Лизут, «Газета выборча», 19 марта)*

♦ **В Ломжинской епархии настоятели, имеющие сельскохозяйственные участки, будут ходатайствовать о получении прямых дотаций Евросоюза. Согласно распоряжению епископа Станислава Стефанека, настоятели должны получить идентификационные номера производителей в Государственном агентстве реструктуризации и модернизации сельского хозяйства.** ***(«Тыгодник повшехный», 28 марта)***

♦ Томаш Миськевич стал первым послевоенным муфтием Мусульманского религиозного союза Польской Республики. Союз существует с 80-х гг. и насчитывает около 5 тыс. членов. В основном это польские татары. *(«Газета выборча», 22 марта)*

♦ **««Ислам явно начал привлекать молодых поляков (...) Среди новообращенных мусульман больше всего научных работников, студентов, артистов», — говорит имам Томаш Миськевич (...) Сегодня в Польше уже около двух тысяч мусульман-поляков, и это число продолжает расти (...) появляются школы арабского языка и другие средства информации — например, интернет-портал arabia.pl. Раньше на арабистику шли только энтузиасты. Сегодня факультеты арабистики переживают настоящую осаду. В прошлом году в Варшавском университете на одно место претендовало 20 кандидатов».** ***(Шимон Холовня, «Ньюсуик-Польша», 14 марта)***

♦ По данным британской разведки, Польша входит в число пяти государств, называемых целями повышенного риска из-за вероятности нападения террористов. Опасность расценивается как реальная, так как Польша полностью поддержала войну против иракского режима и имеет в Ираке двухтысячный контингент. Усама бен Ладен упомянул Польшу в числе стран, которые должны ожидать «расплаты». По мнению аналитиков, для теракта в Польше будет использовано химическое или биологическое оружие. Как британскую, так и американскую разведку беспокоят связи террористических организаций вроде «Аль-Каиды» с бывшими офицерами польской коммунистической разведки, которые теперь служат в этих организациях в качестве высокооплачиваемых «советников» и «консультантов». Эти контакты — результат их прежнего сотрудничества с такими группировками, как «Хезболлах» и Организация освобождения Палестины. Террористы, которые нападут на Польшу (если это произойдет), скорее всего будут принадлежать к группе новых рекрутов «Аль-Каиды», состоящей исключительно из белых (не арабов), обратившихся в ислам. *(Гордон Томас, «Впрост», 28 марта)*

♦ **Синагоги в Белостоке, Лодзи, Кракове и Варшаве, а также католические храмы должны были стать целью терактов в рождественско-новогодний период. Полученные в ноябре 2003 г. сигналы о планируемых нападениях на «евреев и крестоносцев» с указанием вышеперечисленных объектов положили начало операции Агентства внутренней безопасности. С того времени спецслужбы обнаружили в Польше более 70 иностранцев, подозреваемых в связях с террористами.** ***(«Жечпосполита», 26 марта)***

♦ Начальник Агентства разведки Збигнев Семёнтковский: «Мы провели серию превентивных задержаний, а также несколько операций, в результате которых Польшу была вынуждена покинуть группа лиц, подозреваемых в том, что они пребывали на польской территории не только в учебных или туристических целях». *(«Жечпосполита», 15 марта)*

♦ **«В Польше нет магазинов, в которых можно было бы купить исправный противогаз или специальное оборудование, защищающее от последствий применения химического и биологического оружия. Варшавская фирма ТБГ начала продавать индивидуальные спасательные комплекты (...) Фирма уверяет, что поглотитель респиратора из комплекта защищает от сибирской язвы, однако специалисты не хотят это комментировать. Та же фирма предлагает всем желающим приобрести... парашюты для людей, живущих или работающих в многоэтажных зданиях».** ***(Войцех Чухновский, «Газета выборча», 19 марта)***

♦ После терактов в Москве и Мадриде в варшавском метро было введено положение повышенной готовности. По ночам на станциях и в туннелях проходят антитеррористические учения. Днем в поездах метро ездят полицейские агенты в штатском. *(«Жечпосполита», 22 марта)*

♦ **В связи с возможными терактами полиция проверяет сотни сигналов, поступающих со всей страны.** ***(«Жечпосполита», 23 марта)***

♦ По мнению Бронислава Геремека, у террористов «Аль-Каиды» «идеология ненависти сочетается с эффективным использованием всевозможных интеллектуальных средств, созданных западной цивилизацией. Лидеры «Аль-Каиды» действуют так, словно они выпускники Массачусетского технологического института, Гарварда или знаменитых французских школ, способные применить в политике все доступные методы современной техники, а также принципы математики и логики. Теракт в Мадриде поражает прежде всего тем, что террористы верно рассчитали слабости европейской политики». *(«Газета выборча», 20-21 марта)*

♦ **«Мы были введены в заблуждение информацией об оружии массового уничтожения в Ираке», — сказал президент Александр Квасневский. Однако польский президент выступает против преждевременного вывода польских войск из Ирака: «Если это будет означать возобновление войны, этнических чисток, агрессии против соседних государств, то какой в этом смысл?»** ***(«Газета выборча», 19 марта)***

♦ «У Польши есть дополнительный (финансовый) повод не спешить с передачей нашего сектора [в Ираке под командование] НАТО. Пока он в наших руках, американцы связаны обещанием финансовой помощи нашим войскам, которая оценивается более чем в 200 млн. долларов». *(Роберт Солтык, «Газета выборча», 2 апр.)*

♦ **В июле польская армия примет в свои ряды более трех тысяч профессиональных рядовых. В первую очередь они попадут в подразделения сил мгновенного и быстрого реагирования.** ***(«Жечпосполита», 1 апр.)***

♦ С помощью иракцев польские солдаты поймали пятерых террористов, убивших двух американцев из коалиционного командования. *(«Газета выборча», 11 марта)*

♦ **Польские военнослужащие ликвидировали тренировочный лагерь иракских террористов, обнаружив при этом 8 тонн взрывчатки. В другом арсенале террористов поляки нашли 600 противопехотных мин и 30 минометных снарядов. «Такие операции возможны благодаря сведениям, получаемым нами от иракцев», — сказал командир польской бригады ген. Эдвард Грушка.** ***(«Жечпосполита», 15 марта)***

♦ Польские солдаты совместно с иракскими полицейскими арестовали 22 террориста. В перестрелке четверо террористов получили ранения. Один из них умер в госпитале. В тайнике было найдено оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества. *(«Жечпосполита», 2 апр.)*

♦ **«Польская гуманитарная акция» предназначила на восстановление Ирака 1,2 млн. долларов. С июля 2003 г. ПГА отремонтировала 10 школ, 16 молодежных центров, 6 водозаборов, а также построила 5 восьмилетних школ.** ***(«Газета выборча», 6 апр.)***

♦ Солдаты польского воинского контингента КФОР в Косове попали в албанскую засаду. Их забросали камнями и бутылками. Инцидент произошел в 2,5 км от базы польско-украинского батальона. *(«Жечпосполита», 19 марта)*

♦ **Секретари Советов национальной безопасности Белоруссии, Польши, России и Украины Геннадий Невыглас, Марек Сивец, Олег Чернов и Владимир Радченко встретились на совещании в Кракове. Главной темой стал вопрос доверия к России, подорванного недавним перерывом в поставках российского газа. Кроме того Польша получила приглашение участвовать в антитеррористических учениях, организуемых тремя остальными государствами «славянской четверки».** ***(«Пшеглёнд православный», апрель)***

♦ Вице-премьер Украины Дмитрий Табачник: «Проблемы [в польско-украинских отношениях] есть, но конфликта — такого, как спор между Россией и Украиной об острове Тузла, — между нами нет». *(«Газета выборча», 30 марта)*

♦ **Взаимный доступ к фондам и возможность копировать книги на компакт-диски — таковы основные положения уникального договора о сотрудничестве, подписанного директором вроцлавского Национального института им. Оссолинских Адольфом Юзвенко и директором Львовской научной библиотеки Миколой Романюком. В львовской библиотеке хранится оставшийся во Львове книжный фонд библиотеки Оссолинских.** ***(«Жечпосполита», 5 апр.)***

♦ Визит президента Александра Квасневского на Украину должен был продлиться три дня, однако из-за политической ситуации в Польше его пришлось сократить до 24 часов. В программе визита остались встречи с Леонидом Кучмой, премьер-министром Виктором Януковичем и представителями украинской оппозиции. В рамках Года Польши на Украине, открытие которого было главной целью визита, будут представлены не только польская культура и история — пройдет также польско-украинский экономический форум и конференция, посвященная вступлению Польши в Евросоюз. *(«Жечпосполита», 31 марта)*

♦ **Президент (мэр) Варшавы Лех Качинский мечтает о создании в столице специального приюта для кошек. Вот что он говорит об этом: «Кошки — это такие животные, которые плохо чувствуют себя в приютах. Следовало бы переселить их из блочных микрорайонов, где они постоянно встречаются с агрессией. Они нуждаются в нескольких гектарах территории с деревьями, кустами, теплыми местами для сна и специальной оградой. Я бы хотел, чтобы в Варшаве возник такой центр. Однако стоимость такой инвестиции наверняка была бы немалой».** ***(«Газета выборча», 9 марта)***

♦ Всепольское общество охраны животных «Animals» и одноименная телевизионная программа проводят кампанию по поиску хозяев для собак и кошек из приютов. Для большинства животных приют означает приговор к пожизненному одиночеству в тесных бетонных помещениях. Согласно последнему отчету главного ветеринара, только каждая вторая собака и каждая четвертая кошка находят себе нового хозяина. *(«Газета выборча», 24 марта)*

♦ **«Такого разрушения рек в Польше не было уже полтора десятка лет. Польское отделение Всемирного фонда дикой природы (WWF) насчитало уже несколько десятков рек, русла которых выпрямляются, углубляются и выкладываются бетоном».** ***(Элиза Квятковская и Адам Вайрак, «Газета выборча», 16 марта)***

♦ «Протест одного человека на много месяцев задержит строительство [в Варшаве] Северного моста. Веслав Новицкий, сотрудник Польской академии наук и активист Всепольского общества охраны птиц говорит: «Прежде всего речь идет о том, чтобы там [на Северном мосту] не было — так, как на Секерковском, — металлических тросов, о которые разбивается множество птиц. Во-вторых, наше общество протестует против регуляции русла Вислы на слишком большом расстоянии от нового моста»». *(Кшиштоф Сметана, «Газета выборча», 9 марта)*

♦ **Когда два года назад поляки вели в Брюсселе шумную борьбу за дотации для крестьян, мальтийцы потихоньку протащили на переговорах противоречащее законодательству Евросоюза положение, разрешающее им охотиться на птиц в период весенних перелетов. Ежегодно на Мальте убивают 2-3 млн. перелетных птиц, возвращающихся в Европу с юга и задерживающихся передохнуть на этом средиземноморском острове. Среди них есть множество видов, гнездящихся в Польше, — например, жаворонки и соловьи. На Мальте они считаются традиционными блюдами местной кухни.** ***(Войцех Рогатин, «Ньюсуик-Польша», 12 апр.)***

БИЗНЕСМЕНА КАЖДЫЙ ОБИДЕТЬ МОЖЕТ

Беседа с Войцехом Блащиком

И потому в Польше у деловых людей появился влиятельный заступник — уполномоченный по правам частных предпринимателей. Им стал варшавский правовед и бизнесмен Войцех Блащик, беседу с которым мы публикуем.

— Любопытно сравнить: а в других странах есть нечто подобное?

— Насколько мне известно, на Западе омбудсмены (уполномоченные по правам человека) действуют при правительственных структурах. Мы решили пойти другим путем: в моем лице в Польше приступил к своим обязанностям полностью независимый «защитник бизнесменов».

— А почему, простите, выбор пал именно на вас, относительно молодого человека?

— Об этом лучше спросить у правления Польской конфедерации частных предпринимателей, которое выдвинуло мою кандидатуру. При этом, конечно, учитывалось, что по образованию я юрист, окончил Торунский университет. И уже более десяти лет сочетаю правовую деятельность (у меня собственная адвокатская контора) с бизнесом (член наблюдательных советов ряда солидных фирм). Кроме того я — вице-президент Конфедерации частных работодателей. Ну и, видимо, немаловажно то, что у меня есть «смежные» специальности — судьи и экономического эксперта.

— Преклоняю голову перед такой многогранностью. Но тогда следующий вопрос: а чем вызвана необходимость создания института уполномоченного по правам бизнесменов? Жили же раньше без него — и ничего, обходились.

— Чтобы долго не витийствовать, приведу лишь две цифры. В 1999 г. в госадминистрации насчитывалось 48 тыс. служащих, а уже в 2002 г. — 118 тысяч. Более чем двукратное увеличение чиновников всего за несколько лет!

— Ну и что? Наверное, и бизнесменов прибыло. А кроме того бюрократия плодится не только в Польше. В странах Евросоюза, куда готовится вступить Варшава, столоначальников тоже хоть отбавляй...

— Число предпринимателей в стране действительно тоже увеличилось. Однако этот прирост не идет ни в какое сравнение с прибавкой чиновного люда. Что касается западной бюрократии, то она знает «свой шесток», ибо ограничена рядом действующих правовых норм, весьма затрудняющих «неуставные отношения». Проще говоря, взяточничество и доступ к прочим неправедным благам.

— Тут я, пожалуй, соглашусь. Перед встречей с вами порылся в Интернете и обнаружил свежий доклад влиятельного польского Фонда имени Стефана Батория. В нем говорится, что 66% предпринимателей убеждены: коррумпированность чиновничества в стране крепчает. Этому выводу, видимо, следует верить: уж кто-кто, а бизнесмены хорошо знают повадки столоначальников, не раз встречаясь с ними «с глазу на глаз».

И вот две трети предпринимателей считают, что в Польше существует нигде не афишируемый налог — «коррупционный». Больше остальных «синдром коррупции» поразил таможенные службы, а также чиновников, в чьем ведении выдача разрешений на аукционы, позволений на создание собственных фирм...

— ...и это ограничивает экономическую свободу, без чего немыслима деятельность деловых людей. Причем беда не только в мздоимстве, но и в слабой компетентности многих госслужащих, недостаточной их дисциплинарной ответственности за ошибочные решения, которые порой приводят предпринимателей к банкротству.

Да, существует закон о государственной службе, в котором прописаны пункты и об экономической ответственности представителей администрат-

рации. Но закон этот приняли еще в 1982 г., в период военного положения в Польше, когда все свободы были резко ограничены, а слово «бизнес» являлось бранным. С тех пор, правда, этот свод правовых норм многократно обновляли. Но все равно он остается крайне несовершенным.

Что характерно, законодательную пустоту в этой важной материи ощущают не только бизнесмены. Так, в недавнем постановлении Конституционного суда говорится, что в случае ошибочных решений чиновников госказна должна компенсировать предпринимателю не только фактический ущерб, но и **упущенную выгоду**.

Ведется также подготовительная работа по внесению поправок в Гражданский кодекс — в направлении повышения ответственности бюрократии перед предпринимателями. И перед налогоплательщиками: за некомпетентность, ошибочность, а порой и просто зловредность чиновника расплачивается, в конечном счете, рядовой гражданин, «пан Ковальский».

Как защитник бизнесменов я пойду еще дальше — буду ставить вопрос о **личной** ответственности каждого чиновника.

— Это надо понимать так, что за шкодливую «очепятку» он выложит денежную компенсацию из своего кармана?

— В том числе. А в более широком смысле — пусть понесет **дисциплинарную** ответственность, вплоть до расставания с насиженным местом.

Понимаю, что это предложение революционное. И что представители администрации будут противиться ему изо всех сил. Но на легкую жизнь, когда меня выбирали уполномоченным, я и не рассчитывал.

— Кого возьмете в союзники?

— Во-первых, экономическую комиссию Сейма. Ее члены, представители, кстати, различного политического спектра, тоже «копают» в этом направлении. Вот и объединим силы. Надеюсь, что народные избранники выступят с **депутатской инициативой** о соответствующем изменении законов.

В то же время я не исключаю и возможность **гражданской инициативы**, представления в Сейм общественного законопроекта. Собрать для этого 100 тысяч подписей по всей Польше, думаю, будет нетрудно.

Очень рассчитываю на поддержку «4-й власти». Крупнейшая национальная газета «Жечпосполита» уже вызвалась стать моим «опекуном».

— А какие у вас отношения с вашим коллегой — уполномоченным по гражданским правам, институт которого существует в Польше уже длительное время?

— Самые тесные. Эта правозащитная структура прикрепила ко мне своего представителя. С ней и будем разгребать «авгиевы конюшни».

— Известно, что до принятия закона путь неблизкий. А каково в это время в тисках бюрократии отдельно взятому бизнесмену? Например, Роману Клюске, над которым висит дамоклов меч уголовной ответственности...

— Хорошо, что вы вспомнили об этом: я намереваюсь вмешаться в «темное дело». Для тех, кто не знает, напомню: бывший президент крупнейшей в Польше компании «Оптимус» обвиняется в «нанесении значительного ущерба государственной казне».

Более года назад он продал одной из словацких фирм компьютеры с «нулевой» ставкой НДС, то есть с выгодой для себя и своей компании. Вот этого и не может ему простить казна, утверждая, что, не заплатив налог на добавленную стоимость, он нанес материальный ущерб государству порядка 8 млн. злотых.

Действительно, бизнесмен не хотел платить эти деньги казне. Но при этом действовал в соответствии с законом, который позволяет вывозить товар за границу. Он и вывез с максимальной пользой для себя, причем не фиктивно: накладные, таможенные и иные документы в полном порядке. Затем эти же компьютеры возвратились в Польшу, их закупило министерство образования для школ. Тоже по «нулевой» ставке НДС, сэкономив те же 8 миллионов.

Трое видных польских правоведов письменно подтвердили, что в этой трансакции нет криминала. Однако бизнесмену по-прежнему угрожают уголовным судом.

Что любопытно, на адрес Клюски за это время пришло несколько сот писем со всей Польши от товарищей по несчастью, рассказывающих об аналогичных драматических столкновениях с фиском. И это лишний раз свидетельствует о разительном несовпадении интересов государства и бизнесменов. Очень ненормальная ситуация, которую нужно менять!

И ко мне, заступившему на пост уполномоченного без году неделя, уже приходят многочисленные сигналы «SOS».Например, заключен в

тюрьму (!) руководитель известной фирмы, лидирующей в продовольственной отрасли (пока не буду называть его имени), в которой трудятся более 500 человек. Опять-таки подозревается в утаивании денег от налоговых служб — 1 млн. злотых.

Так это или нет — нужно разобраться. Но не бросать же человека в тюрьму.

— Надеюсь, в «одиночку» с удобствами? В отличие, например, от российского миллиардера Ходорковского, который, по слухам, «сидит» с четырьмя сокамерниками и одной парашей.

— Этого я еще не проверял. Но любое лишение свободы есть тягостное ущемление личности. К тому же фирму без ее главы лихорадит, она не может работать нормально. В ближайшее время наша конфедерация решит, что делать с этим «прецедентом».

Представители конфедерации и я имеем право участвовать в судебном процессе как заинтересованная сторона, в том числе собирать и предоставлять документы, заключения экспертов. Пока что бизнесмена не выпускают даже под залог пяти миллионов злотых и шести поручительств известных в Польше людей!

— А вы не опасаетесь попросту не совладать с волной чиновничьего произвола?

— Опасаюсь! Но очень рассчитываю на поддержку Конфедерации частных предпринимателей, вице-президентом которой являюсь: за нами 50 региональных и отраслевых объединений, около трех тысяч фирм, от Союза строителей до Унии польских театров.

— Существует еще более мощная национальная ассоциация — Совет предпринимательства, объединяющий более 95% польских работодателей, куда входит и ваша конфедерация. Недавно я ознакомился с «открытым письмом» этого совета к депутатам Сейма о введении 19-процентного налога с предпринимателей. И в эти же дни одна женщина-депутат Сейма предлагала ввести... 50-процентный «налог с миллионеров». Не выходит ли так, что все начнется и кончится «открытыми письмами»?

— Что тут скрывать, бюрократическое лобби и в Сейме велико. Чиновникам выгодно закрепить трехступенчатую налоговую систему: 19, 30 и 40%. И даже некоторые представители правой оппозиции поддерживают этот анахронизм, что для меня, признаюсь, оказалось неожиданностью.

Выгода столоначальников в том, что существующая налоговая система позволяет им «казнить и миловать», определяя, кому предоставить налоговые льготы, а кому придержать. Мы же предлагаем ликвидировать **все** льготы (а значит, и кормушку для бюрократов) и оставить лишь один налог — 19-процентный.

И государство от этого только выиграет: будут осваиваться новые мощности, создаваться новые рабочие места (а что может быть актуальнее для Польши с 17-процентной безработицей на сегодняшний день?). Режим «наибольшего налогового благоприятствования» непременно приведет к росту производства. И, как следствие, к увеличению покупательского спроса. В результате — пополнение госказны, о чем на словах так печется администрация.

— «Мы публично называем тех, кто сопротивляется разумному закону о налоге, врагами предпринимательства», — написано в открытом письме...

— Ссылка на «публичность», мне кажется, очень важна. Моя идея-фикс заключается в создании института уполномоченного по правам предпринимателей как элемента гражданского общества. То есть с опорой на низовые организации и людей доброй воли, которые бы работали на чистом энтузиазме и бескорыстном интересе, не получая за это вознаграждения.

— И вы?

— И я. За свою работу уполномоченного я не получаю (и не требую) ни гроша. За тот десяток лет, что я провел в предпринимательстве, я на жизнь заработал и теперь хочу послужить обществу, собратьям по бизнесу бескорыстно.

— Позиция, достойная уважения. А какой вы «политической окраски»?

— Никогда не состоял ни в одной политической партии или группировке. И в своих правозащитных делах намерен ориентироваться главным образом на экономические органы и структуры, а не на партии.

Вообще считаю, что политики и аппаратчики должны воздать «кесарю кесарево»: пусть предприниматели занимаются бизнесом, приумножая бюджет, а парламентарии и администрация сосредоточатся на выработке качественных норм и контроле за их неукоснительным соблюдением.

— Пока такое «разделение труда» проблематично: то и дело слышишь, как правительственный чиновник «параллельно» засел в наблюдательном совете консорциума, а политик — в правлении корпорации...

— Да, и это несмотря на антикоррупционный закон, запрещающий госслужащим участие в частнопредпринимательских структурах. На Западе, как правило, амбициозные люди добиваются сначала профессионального, предпринимательского успеха, материальной независимости, а потом уже «идут во власть». В Польше, увы, наоборот: сперва — политика, а параллельно — бизнес с искусом набить свой карман.

— Несколько лет назад разоблачений мздоимства было значительно меньше. Может, администрация левого правительства более склонна к взяточничеству, чем правого?

— Не думаю. Тяготение к неправедному личному обогащению вряд ли зависит от политического спектра: берут и те, и другие. Иное дело, что СМИ стали больше об этом говорить и писать. Вероятно, это связано и с подготовкой к вступлению Польши в европейское сообщество, которое весьма чувствительно к подобным аномалиям.

В любом случае, вскрытие бюрократических язв, непримиримость к коррупции — хороший симптом. Если, конечно, это не используется в конъюнктурных целях и ради дешевой демагогии.

— Кстати, о Западе. Что изменится для предпринимателей, когда Польша вступит в ЕС?

— Прежде всего повысится уровень политической культуры, самосознания общества. В настоящее время этот уровень все еще невысок. Взять ту же болезненную проблему мздоимства: теоретически все осуждают взяточничество, однако, когда нужно «решить вопрос» в каком-либо департаменте, многие предпочитают «задобрить» чиновника, от которого зависит их судьба. Начиная от вручения «чисто символической» коробки конфет до ценных предметов и денежных знаков.

— А возможно ли в принципе искоренение взяточничества и коррупции? В России, например, поговорка есть: «Быть у воды, да не напиться!»

— Человеческая натура, видимо, неисправима. Но дурные наклонности чиновников можно сдерживать законодательно и подконтрольно, соответственно снижая коррумпированность общества, скажем, с 50 до 10%. И это заметно оздоровит нравы.

Что касается экономических последствий вступления Польши в Евросоюз, то вначале будет нелегко. Бизнесменам в первую очередь: в ЕС повышенные требования к условиям, гигиене труда и многим другим параметрам.

А главное, придется приложить много усилий, чтобы догнать экономически развитые страны, входящие в европейское сообщество. Коммунистическое прошлое оставило тяжелое наследие, не преодоленное и по сей день. Это и запоздалый переход на высокие технологии и современные формы организации труда, это и отвычка от предприимчивости и упорства — того, что на Западе называется «сделать самого себя»...

— Хорошо бы применить к странам, по которым прокатилось «красное колесо», нечто вроде «плана Маршалла», чтобы выровнять их старт в Евросоюзе...

— Хорошо бы. Но не вижу источников. Америка? Она занята «перестройкой» Ирака. Евросоюз? Здесь свои трудности даже в наиболее богатых странах, как, например, Германия.

Поэтому не будем ждать чудес — в том числе и переоценивать значение иностранных инвестиций. Да, эти инъекции для нас очень важны. Тем не менее заграничный капитал не может быть основным источником развития страны. Главным двигателем экономического прогресса должен стать отечественный капитал, предприимчивость людей, их труд. Если мы создадим подобающую инфраструктуру, то и с притоком иностранных инвестиций проблем не будет.

— Существуют еще и многочисленные фонды ЕС. Они в какой-то мере играют ту же роль, что и усилия 17 экономически развитых западных стран в успешном восстановлении послевоенной Европы.

Ignacy Czwartos

— «Донорские» вливания — большое благо для любой страны с переходной экономикой. Разумеется, вступающая в ЕС в качестве полноправного партнера Польша тоже не обделена. Только вот ведь парадокс: мы до сих пор не использовали эти фонды в полной мере.

— Из-за того, что к 60-процентной квоте фонда требуется присовокупить 40% своих средств?

— Не только поэтому. Скажем, европейский фонд на развитие дорожной инфраструктуры Польша использовала лишь наполовину. Почему? Ведь и своя 40-процентная добавка нашлась, и отечественные квалифицированные дорожники во всем мире автострады строят, теперь вот в Ираке. А в своей стране — не получается.

Потому что все опять уперлось в родимую бюрократию: она не успевает оформлять необходимые документы, которые требует ЕС. Да, бумаг — тьма, а сроки подачи жесткие. Польские же чиновники в экстремальных ситуациях действовать не привыкли. Вот если б существовал закон о привлечении их к дисциплинарной ответственности, за что я и ратую, небось, зашевелились бы...

— Запад опасается, как бы почти 40-миллионная Польша после вступления в ЕС не «затопила» его рабочей силой...

— Что ж, даже школьникам известно, что средняя зарплата «за бугром» в четыре раза выше, чем в нашей стране. И все равно большого оттока в соседнюю Германию и другие европейские страны я не предвижу.

Во-первых, наши будущие партнеры «соломку подстелили», предусмотрев различные формы «запрета на профессии» для новых гастарбайтеров. Замечу, что для меня, защитника прав отечественных предпринимателей, важно, чтобы этих ограничений было как можно меньше. Рычаги воздействия есть: Польская конфедерация частных работодателей входит в ряд влиятельных международных организаций, наш филиал расположен в Брюсселе.

Ну, а во-вторых, кто хотел «поработать в Европе», давно уже там. Трудятся и легально, а зачастую — и нелегально (по-польски говоря, «по-черному»), получая, по цивилизованным меркам, гроши. Легализовать их труд после вступления Польши в ЕС — это тоже наша забота.

— Есть и опасения по другую сторону Буга: не опустится ли новый «занавес» после присоединения Польши к ЕС...

— Думаю, что трудности поначалу будут. Собственно, уже есть. А когда пограничье Польши с Россией, Украиной и Белоруссией станет общей границей ЕС, формальности еще больше ужесточатся. Цунами «восточного криминала» Европа боится намного сильнее, чем паводка рабочей силы из стран — новичков ЕС.

Так что Польша будет играть роль не только «моста» между Западом и Востоком, но и «буфера» между ними. Удастся ли? Должно удаться.

Россия как-никак демократизирующаяся страна, признаваемая западным миром. Украина на пути к тому. Труднее с Белоруссией, но, хочется надеться, временно.

Иначе говоря, когда социально-экономические системы — европейская, наша и восточных соседей — выровняются, то и трудноразрешимые проблемы возникать не будут.

— До сих пор в экономическом сотрудничестве Польши с Россией, с другими странами СНГ преобладает простейшая форма товарооборота — «купля—продажа». Эксперты считают: чтобы системы «сравнялись», следует переходить от торговли к инвестированию, созданию совместных предприятий.

— Полностью согласен! Более того, у предпринимателей, завоевывающих восточный рынок, должен быть не только краткосрочный, но и стратегический план. Солидный инвестор прогнозирует ситуацию на десять лет вперед. А это значит, что настало время вхождения на рынки Востока **больших** фирм, концернов, способных, так сказать, к опережающему отражению действительности, добротному обустройству в стране пребывания. Риск, конечно, велик, но и выгода немалая. Может, и не сразу, но в конечном счете в убытке не будешь.

Полагаю, что и нашим восточным соседям выгоднее работать с большими, солидными объединениями, заглядывающими в завтрашний день.

Доминирующие же нынче в России и других постсоветских республиках мелкие и средние фирмы ориентированы на сиюминутную деятельность и прибыль — иначе не выживут.

Я, кстати, вхожу в наблюдательный совет польской компании стройматериалов «Явалсистем». И приветствую создание ею в Харькове совместного предприятия. На очереди — Россия...

Беседу вел Владимир Блинков

Доминик Улиг

ВМЕСТО ГОСУДАРСТВА

Вместо жалоб на то, что государство ничего не делает, поляки берутся за дело сами. В Котлине-Клодзкой провели маммографические обследования. В Билгорае раздавали лимоны дорожным пиратам. А в Эльблонге сбором средств на помощь инвалидам занимались фанаты хип-хопа.

Эти идеи финансировали местные фонды, которые с 1999 г. помогает создавать варшавская ассоциация «Академия развития филантропии». Таких фондов уже 17. Фонд создается таким образом: когда возникает замысел сделать что-нибудь полезное, собираются деньги среди местных жителей и фирм. Эти деньги — «золотой запас» (резервный фонд), которым распоряжаются представители местной общественности: они решают, на что истратить средства.

«Золотой запас» кладут на счет в банке, и теоретически одних процентов должно хватить на финансирование благотворительной деятельности фонда. Так делают в США. В Польше одних процентов недостаточно, поэтому фонды, помимо того что стараются умножить свой «золотой запас», непрестанно ведут поиски грантов от организаций, занимающихся оказанием помощи, организуют сбор средств среди общественности. Местные фонды стараются также получить статус общественно-полезной организации (пока что такой статус получил лишь один из этих фондов, из Сокулки в Подлесье). Тогда они смогут помещать свой «золотой запас» в инвестиционные фонды.

«Академия развития филантропии», частично финансировавшая первые местные фонды, проводит обучение их лидеров, издает справочники, помогает налаживать международные связи. Она получает деньги, в частности, из американских фондов Ч.С.Мотта и Форда, от Фонда Батория и польских спонсоров.

• До конца апреля 1% от суммы налога можно направить НПО, имеющей статус общественно-полезной организации.
• Заполняя налоговую декларацию за 2003 год, рассчитайте, какую сумму составляет 1% от налога. Ее можно внести на счет одной из организаций. Позже налоговое ведом-ство вернет вам эту сумму.
• Постоянно обновляе-мый список общественно-полезных организаций можно найти в Интер-нете: www.ngo.pl

Если в США местные фонды создают богатые общины, то в Польше эти фонды позволяют смягчать напряженность и преодолевать ощущение беспомощности в самых бедных регионах, где уровень безработицы часто превышает 30%.

Больше всего дает местный бизнес

Барбара Марголь, президент Нидзицкого местного фонда (Вармия и Мазуры)

Девять лет тому назад погибла девочка из моей школы, в семье остались еще дети. Мы с мужем собирали по знакомым деньги, чтобы дети могли учиться дальше. Оказалось, что нуждающихся детей гораздо больше. Мы обратились в частные фирмы. Начальство фирм спрашивало, нельзя ли стипендиатам у них поработать: оказалось, им не хватает квалифицированных сотрудников. Наши спонсоры создали стипендиальную комиссию, которая решает, кто получит пособие. Со временем мы создали ассоциацию.

Сейчас наш «золотой запас» составляет почти 635 тыс. злотых. Мы начинали с 12 стипендий, теперь их 50. Больше всего денег дает местный бизнес, немало мы собираем на ежегодном масленичном балу в Нидзицком замке — бывает, даже 30 тысяч. Но, чтобы быть добрым, не обязательно быть богатым: многие помогают нам, внося мелкие суммы.

От решетников до вареников с гречневой кашей

Ирена Гадай, президент местного фонда Билгорайской земли (Люблинское воеводство)

Отвечая на вопрос анкетного опроса: «Что у нас составляет главную проблему», — люди чаще всего называли опасности, подстерегающие детей на пути в школу. Мы заинтересовались вопросами государственного социального страхования,

объявили конкурс среди школ, в качестве приза был выделен компьютер. Идеи возникали самые невероятные: дети и полицейские останавливали машины и угощали хороших водителей яблоками, а плохих — лимонами. Другая школа поставила знаки в опасных местах, например там, где кто-то споткнулся и сломал руку.

Мы оказали поддержку спектаклю, основанному на местной традиции прощания с решетниками — мастерами, которые делают сита и решета. Возврат к традициям вдохновил поваров, и в меню ресторанов вернулось местное блюдо — вареники с гречневой кашей и творогом.

Наш «золотой запас» — уже 620 тыс. злотых. К сожалению, этот год будет нелегким. Благотворительную сумму, которую можно списать с доходов, ограничили 350 злотыми. Это некрасиво по отношению к нашим крупнейшим дарителям, чьи взносы составляли до 90% наших фондов. Надеюсь, что еще до конца апреля нам удастся зарегистрироваться в качестве общественно-полезной организации и уговорить людей передавать нам 1% подоходного налога.

Маммография в 80 деревнях

Дорота Коморницкая, президент местного фонда массива Снежника*

Сначала мы создали стипендиальную программу для талантливых детей из бедных семей. Возможно, 50 злотых ежемесячно — это не такие уж большие деньги, но дети видят, что их старания замечены, и это их стимулирует. Есть у нас и стипендии для тех, кто живет в трудном положении и поступает в вузы, — 380 злотых ежемесячно. В 2001 г. мы проводили обучение новоизбранных сельских старост-женщин — учили их внедрять разные инициативы и мобилизовать сельскую общественность. Теперь мы всегда можем на них рассчитывать. Мы вместе провели маммографические обследования и обследования простаты, охватившие 1300 человек в 80 деревнях! А в Быстшице и Лёндеке-Здруе в рамках акции «Прямо в Европу» 25 врачей в течение двух дней бесплатно проводили медицинский осмотр детей. У половины детей были выявлены искривления позвоночника, двух детей уже оперировали, еще семеро ожидают лечения. Мы также проводили с детьми занятия по гражданскому воспитанию. Школьники возводили городок из фанеры и управляли им.

Наш «золотой запас» — 432 тыс. злотых. Казалось бы, немало, но при существующем начислении процентов трудно работать только за их счет. Этих сумм едва хватает на дополнительное финансирование стипендий. Поэтому мы стараемся получить деньги от конкурсов, которые организуют различные фонды. И всегда нам на помощь приходят органы местного самоуправления: хотя денег у них самих нет, мы всегда можем рассчитывать, что нам предоставят зал, транспорт или другую помощь.

Даже Пея к нам приехал**

Аркадиуш Яхимович, президент Эльблонгского местного фонда (Вармия и Мазуры)

«Академия развития филантропии» обучила нас и отправила в самостоятельное плавание. Нам сказали: «Собирайте деньги, мы добавим столько же». Мы создали фонд с участием представителей НПО, властей города и торгово-промышленной палаты. Так легче собирать деньги.

Мы помогаем способным учащимся и умственно отсталым детям — предоставляем стипендии на учебу, покупаем реабилитационное оборудование. В 2001 г. одна из наших добровольных сотрудниц, желая собрать средства, организовала концерт хип-хопа, на котором, например, бесплатно играл Пея. Пришла тысяча слушателей, мы собрали 10 тыс. злотых.

gazeta

* Массив Снежника, Снежник, группа Снежника, Кралицкий Снежник — горный массив в Восточных Судетах, на границе Польши и Чехии (в границах Польши занимает 369 кв.км). — *Ред.*

** Пея — один из создателей группы «Slumms Attack» (хип-хоп, рэп). — *Ред.*

Лешек Волосюк

ВОСХОДЫ И ЗАКАТЫ ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКОГО ПРИМИРЕНИЯ

Если спросить поляка, с чем у него ассоциируется Легница, он ответит: медь, татары и советская армия. В Легницко-Глогувско-Любинском рудном бассейне добывают медь. В битве под Легницей в 1241 г. пал князь Генрик Набожный. Но татарам так никогда и не удалось продвинуться дальше. С 1945 г. город стал штаб-квартирой советского гарнизона, а позднее командования Северной группы войск Варшавского договора.

В последнее время этот город в Нижней Силезии ассоциируется с театром. А театр обращается к современности — теме горячей, близкой, болезненной. С тех пор, как директором театра стал режиссер Яцек Гломб, зрители могут увидеть в этой современности свое отражение, причем даже в ее драматургическом воплощении.

Но давайте по порядку. Сегодняшний день Легницы сложно понять без истории, без норвидовского «сегодня — это лишь чуть дальше».

* * *

Нижняя Силезия, земли между Одрой и Нисой, была польской до 1348 г., когда Казимир Великий отказался от права на этот удел в пользу Чехии. В 1526 г. этот край вместе с землями чешской короны перешел под власть Габсбургов. В XVIII веке землями этими овладела Пруссия, в 1763 г. присоединив их к своим владениям. Потом эта территория входила как часть Пруссии в состав Германской империи при Бисмарке, Веймарской республики и гитлеровского Третьего Рейха. Запланированные в Ялте изменения границ в Европе получили подтверждение в 1945 г. на конференции держав-победительниц в Потсдаме и эти земли — к востоку от линии Одера—Нейссе — отошли к Польше. На основании этого решения немцев выселили на Запад, а на оставленные ими территории прибыли поляки, главным образом из-за Буга и Сана.

Депортации народов, один из катаклизмов XX века, вызвали страдания миллионов людей, по сей день не описанные. Хуже того, не везде можно было публично вспоминать о своих родных местах. Если в ФРГ создавались землячества, выдвигавшие и политические требования вплоть до того, чтобы вернуться к status quo ante, то к востоку от Эльбы эта тема официально «не существовала» до самого 1989 года. Разумеется, были исключения, а после 1970 г., когда был подписан договор между Польшей и Германией, впервые западные немцы стали посещать Heimat'ы. Их было немного, чаще приезжали немцы из ГДР, когда в 70-е годы было упрощено пересечение границы между ГДР и ПНР. В то время поляки тоже стали ездить на Украину, в Белоруссию и Литву — исключительно в качестве туристов или по частным приглашениям, о «ностальгическом туризме» не могло быть и речи.

Я родился в Западном Поморье (до 1945 г. — Hinterpommern), мне близки судьбы прибывших с востока колонистов, их тоска по родным землям («Хотя бы умереть там, где я родилась», — говорила бабушка) и их неуверенность («А немец не вернется и не выгонит нас?» — спрашивал дедушка). Новым, «народным» властям не доверяли, потому что они часто разворовывали или позволяли разворовывать «ничьи» фабрики, дома, оборудование. А доверяли — как продолжателям польских традиций — католической Церкви и частично системе школьного образования. Поколения дедов и родителей с трудом привыкали к новым местам, к иному пейзажу, стилю застройки, способу ведения хозяйства, хозяйственному инвентарю. Не было привычных названий у местностей, не существовало и местных легенд. Только немцы, посещавшие Elternhaus'ы (родные дома), «вернули» некоторые из них: овраг за деревней — Hülle — мы на польский лад стали называть «маленький ад», на кладбище опять появилась страшилка «Белая Дама», а растущий в деревне дуб, который прежние жители называли Keiseraiche в честь Вильгельма I, теперь прозвали «кайзеренком» или «вилькой».

Как только начались личные контакты, иногда переставшие в дружбу — ведь немцев и нас объединяла общность судеб: и нас и их изгнали с родной земли, — начала оживать память о местах, событиях и людях. Еще до 1989 г. историки, писатели и журналисты начали копаться в документах, сопоставлять информацию с немецкой, чтобы заполнить эту «дыру». Переводились с немецкого воспоминания, например о родившейся во Фридрихштейне под Кенигсбергом (ныне Калининград) Марион фон Дёнхофф, ставшей главным редактором еженедельника «Цайт» и активно выступавшей за примирение между немцами и поляками (см. Алиса Шварцер «Жизнь против течения»); о родившейся в Силезии, а после замужества жившей в местечке Кецков в Западном Поморье Рут фон Кляйст-Ретцов, связанной с антифашистским движением, которым руководил пастор Дитрих Бонхоффер (см. Джейн Пейса «Во имя лучшей Германии»); воспоминания Филиппа фон Крокова («Время женщин»). Известна была «гданьская трилогия» Гюнтера Грасса («Жестяной барабан», «Собачьи годы», «Мышь и кот») и «силезская трилогия» Хорста Бенека, силезца немецкого происхождения.

В Польше в 1980-е появилась литература, вдохновленная «духом места», где делались попытки освоить внезапно покинутые немцами в 1945 г. и столь же внезапно заселенные поляками, мертвые в сознании места, оживить минувшие события и тени умерших. Игра со временем стала одним из частых литературных сюжетов. Таковы книги Стефана Хвина «Ханеманн», где описаны реалии прежнего Гданьска, и «Мерседес-бенц» — тоже гданьского писателя Павла Хюлле, а еще выдвинутое на премию «Нике» произведение Петра Шведа из Щецина под названием «Eine kleine». Я перечислил лишь польские книги, в названиях которых явно слышен немецкий акцент.

Однако в последнее время писатели уходят с этой территории, вероятно, вследствие давления текущих политических изменений. А может быть, причина — в отсутствии отклика в немецкой литературе, «отвернувшейся» от востока, где высокое место, занимаемое Грассом, — скорее исключение. Может быть, более привлекательными становятся встречи на ином, восточном и южном пограничье культур. Многие годы этому посвящают себя польский прозаик Анджей Стасюк и украинский поэт и эссеист Юрий Андрухович. Этой же темой давно занимается фонд «Пограничье» Кшиштофа Чижевского в Сейнах. Над этой темой давно работают литовцы — Томас Венцлова в литературе и Эймунтас Некрошюс в театре. На южном пограничье, в чешском и польском Тешине проходят встречи «Театр на границе» (польские, чешские и словацкие театры) и «Кино на границе» (польские и чешские фильмы), высокий ранг приобретает также кинофестиваль Романа Гутека «Новые горизонты», который проводится в июле в этом чешско-польском городе.

Какими бы ни выглядели польско-немецкие отношения, внехудожественные причины время от времени вызывают настроения, весьма далекие от частых до недавнего времени шагов к примирению. Проходит время Berufsversöhnner'ов (профессиональных примирителей), как в Германии иронически назвали тех, кто посвятил себя налаживанию контактов между немцами и поляками. В последнее время в Польше вызвал возмущение проект «Центра против изгнания» в Берлине, предложенный главой Союза изгнанных Эрикой Штейнбах, ибо мы помним, что прежде, чем немцев выселили в 1945 г., они выселяли нас с Поморья и из Великопольши (и не только оттуда, не говоря уж о депортациях других народов). Не меньшую аллергию вызывают довольно шумные в Германии попытки по-новому взглянуть на собственное прошлое времен II Мировой войны, возводящие трагедию жителей немецких городов, пострадавших от союзнических бомбардировок, в ранг участи жертв войны. Это правда, но правда и то, что начал и вел войну, причем войну тотальную, Гитлер, которого избрали фюрером 80% немцев, горячо его поддерживая вплоть до разгрома под Сталинградом. Если пойти по этому пути, то, может быть, следует выплачивать немцам компенсации, а Черчилля признать военным преступником?

Таким вот образом не впервые личные судьбы и трагедии современных поляков и немцев — а в контексте Легницы также и русских — по-прежнему не могут пробиться на сцену жизни из-за кулис высоких общенациональных соображений и публицистической шумихи.

* * *

К счастью, в легницком театре есть Яцек Гломб, который настойчиво пытается продолжить прерванную в 1945 г. польско-немецкую линию, а также — в контексте польско-российских отношений — линию, прерванную в 1989 г., точнее в 1992-м, когда последние части войск бывшего СССР ушли из Польши.

С 2000 г. Яцек Гломб начал создавать в Легнице современный театр. Даже когда он ставил классику, то делал это в современных декорациях и интерьерах: например, «Гамлета, принца датского» Шекспира он поставил в ремонтировавшемся доме культуры. Но ему хотелось большего: он желал взять тему не только современную, но и местную. Так родилась ставшая широко известной «Баллада о Закачавье», написанная им совместно с Мацеем Ковалевским и Кшиштофом Копкой.

Закачавье — район Легницы, лежащий за протекающей через город рекой Качавой. Поляки поселились тут после войны, так как центр города оставался пустым из-за того, что тут был размещен советский гарнизон. Самые красивые дома в центре города и виллы района Тарминув забрала армия. Потом, когда занимаемую военными часть города обнесли стеной, и там постепенно стали поселяться поляки.

У каждого района с «дурной славой» есть своя притягательность. Была она и у Закачавья, где быстро возник «темный» мирок в боковых переулках и дворах. Позади доходных домов остались от немцев хозяйственные постройки, напоминающие русские сараи: в них держали скот, а когда продовольствие выдавали по карточкам, тут действовали бойни и коптильни. Здесь были забегаловки и бары. Население здесь проживало этнически разношерстное: кроме поляков — евреи, греки, цыгане. Если к этому еще добавить железнодорожников, контрабандой привозивших со всего мира запрещенный товар, а потом советских солдат с их «махнемся» — получится отдельный мирок, где действовали свои особые законы. Здесь легко было скрываться. Возникали банды. Главарем одной из них стал Бенек Цыган.

О нем и его дружках идет речь в спектакле, который Яцек Гломб поставил в... полуразрушенном кинотеатре «Железнодорожник». Этих ребят формировала, с одной стороны, улица, а с другой — гэдэровские фильмы о Виннету, которые шли в этом кинотеатре. Они занимались темными делишками, но руководствовались железными принципами, такими, как смелость и верность в дружбе. Нечто между настроением «городских баллад», встречающимся у Александра Розенбаума и атмо-

сферой Бени Крика из одесских рассказов Бабеля. Власти, милиция и советские военные появлялись тут редко, но вели себя беспощадно. Знаменателен в спектакле любовный сюжет: солдат Лева Апухов влюблен в Розу, сестру главного героя, Бенека Цыгана. Российско-польская love story кончается трагически, Леву за связь с полькой переводят служить в другое место, а когда он сбегает в самоволку, чтобы попрощаться с любимой, на него нападают и убивают те, кто прежде предал Бенека.

«Баллада о Закачавье» с момента премьеры (2000) стала в Польше широко известна и получила много премий, телевизионный вариант спектакля снял Вальдемар Кшистек, который теперь готовится снимать художественный фильм по этому произведению.

* * *

Совершенно иной является пьеса Роберта Урбанского «Восходы и закаты города» (прапремьера 15 марта 2003 года). «Дело происходит, — пишет автор, — в 1933-1956 гг. в Легнитц-Лигнице-Легнице». Сами по себе три разноязычные названия города — немецкое, русское и польское — должны создавать соответствующее настроение (Театр им. Моджеевской издал сценарий Р.Урбанского и в переводе Карла Хиллера на немецкий).

В постановке Яцека Гломба речь идет — вопреки названию — не о городе, а о театре и людях, с ним связанных. Правда, авторы и особенно актеры любят театральную условность «театра в театре»: часто с ее помощью можно многое сказать о людях; но тут она оправдана лишь в немецкой сюжетной линии, довольно четко прорисованной, где присутствует прекрасное действующее лицо — Элиас Ауэрбах, театральный портной, еврей. Однако даже в немецкой части, то есть в первой половине спектакля, остальные герои не очень убедительны. Банальными вышли директора и актеры театра, их интриги и конъюнктурность. Шаблонна также семья Титце — у отца магазинчик напротив театра, его сын Себастьян — театральный композитор, второй сын Эрих — эсэсовец и статист в театре, женат на еврейке Эльзе. Даже конфликт двух братьев: композитора с эсэсовцем или еще более глубокий Rassenschande (расовый конфликт): жены-еврейки с мужем-нацистом, особенно когда рождается ребенок и надо его скрывать, а жена отправлена в концлагерь, — как это все нам знакомо. А жаль, для сценического конфликта это прекрасный материал.

Первые же поляки, прибывшие сюда еще на принудительные работы, Зофья Крупская и Валенты Мончка, больше похожи на типичных эпизодических действующих лиц, чем на героев. Крупскую, простую женщину из Польши, берут в няньки к укрываемому в театре ребенку Эльзы и Эриха. Мончка постоянно мошенничает — и тогда, и после, когда появляются первый польский «президент» города, пионерка, интеллигент, еврей из Галиции. Все они ведут себя так, словно сошли с пропагандистских плакатов тех лет.

А уж советский генерал-майор, его жена и адъютант — это просто жалкая пародия на «Ревизора», седьмая вода от «Чапаева».

Заслуживает высокой оценки замысел «Восходов и закатов города», то есть сам выбор темы: существование театра вопреки навязываемой идеологии (немецкий фашизм в 30-е годы и во время войны, советский коммунизм во время войны и после войны, польская шумиха по поводу «восстановления» польского характера города), его судьба во время войны (когда людей из театра забирали на фронт, на физические работы, в конце концов театр закрыли, а после прихода советской армии превратили во временное жилье для польских колонистов) и после войны (перекатывавшиеся людские массы времен выселения и заселения, вступления и ухода воинских частей, советских спектаклей). Однако пьеса, особенно ее вторая часть, «польская» и «советская», явно «проваливается» уже в драматургическом смысле. Честно говоря, просто не хватает динамизма, театральной интриги, ради которой создаются в театре действующие лица и выстраиваются межчеловеческие отношения. Таковы законы театра. Хотя на сцене появляются и ксендз, и пастор, и «репатрианты», и советские актеры, и даже два еврейских актера и сотрудники НКВД — собственно, неизвестно для чего: выходят на сцену, «отрабатывают свое» и исчезают. Может быть, Урбанский захотел слишком много сказать и в то же время точно придерживаться реальности сюжетов и персонажей (я-то знаю, что некоторые персонажи пьесы созданы на основе подлинных судеб). Быть может, ему хотелось выдержать политкорректность по отношению к немцам, полякам, русским? Каким? Тем или нынешним? Героям пьесы или современным зрителям? Политкорректность не годится для театра, ибо, отходя хотя бы частично от правды жизни, она убивает правду искусства. Искусство, чтобы существовать, сопротивляется правде жизни — суждение Льва Толстого по-прежнему актуально.

«Этот театр просуществовал 160 лет практически в нетронутом виде. Тут были немцы, были русские, были поляки, а он почти не изменился. Это ведь не какой-нибудь случайный балаган», — говорит в заключение гид. Эта истина была бы совершенно неоспорима, если бы автор заново переписал вторую часть пьесы, прежде чем прозвучат эти слова.

* * *

Такова уж «повседневность» соседских контактов поляков с немцами. Примирение не дается нам сверху раз и навсегда. Это процесс длительный, впереди у нас еще не один «восход и закат» (Роберту Урбанскому — спасибо за метафору!). Но одно уже точно ушло в прошлое: о таких постановках, как эта в Театре им. Моджеевской в Легнице, можно писать критически. Еще недавно — «во благо примирения» — у рецензента рука бы не поднялась...

Гжегож Пшебинда

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: КНИГИ И ХРАМЫ

Всю последнюю неделю марта я провел в Санкт-Петербурге, который уже готовился праздновать 301 год своего существования, что будет отмечаться 27 мая 2004 года. Я жил в отдаленном и далеко не роскошном уголке Васильевского острова, в студенческом общежитии на улице Тараса Шевченко. В коридорах было слышно, как студенты из Венгрии, Франции, Ирландии говорили по телефону со своими русскими товарищами, не слишком тревожась о своем ломаном языке. К сожалению, я не видел в Петербурге ни одного студента из Польши.

Зам. главного редактора «Тыгодника повшехного» Кшиштоф Козловский (слева) и автор статьи.

Дзержинский и Бердяев

Я был здесь уже в третий раз. Первое путешествие я совершил в январе 1993 г., когда еще казалось, что Россия освободится от коммунизма без малейшего кровопролития. Я ходил по магическим для меня местам Пушкина, Набокова, Бродского, Достоевского. Вот Сенная площадь, где происходили такие важные события в «Преступлении и наказании»... В начале 1993-го площадь, конечно, уже не выглядела так, как во времена Раскольникова (об этом позаботился Хрущев, при котором снесли хотя бы чудесную Спасскую церковь), но все равно я слышал эхо «проклятых вопросов». А если бы у меня было немного больше времени, то наверное посидел бы я часок в каком-нибудь постсоветском трактире, таком же заскорузлом и закопченном, как трактиры времен Достоевского. Может, прислушался бы к спорам о проклятых вопросах, может, снова услышал бы лихорадочный голос Раскольникова, которому после первого разговора с процентщицей Аленой Ивановной «захотелось выпить холодного пива»? Мрачное впечатление произвела на меня Гороховая улица, еще недавно улица Дзержинского, та самая, на которой наш гнусно прославленный соотечественник издавал приказы о расстреле тысяч «контрреволюционеров».

В богатых книжных магазинах Санкт-Петербурга уже тогда было видно, что коммунизм в России кончается. Многочисленными изданиями своих книг прежде всего обращал внимание Бердяев. Я тогда припомнил, как в автобиографии «Самопознание» он вспоминал свой первый арест в советской России. В 1920 г. в московской тюрьме ЧК его допрашивал сам Дзержинский. Мыслитель прочитал чекисту часовую лекцию о религиозных, философских и нравственных основах своего противостояния коммунизму. Во время второй встречи с большевиками, в 1922 г., Бердяев узнал, что вскоре будет выслан за границу вместе с группой писателей, ученых и политиков, которых сочли не поддающимися обращению в коммунистическую веру. На прощание он услышал от одного из «обращенных»: «В Кремле надеются, что, прибыв в Западную Европу, вы поймете, на чьей стороне правда». В 1993 г. Бердяев с триумфом возвращался в Россию своими книгами. Ленинград с 1991 г. уже снова назывался Санкт-Петербургом, и в этом городе уже не было места улице Дзержинского.

Несчастная экспедиция AD 1998

Я очень многого ожидал от своей второй поездки в Петербург — в июле 1998 года. Тогда я полетел с важными лицами, в частности, с живо интересующимся Россией Богданом Клихом, ныне депутатом Сейма и кандидатом в Европарламент, на польско-российский форум. Он должен был быть посвящен деятельности НПО в обеих странах, вопросам самоуправления и образования в Польше и России на рубеже XX и XXI веков. Организаторов с российской стороны должна была представлять Галина Старовойтова, которая за несколько месяцев до этого гостила в Кракове и, как говорят, полюбила наш город. Мы поселились все вместе в гостинице «Нева» на улице Чайковского, напротив мрачного Большого дома, известного сталинскими допросами и преступлениями. Гостиницу подобрали крайне неудачно — никогда не хотелось бы мне туда вернуться.

А главное, наша экспедиция совершенно провалилась. Парень, представлявший Старовойтову (или, по крайней мере, выдававший себя за такового) немедленно потребовал выплаты, если хорошо помню, пяти тысяч долларов. Нет, это не было чрезмерным требованием, так как поляки действительно обещали покрыть все расходы по конференции. Трудность была в другом: мы же не привезли в Россию кучу денег в чемодане. Клих надеялся, что после конференции возглавляемый им Международный центр развития демократии, помещающийся на Миколайской улице в Кракове, сможет оплатить расходы банковским переводом. Но российские организаторы на это не согласились, и не помогли отчаянные телефонные звонки Галине Старовойтовой. Конференция в результате не состоялась, а тех карманных денег, что я забрал из Кракова на покупку книг в Петербурге, не хватило даже на трое суток в мрачной гостинице «Нева».

Меня тогда спас Володя Белоус, историк идей, знаток русской мысли. В своей комнате, лишь чуть побольше, чем каморка Раскольникова («Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру»), он предоставил мне на несколько ночей раскладушку. И я разгуливал по книжным магазинам, а книги тогда стоили в Петербурге столько же, сколько в Польше, то есть дорого. Я купил «Дневник» Михаила Булгакова, «Золотую книгу русской эмиграции» за сумму, равную 50 злотым, «Беседы с Альфредом Шнитке» и еще четыре десятка книг. Вернувшись в Краков, собирался писать заказанный репортаж в «Плюс-Минус».

В репортаже я собирался доказывать неизбежный успех реформ в Российской Федерации, но, слава Богу, так и не написал. Я говорю «слава Богу», потому что полностью заблуждался в вопросе российских экономических реформ. Тремя неделями позже наступило трагическое падение рубля, которое в России теперь называют «дефолтом». Рядовые граждане потеряли тогда сбережения всей своей жизни. Но, что интересно, заблуждался не я один, а еще и большой круг экономистов в России и в Польше. Они повели себя как сейсмологи: начали доказывать неизбежность финансового землетрясения в Москве лишь тогда, когда оно произошло.

Цены на книги и выпивку

Тогда буквально в один момент подешевели книги. За ту немалую сумму, которую в июле 1998 г. я истратил на сорок наименований, после краха я смог купить их, наверно, полтораста. Потом я интенсивно наверстывал упущенное каждый раз, когда ездил в Россию в 1999-2003 гг., уже, правда, не в Петербург, а в Москву, Ярославль, Нижний Новгород и Казань. Но в 2004 г. книги в Санкт-Петербурге оказались такими же дорогими, как в несчастном 1998-м. Это может быть сигналом, что Путин, опирающий российскую экономику на высокие цены экспортируемой нефти, при случае — волей-неволей! — искусственно завышает рубль. Несколько последних лет российская валюта не только ничего не теряет по отношению к доллару — а в последнее время и к евро! — но даже приобретает. Это выглядит так, словно в России деньги получше вытесняются деньгами похуже. За доллар сегодня можно получить 28 рублей, а банкомат выдает пришельцу из Польши 7,5 руб. за злотый. Книги же, бывает, стоят не только 200 рублей (например, отличная «История русской журналистики. 1917-1920» Ивана Кузнецова, вышедшая в 2003 г.), но и 330 («Сергей Булгаков. Pro et contra», 2003) и даже 400 (словарь «От Распутина до Путина», 2003) или, наконец, 560 (увлекательная «Энциклопедия русского авангарда» Татьяны Котович, изданная в Минске в 2003 г.).

И уже не из-за внушительной цены (690 руб.), но из-за веса (не меньше трех кило) не купил я и не привез в Польшу книгу под названием «Многонациональный Петербург» с богатой иконографией и весьма убористым текстом. По сей день жалею об этом малодушном решении, а книга снится мне по ночам. Лучше было оставить на берегах Невы (или даже продать) весящую и стоящую столько же, сколько «Многонациональный Петербург», литровую бутылку водки-люкс «Русский стандарт». Нет, я ее не покупал, упаси Боже... Получил в подарок от российских организаторов дискуссионного форума «Польша — Россия. Неразрывность культурных связей», проходившего 26 марта 2004 г. в Петропавловской крепости. Для порядка прибавлю, что такие подарки раздавали всем участникам форума, но только после целого дня плодотворной дискуссии.

Форум у Петра и Павла

Этот второй форум польско-российского диалога состоялся, как и обещали организаторы с российской стороны, «в анфиладе казематов Невская куртина». Рядом с нами в Петропавловской крепости — Васильевская куртина, а перед ней — Алексеевский равелин, мрачная царская тюрьма, где в XVIII-XIX вв. держали многих достойных русских людей (декабристов, петрашевцев, в том числе Достоевского), а из поляков — Тадеуша Костюшко после поражения под Мацеёвицами.

О петербургском форуме следует написать отдельно, и, будучи его участником, я предпочел бы этого не делать. Упомяну лишь выступление Адама Михника, одного из организаторов и участника дискуссии с польской стороны. Он выразил понятную радость, что ему довелось дискутировать с русскими в Петропавловской крепо-

сти, а не сидеть здесь за решеткой. Он напомнил, что в 70-80-е гг. XX века был признан — добавим, вполне справедливо — опасным врагом Советского Союза... Потом мне выпал случай попросить русских друзей (а среди них были, например, новый главный редактор «Огонька» Виктор Лошак, посол РФ в Польше Николай Афанасьевский и бывший министр культуры Михаил Швыдкой), чтобы они признали наше право радоваться необратимому демонтажу Страны Советов. С удовлетворением я отметил, что некоторые участники дискуссии с российской стороны даже с одобрением кивнули. Тем не менее главный редактор «Газеты выборчей» дипломатически смягчил мои слова: «Я понимаю печаль многих русских после крушения СССР. Если бы Польша совсем недавно тоже простиралась от моря до моря, а власть в империи на 80% была в руках поляков, разве мы не испытывали бы ностальгии после ее утраты?»

Дадим одним право на радость, а другим — на печаль, советская империя так и так ушла в историю. Одно из доказательств — вышеупомянутая польско-российская встреча в Петропавловской крепости. Ее продолжение наступит в мае этого года на Международной книжной ярмарке в Варшаве, где гостем будет современная русская литература. В Польшу приедут писатели и переводчики из России, в том числе Ксения Старосельская, переводчица Марека Хласко, Тадеуша Конвицкого, Ольги Токарчук, Корнеля Филиповича.

Экуменизм, но ослабевший

В марте 2004 г. я обходил стороной в Петербурге все, что уже довелось посмотреть в предыдущие приезды: Эрмитаж, Русский музей, Медного Всадника, Исаакиевский собор, храм Спаса-на-Крови и т.д. Однако Санкт-Петербург хорош не только для того, чтобы осматривать памятники культуры и истории высшего класса да православные храмы, — он создает неповторимую возможность побывать в храмах других великих религий мира, которые в согласии жили на берегах Невы с самого начала.

После Горбачева и крушения СССР все религии здесь возрождаются — эти слова относятся и к русскому православию. Ни в одной из православных церквей, где я побывал, я не заметил следов столь изобильной здесь еще несколько лет назад антикатолической или антипротестантской литературы. Зато я мог взять в руки интересные издания по православной духовности и эсхатологии («Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела», 2004), о реформах Русской Церкви в начале XX века и на пороге XXI-го. Это невероятно поучительное чтение — видно, что в Церковь уже приходит правосознание, даже практическое. Три автора-юриста объясняют православным, как не позволить себя обмануть при покупке квартиры («Практические советы юриста православным», 2003). Полезной представляется даже московская публикация «Признаки Антихриста» (2002), приводящая классические отрывки из Иоанна Златоуста, Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина. В ней, к счастью, нет — ибо так бывало в подобных публикациях еще в середине 90-х — ни малейшего намека на «антихристова Папу» и «безбожный Рим»... Произведений Иоанна Павла II здесь, правда, еще нет, но их можно купить во многих университетских книжных лавках. Я видел совсем недавно вышедшее избранное Войтылы — Иоанна Павла II, составленное и переведенное Еленой Твердисловой.

После этого я мог пуститься в странствие по неправославным храмам Санкт-Петербурга. Сначала побывал в трех римско-католических — в кафедральном соборе Успения Пресвятой Девы Марии на Первой Красноармейской, Матери Божией Лурдской в Ковенском переулке и самом известном, св. Екатерины Александрийской, на Невском проспекте. Тут я нашел 10-й номер католической газеты «Свет Евангелия» от 7 марта 2004 года. К сожалению, информация на первой странице ослабила мои экуменические восторги. Я узнал, что Международный форум мира, проходивший в Москве 2-4 марта, на который, по словам организаторов, пригласили «духовных лидеров всех традиционных религий стран СНГ», состоялся все-таки без католиков.

Быть может, в будущем такие форумы надо созывать на берегах Невы? В последние годы тут весьма активно действуют синагога, мечеть, буддийский храм, ожили лютеранско-евангелические приходы (немецкий, финский и шведский). Беспрепятственно развиваются вышеупомянутые римско-католические приходы и армянская церковь на Невском. Я побывал везде — путешествие по «инославным» (т.е. не православным) священным местам Санкт-Петербурга заняло у меня целых три дня. И это экуменическое странствие я считаю самым интересным за всю свою жизнь, а ведь я уже ходил подобными тропинками в Париже, Мюнхене и Риме, в Софии и Пловдиве, в Москве и Казани.

Мусульмане и буддисты

Начал я с мечети, одной из самых больших в Европе, где во время службы может поместиться целых пять тысяч человек. Ислам в Петербурге тесно связан с татарами, которые прибывали сюда из Казани, Пензы, Касимова и Нижнего Новгорода еще при Петре I на строительство города. В 1882 г. тогдашний оренбургский муфтий обратился к российским властям за позволением построить мечеть в столице. Позволение он получил, а как место

под строительство выбрали площадь на Петроградской стороне, напротив Петропавловской крепости. Здесь в XVIII веке находилась татарская слобода. Деньги на строительство выложил Саид Абдул-Ахад, бухарский эмир, а затем генерал на царской службе. Огромная высокая мечеть была воздвигнута в Санкт-Петербурге в 1912 году. Построили ее, о чем стоит напомнить, по проекту польского архитектора Стефана Кричинского.

В 1956 г., после сталинских гонений, петербургские мусульмане получили свой храм, который до этого использовался как склад медицинского инструментария. Однако настоящее возрождение ислама наступило в России в 90-е годы. Наряду с татарами на берегах Невы появились мусульмане из Азербайджана и с Северного Кавказа...

В воскресенье 28 марта пополудни в мечети молились трое мужчин, один из них был в мундире российской армии (может быть, ему пришлось воевать против кавказских братьев?). Другой, явно татарин, подошел ко мне, приветствуя меня по-мусульмански. Когда он узнал, что я из Польши, то произнес теплые слова об Иоанне Павле II, примерно такие: «Мы его любим, он много сделал для мира между религиями и людьми». В разговор, который мы вели по-русски, он все время вставлял польские и украинские слова. На прощание мы — он, татарин, и я, поляк, в мусульманском храме в Петербурге AD 2004 — сказали друг другу по-украински: «До побачення».

На следующий день я поехал на метро еще дальше на север города, на станцию «Старая Деревня», расположенную уже почти у Финского залива. Я хотел посетить буддийский храм, о котором за неполный год до этого взволнованно рассказывал мне в Кракове — за месяц до своей внезапной смерти — мой петербургский друг Влад Аржанухин. Я знал от него, что буддийский храм в Петербурге стоит на перекрестке Приморского проспекта и Липовой аллеи. Центральным фасадом здание выходит на Большую Невку, один из рукавов дельты Невы, которая через два километра впадает в Финский залив.

Буддийская колония на берегах Невы возникла в начале XX века. Состояла она из бурят и калмыков, прежде всего выходцев из буддийских областей империи — Забайкалья, Астраханской и Ставропольской губерний. После манифеста 17 октября 1905 г., которым Николай II гарантировал свободу совести и вероисповедания, буддисты наконец могли построить себе храм, как давно хотели. Инициатором был тогдашний тибетский Далай-лама. В Санкт-Петербурге он нашел поддержку у выдающихся тибетологов, в частности, у известного ныне во всем культурном мире Николая Рериха. 21 февраля 1913 г., то есть в день празднования 300-летия дома Романовых, состоялось первое религиозное собрание буддистов в новопостроенном храме — «дацане».

Большевики ненавидели любую религию, и в середине 30-х гг. начались аресты российских буддистов. Хрущев их тоже не баловал, не говоря уж о Брежневе. Только после принятия при Горбачеве закона о свободе совести буддисты в 90-е годы обрели свой дацан в Санкт-Петербурге и теперь могут отправлять здесь свой культ. Буддийский храм весьма гостеприимен, что ощущает всякий, кто переступит его порог. Трудно передать словами ту энергию, которая охватывает человека, когда, сняв обувь, он Польши?» Она мягко улыбнулась при упоминании Польши, обрадовалась, что я немного знаю историю буддийской Калмыкии, соседствующей с кавказскими мусульманскими республиками, и ответила: «Да, все. Жаль, что вы не можете прийти в субботу, когда на молитвенном собрании появится обучающаяся в петербургских вузах калмыцкая, тувинская и бурятская молодежь».

Добавлю, что буряты организовали в подвалах дацана уютную столовую. Здесь угощают зеленым чаем с молоком за четыре рубля. Можно пить чай в компании буддийских монахов в бордовых одеждах, под звуки успокоительной тибетской музыки.

Синагога и Достоевский

Пожалуй, каждый знает, что православный петербуржец Федор Достоевский весьма резко — и даже с особым, совсем не христианским остервенением — выступал против евреев и иудейства. Когда однажды он в пух и прах проигрался на рулетке в Висбадене, то выбежал весенним вечером на улицу в поисках православной церкви. В письме жене (кстати, лютеранке) от 28 апреля 1871 г. он так писал об этом: «...я заблудился в городе и когда дошел до церкви, которую принял за русскую, то мне сказали, что это не русская, а жидовская. Меня как холодной водой облило». Любопытно, что в то же самое время в Петербурге — и это могло бы довести Достоевского уже до приступа эпилепсии — тамошние евреи упорно добивались разрешения построить синагогу. После множества пертурбаций она в конце концов была воздвигнута под конец 1886 г., уже почти через шесть лет после смерти Достоевского, и стоит по сей день на перекрестке Лермонтовского проспекта и улицы Декабристов, недалеко от Сенной площади.

В советской России и СССР верующих евреев преследовали так же, как всех верующих, а под конец сталинской эры начались гонения на евреев вообще. Когда в середине 1950-х Георгий Печерский, тогдашний староста синагоги, обратился к ленинградским властям с просьбой разрешить организацию курсов по изучению истории еврейского народа и древнееврейского языка, то получил категорический отказ. А в 1961 г. был арестован и приговорен к 12 годам лагеря. Этот процесс положил начало жесткой антисемитской и антирелигиозной политике,

которую власти проводили до середины 1980-х. В 1962-1964 гг. в Ленинграде даже запретили выпекать мацу. Тогда же было запрещено хоронить на еврейском преображенском кладбище («Религии Санкт-Петербурга», ред. Владислав Аржанухин. СПб, 2002).

Еврейская община здесь начала динамически возрождаться и развиваться в 1991 году. Тогда отреставрировали и замечательно реконструировали синагогу. Когда я входил туда, мне пришлось сначала пройти во дворе мимо милиционера, охранявшего объект от террористов. «Вы куда прете?» — спросил он. — «В синагогу». — «Зачем туда шляться?» — «А что, — и тут я соврал один-единственный раз за все пребывание в Петербурге, — вы не видите, господин милиционер, что я еврей из Польши?» — «Ну ладно, — пропустил меня милиционер, — сначала идите прямо, а потом вход справа». Внутри меня встретили очень тепло, а по просторной солнечной синагоге меня водил ее сторож. На прощанье он посоветовал зайти в находящийся рядом современного вида кошерный магазин с едой и напитками, с книгами и еврейской музыкой на компакт-дисках. Прощаясь, я признался, что я поляк и католик, что сторож принял с дружелюбным интересом. «А знаете, — признался и он, — я ведь сам родился в Литве. А теперь еду на Украину, потому что там мои родные и знакомые. Заходите к нам еще». Зайду, обязательно зайду, так же, как к буддистам и в мечеть.

Поляки с верхней полки

Наши в Петербурге тоже держатся крепко, хоть я и не сразу это заметил. Приятное польское приключение на берегах Невы началось для меня, когда Хиероним Граля, историк и директор Польского института в Санкт-Петербурге одарил меня в своем кабинете ценными публикациями, которые он издает там по-русски. Я с готовностью, без всяких церемоний принял стихи Шимборской и Галчинского, «Афоризмы» Виткевича и, главное, уже 7-й том исторической серии «Polonica Petropolitana». К сожалению, ни одной из этих книг ни раньше, ни после я не видел в петербургских книжных магазинах.

Когда я спрашивал там про польскую литературу, то обычно слышал: «У нас этого нет». И я до последнего момента думал, что пространство польско-российской литературной дружбы выглядит таким пустым. Но, к счастью, в последний момент попал в «Дом книги» на Невском. Приятная продавщица сразу подвела меня к славянской литературной полке. Сначала мне бросился в глаза серб Милорад Павич — я обнаружил его «Хазарский словарь», «Железный занавес», «Кровать для троих» и еще восемь книг, похожих друг на друга, как две капли воды. Потом увидел две книги украинцев: «Перверзию» Юрия Андруховича и «Юлию, или Приглашение к самоубийству» Павла Загребельного. Был там и Грабал с «Амфорой» и «Слишком долгим одиночеством», и Кундера в чересчур огромных количествах.

Польские книги стояли повыше, занимая метра полтора в длину. Слева — классика, массовые издания по сто рублей: «Quo vadis», «Кукла» и «Фараон», но не было Лема... Зато его «Сказки роботов» я раньше видел в киоске в Старой Деревне, рядом с Александрой Марининой и Борисом Акуниным. Совсем справа стояли три книги Гомбровича, изданные в 2000-2001 гг. («Фердидурка», «Космос» и «Порнография»). Посередине я нашел «Придорожную собачонку» Милоша и «Красивых, двадцатилетних» Хласко, был и Конвицкий с «Хроникой любовных происшествий» и «Чтивом», «Вайзер Давидек» Хюлле, «Белый ворон» Стасюка. Кстати, недавно эту книгу очень хвалил, находясь в Кракове, ведущий литературный критик «Нового мира» Сергей Костырко... Бросался в глаза «Пианист» Шпильмана, изданный в 2003 г. московскими «Мостами культуры» и иерусалимским «Хешаримом» (израильское издательство, естественно, датировало книгу 5673 годом). Все это выглядело в высшей степени симпатично, особенно если вспомнить, что в Петербурге мне попадались по-русски еще и «Путь Людей Книги» Токарчук и «День накануне» Филиповича.

Из Санкт-Петербурга в Краков

В Петербурге я пробыл всего лишь неделю, но, как можно заметить, повидал немало. Однако, повторю еще раз — и подчеркну: я не видел там ни одного студента из Польши. Может, я их прозевал, а может, так и полагается? После вступления в Евросоюз нам надо позаботиться и о том, чтобы молодежь из России и Польши могла встречаться в Петербурге и Кракове, в Москве и Варшаве. В этом контексте упомяну, что важной целью моей поездки был Санкт-Петербургский университет. Я собирался подготовить почву, чтобы осенью этого года подписать договор между Институтом восточноевропейской филологии при Ягеллонском университете и петербургским филологическим факультетом. Вероятно, это произойдет в сентябре. У нас еще всё впереди.

Виталий Портников

ДРУГИЕ «БЕСЫ»

За несколько дней до того, как пойти на премьеру спектакля Анджея Вайды «Бесы» в московском театре «Современник», я прочел посвященное спектаклю эссе в краковском еженедельнике «Тыгодник повшехный». Эссе заинтересовало прежде всего тем, что в нем о современной России говорилось гораздо больше, чем о спектакле Вайды. Вслед за режиссером польский журналист задавался вопросом: что с бесами в России? Бегают ли они еще по московским улицам? Вайда даже написал специальное предисловие к спектаклю, которое каждый желающий мог прочесть в программке. «Достоевский — в чем я убедился, работая во многих странах, — понятен везде. Но достаточно ли его слова и его предсказания услышаны здесь, в России? Покинули ли ее бесы?.. И наступило ли время исцеления, о котором мечтал Достоевский».

Достоевский действительно понятен везде. И такой спектакль, как «Бесы», тоже понятен везде. Но давайте задумаемся, почему. Ведь «Бесы» Вайды — не «Бесы» Достоевского. Как и любой великий роман, «Бесы» настолько объемны, что из них можно извлечь то, что в данный момент кажется постановщику наиболее актуальным. Кто станет обвинять Вайду в том, что тридцать лет назад политический аспект интересовал его больше всего. Социализм был еще жив, бесы не только бродили по улицам, но и занимали правительственные особняки. Такой спектакль был понятен по нашу сторону железного занавеса — понятно, что мечтать о его постановке в Москве не приходилось. И был хорошо понятен на Западе хотя бы уже потому, что в демократическом обществе инстинктивно осознают, как опасен тоталитаризм, — а в ряде стран свободного мира избиратели не так уж давно голосовали за своих бесов из НСДАП или фашистской партии Муссолини. Но это именно политический спектакль.

То, что в России предсказания Достоевского сбылись, думаю, напоминать не стоит. Но бесы здесь не были сметены волной народного негодования — они затеяли перестройку, перешедшую в ельцинские преобразования и путинские иллюзии. В результате общество современной России совершенно аполитично — как, собственно, и многие общества стран «третьего мира», ничего исключительно в этом нет. В России не произошло замены ценностей — тоталитарных на демократические. Здесь произошла смерть ценностей. А это совсем не одно и то же. Поэтому не только большей части приходящих на спектакль зрителей неясно, что Верховенский страшен не только готовностью к убийству и уничтожению, а и тем, что он верит в свои жуткие идеи. Даже молодому исполнителю роли Верховенского это неясно. А почему это должно быть ясно? Сам он политикой не интересуется и знает, что когда какой-нибудь политик выступает по телевизору с очередными разговорами о великой России или о поруганной демократии — значит, хочет денег заработать. Именно поэтому Верховенский в спектакле современен — значит, смешон. А настоящий Верховенский был страшен. Страшен еще 30, 20 лет назад. Но сейчас зал не обращает никакого внимания на те его реплики, которые десятилетия назад казались бы верхом смелости...

Спектакль Вайды просто опоздал — к сожалению. Хотя и успеть не мог — это тоже понятно, кто бы это позволил? Но именно потому, что люди, сидящие в зале, привыкли к тому, чтобы им позволяли вчера, им так неинтересно сегодня. Зал заполнен — и равнодушен — в самых важных политических местах. Зал реагирует только на редкие для «Современника» моменты удачной актерской игры — благо, в спектакле занята блестящая актриса Елена Яковлева (Мария Лебядкина), игра которой скрашивает томительное ожидание конца пьесы... Хотел ли Вайда, чтобы на его спектакль ходили, как на старый фильм, который мы никогда не имели возможности увидеть? Когда-то знаменитая постановка в когда-то выдающемся театре — какая занимательная экскурсия в музей имени Достоевского...

А между тем Достоевский здесь как раз ни при чем. Ведь писал он не о политике, а о душе — вернее, о ее удивительном отсутствии у господ с идеями. Именно эта внутренняя пустота и делает их современниками нынешних господ без идей, тоже пустых, как барабаны. Именно эта пустота, по-моему, и является лучшим объяснением даже не того, почему Россия так жила вчера, а того, почему она так живет сегодня... Впрочем, обо всем этом можно было бы поставить совсем других «Бесов»...

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Беседа с Сергеем Глушковым, председателем Тверского отделения общества «Мемориал»

Кабинет в редакции газеты «Тверская жизнь». Обстановка аскетически простая: письменный стол, всего три стула, книжный шкаф и картина на стене. Хозяин кабинета С.В.Глушков встречает меня ласково, предлагая стул ближе к электрообогревателю. В кабинете холодно.

Он извиняется и оставляет меня в кабинете одного. Понимаю: дела!

Передо мной стол, заваленный бумагами, на нем статуэтка отдыхающего ангела. Я беру ее в руку, чтобы лучше рассмотреть.

За этим занятием меня и застает вернувшийся С.В.Глушков.

— Подарок областной библиотеки — поясняет он происхождение статуэтки. — Приз симпатий за мою последнюю книгу «Былой России острова».

Сергей не только журналист, он автор научных и публицистических книг, преподаватель Тверского университета. Но наибольшую известность он снискал как председатель Тверского отделения общества «Мемориал».

Я возвращаю статуэтку на место...

— Сергей, я знаю, что у всех мемориальцев очень трудные судьбы. Как лично вы пришли в эту организацию?

— Я не диссидент и не правозащитник — в том смысле, что не принадлежу к плеяде людей, пострадавших от репрессий в 60-70-е годы. Но я вошел в их круг общения. Правозащитники Сергей Адамович Ковалев, Вячеслав Бахмин жили в Твери в ссылке. Приходилось им помогать. Бахмина вытаскивали из тюряги. Так сложились дружеские отношения.

Весной 1988 г. по стране начался сбор подписей под проектом строительства мемориала жертвам политических репрессий. Отсюда название общества «Мемориал». В сентябре 1988 г. правозащитники Бахмин и Дядькин привезли идею создания отделения «Мемориала» в Твери. Попросили меня этим заняться. Уже был круг друзей-единомышленников. Фактически 10 октября мы создали организацию «Мемориал» в Твери.

На тот момент в городе уже существовала группа «Возвращение», которая требовала вернуть историческое название Тверь. Мы начали сотрудничать, так как считали, что и город в целом стал жертвой репрессий.

20 ноября 1988 г. мы провели первый в Твери демократический митинг памяти жертв политических репрессий. Власти нас загнали подальше от центра города, к Дворцу спорта. Однако народу было много, народ пришел. Событие получилось ярким. Потом была Неделя совести. Занялись исследовательской работой. Стали собирать сведения о репрессированных... документы... Искать места захоронений.

— Когда и как у вас появилось «польское дело»?

— Практически с самого начала. Мы получили сведения о захоронении поляков в Медном. Об этом говорилось на нашей первой демонстрации. Но сведения эти были документально не подтвержденные.

— Откуда вы их получили?

— Из КГБ, от бывших сотрудников. У нас были тайные контакты. Можно сказать, свои агенты в КГБ. Это честные люди, которых знание жгло.

— А как складывались ваши отношения с официальными органами?

— Отношения были очень плохие. КГБ установил слежку, засылал к нам стукачей. Роль шпионов выполняли даже высокопоставленные лица. 5 марта 1989 г. у нас была официальная встреча с представителями КГБ. Проходила она в кафе «Надежда». Полковник КГБ всю встречу стоял — у него в кармане был диктофон. Смешно и глупо.

Когда в феврале 1989 г. мы создали Тверскую ассоциацию инициативных групп — ТАИГ, в центре которой был «Мемориал», это вызвало панику у партийной верхушки и советских властей.

Мы тогда обладали необыкновенным электоратным ресурсом. Кто шел на выборы, заручившись нашей поддержкой, тот непременно побеждал...

— Давайте вернемся к полякам.

— В 1989 г., летом, мы получили подтверждение, что действительно на территории Тверской области существует захоронение расстрелянных поляков. Человек прямо указал нам место: зона отдыха КГБ близ села Медное. Постреляли людей, отдохнули... Место это охранялось. Мы взяли лопаты, перелезли через забор и начали рыть. Это было уже в конце 1989 г., система теряла силу, начинала сбоить. Но мы ничего не нашли... Уже когда была официальная эксгумация, я нашел наши первые раскопки. Они были примерно в 15 метрах от захоронения.

— Совсем рядом.

— Да.

— Неудача вас не остановила.

— Дальше события развивались стремительно. Появилось официальное подтверждение на уровне Ярузельского и Горбачева. Появилась информация в центральной прессе. Было возбуждено уголовное дело. Создана комиссия, в состав которой вошли и мы. Однако дело поручили вести КГБ, и руководство областного управления всячески затягивало дело.

Сдвиг произошел весной 1991 г., когда дело передали в главную военную прокуратуру. Его стал вести полковник Третецкий.

Мы в свою очередь связались с польским послом, ездили по области и опрашивали местных жителей. К началу лета место было установлено. 15 августа 1991 г. началась эксгумация, вскрыли первую могилу.

Мы продолжали собирать сведения. В Осташкове нашли человека, который в 1939 г. был секретарем при допросах поляков. Он рассказал много подробностей.

Осташковские краеведы нашли захоронение 41 поляка недалеко от Ниловой пустыни, где содержались военнопленные.

Самый поразительный факт, что жив был начальник НКВД по Калининской области генерал Токарев. Он — единственный из участников, кто дожил до пенсии и выступил как свидетель. Он говорил, что просто исполнял приказы.

— Вам удалось установить подробности?

— Подробности были жуткие. Расстрел поляков провели в течение апреля-мая 1940 года. Их привозили партиями из Осташкова и в подвалах медицинской академии ночью расстреливали. Палачей было 8 человек, у них был план — 250 человек расстрелять за ночь. Потом каждому выдавалась бутылка водки. Палач пил, шел спать. На следующую ночь все повторялось.

Убитых специальная команда вывозила в Медное и хоронила. Руководил всем некто Блохин. Он единственный из палачей, кто хоть как-то поплатился. Его лишили пенсии, но за другие дела.

— Сергей, у меня в голове не укладывается: то, что вы рассказываете, похоже на бойню. 250 поляков, 8 палачей. Почему поляки, военные люди, не подняли восстание, не сопротивлялись, а просто шли на убой?

— Я думаю, никто из них не верил, никто не ожидал. Они считались военнопленными. Отношение к военнопленным определялось актами международного права. Поляки думали, что они вернутся домой. Они ведь переписывались с родственниками. Родные знали, что они сидят в Осташкове. Даже в 1941 г. письма из Польши продолжали идти в Осташков. Писали мертвецам...

— Напрашивается сравнение с Катынью.

— Медновское захоронение поляков в полтора раза больше катынского. Потом Катынь была зоной немецкой оккупации, можно было свалить на немцев. Медновское захоронение более убедительно, хотя село Медное было на линии фронта и переходило из рук в руки. Но до места захоронения поляков немцы не дошли всего полтора километра.

— Можно ли сказать, что «польское дело» закрыто?

— Нет. Мы практически постоянно возвращаемся. В начале сентября 2000 г. в Медном был открыт мемориал. Теперь каждый сентябрь проводим Неделю совести.

Польская тема оказалась очень болезненной. Порой воспринимается неоднозначно. Например, КПРФ выступила против. Активисты компартии скандировали лозунг «Мы против памятника польским жандармам». Комсомольцы протестовали против приезда польской делегации в Медное.

— Значит ли это, что эти люди оправдывают расстрелы?

— Оправдывают — если не впрямую, то косвенно. Коммунисты ничего не объясняют, ругаются, в диалог не вступают.

— Ну вот мемориал в Медном поставлен, стало ли у вас меньше работы?

— Нет. Вопросов сейчас еще больше. Там же в Медном рядом с польским захоронением неожиданно было вскрыто захоронение наших соотечественников. Если поляков похоронили четко по дням, они захоронены в форме и можно установить личность каждого, то второе захоронение не дает ответа, кто и когда здесь захоронен.

Возможно, это работа трибунала 29-й армии, который работал в прифронтовой полосе. Останавливали солдат отступающих частей и расстреливали. Возможно, захоронение жертв репрессий 1937 года или 40-х. Вопросов много..

Наша работа еще долго будет нужна, пока не будут выявлены все захоронения расстрелянных по ложным политическим обвинениям, пока в обществе существует спекулятивное отношение к прошлому.

Если вы сегодня пройдете по Твери, то увидите намалеванные свастики. Плохие симптомы — проявляются националистические настроения. Это реальная опасность.

Иногда доходит до прямых столкновений. Мы решили устроить пикет против празднования юбилея Калинина, так как он участвовал в репрессиях. Приходим к памятнику Калинина, а там уже коммунисты. Они начали наши плакаты рвать, ругаться. Дело дошло до потасовки.

Средства массовой информации подробно о ней рассказали...

Стараемся больше работать с молодежью. У нас есть просветительский информационный центр. Проводим «круглые столы» по общественным проблемам. Взаимодействуем с учителями и общественными организациями...

— Сергей, хочу пожелать, чтобы все ваши планы осуществились...

— Спасибо.

Беседовал ***Сергей Кутейников***

ЗУБЦОВСКАЯ ЖИЗНЬ

АМЕРИКАНЦЫ НА ЛУНЕ, РУССКИЕ В КАТЫНИ

Беседа с Алексеем Памятных

— В 1989 г. вы напечатали в «Московских новостях» статью о Катыни «Подтвердить или опровергнуть», из которой следовало, что правда о катынском преступлении — иная, нежели было принято в СССР официально. Откуда у вас взялся интерес к этой теме?

— Я несколько раз был в Польше. В 1987 г. прочитал изданный в Лондоне в 1948 г. сборник «Катынское преступление в свете документов» и книгу Ежи Лоека «Катынь, 1940». И решил что-то сделать.

Мы поехали с сыном на велосипедах в Катынь — 350 километров. Доехали, но нас оттуда прогнали. Однако памятник мы увидели. На нем была надпись по-русски и по-польски — польским офицерам, расстрелянным гитлеровцами в 1941 году (причем по-польски с ошибкой: «oficeram» вместо «oficerom»). Я написал письмо в Смоленский обком КПСС: что это за памятник и почему к нему нет доступа? Получил из обкома ответ, что ставлю правильные вопросы и что доступ к памятнику будет облегчен. Писал я и письма в газеты, звонил историкам. В январе 1989 г. в польском подпольном журнале «КОС» вместе с польским журналистом Станиславом Ремушко мы опубликовали письмо польским и советским властям по вопросу о Катыни. Потом «Московские новости» предложили напечатать подробную статью, которую мы написали с моим товарищем по московскому «Мемориалу» биологом Александром Акуличевым.

— Какие этапы прошло выяснение катынского дела в СССР и России?

— Было движение сверху и снизу. Сверху — это прежде всего передача Горбачевым Ярузельскому дел с этапными списками польских военнопленных, а осенью 1992 г. — передача специальным уполномоченным Ельцина президенту Валенсе документов из «Особой папки», включая решение политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле пленных из трех лагерей — Козельска, Старобельска и Осташкова — и заключенных, содержавшихся в Западной Белоруссии и на Западной Украине. А также следствие, начатое Главное военной прокуратурой в конце 1990 года.

— А снизу? Известно, что Никита Петров из московского «Мемориала» и другие эксперты во время подготовки к суду над КПСС, назначенному на осень 1992 г., получили сведения о решении политбюро от 5 марта 1940 года.

— Еще перед приездом Леха Валенсы в Москву (май 1992) в «Известиях» появилась статья, информирующая, где находятся эти документы. Организация «Катынские семьи» тоже получила сведения об этом, и вскоре после поездки Леха Валенсы в Москву их опубликовал в газете «Жечпосполита» Петр Мицнер. В свою очередь историки Наталья Лебедева, Юрий Зоря и Валентина Парсаданова нашли документы конвойных войск, из которых следовало, что списки польских военнопленных, отправленных в 1940 г. из лагеря в Козельске в распоряжение Смоленского УНКВД, и немецкие списки эксгумированных в 1943 г. в Катыни сходны.

— Что еще требует выяснения?

— Самый главный вопрос — это судьба 7305 человек, расстрелянных в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, о которых упоминается в записке председателя КГБ Александра Шелепина Хрущеву (1959). Судьба этих заключенных не до конца выяснена, а значит, дело закрыть нельзя. Украина предоставила данные о более чем трех тысячах расстрелянных, из Белоруссии документов нет. А эта группа расстрелянных включена в то же самое дело, хотя теперь его можно отделить, так как это другие государства — Белоруссия, Украина. Тогда катынское дело в России было бы завершено. Однако, чтобы завершить его, оно должно быть передано в суд, а это невозможно, так как по российским законам судить некого: обвиняемых нет в живых.

— В Польше Институт национальной памяти проводит следствие, даже если всех обвиняемых нет в живых. Чтобы дать историко-правовое разъяснение.

— Но дело, которое ведется в России, — это дело уголовное. Вначале партийная верхушка, видимо, хотела завершить дело, объявив, что преступление совершено НКВД. Но потом были найдены решение политбюро от 5 марта и записка Берии от начала марта 1940 года. Каким образом было принято это решение — вопрос для историков. Возможно, это было сделано перед самым началом марта, так как во множестве более ранних документов предлагается передать дела военнопленных особому совещанию, которое в 1940 г. не имело право выносить смертные приговоры, тогда как специально созданная в первые дни марта тройка — Меркулов, Кобулов и Баштаков — имела. Для ОСО уже были подготовлены следственные и учетные дела. Не исключено, что они были уничтожены, как предлагал Хрущеву Шелепин, хотя есть только проект решения политбюро об этом уничтожении, а самого решения нет. Так что пусть историки ищут эти дела.

— Что еще им следует искать?

— Надо проверить вопрос о перемещении военнопленных из лагеря в лагерь. Кроме того, вопрос о патронах. В Катыни и Медном расстреливали главным образом из немецкого оружия, в Харькове — из советского. В Медном — из «Вальтеров», как показывал свидетель Дмитрий Токарев, бывший начальник УНКВД по Калининской области. В Польше считают, что «Вальтеры» экспортировались из Германии в СССР, но где документы? Есть еще вопрос, докуда дошли немцы. В Катыни они были, в Харькове были, но ни Медное, ни Осташков не попали под немецкую оккупацию. Это одно из доказательств, что немцы не могли там расстреливать. Есть также множество других доказательств, включая свидетельские показания. Недалеко от Осташкова в 1992 г. я натолкнулся на деревенское кладбище, где хоронили пленных, умерших в лагере. Среди 40 фамилий дата первых похорон — октябрь 1939-го, последняя — май 1940-го. Это подтверждает датировку расстрела поляков.

— Считают ли русские вопрос о Катыни до конца выясненным?

— В Интернете существует популярная в России страница «Военно-исторический форум». Я задал там четыре вопроса. В течение двух дней мое сообщение просмотрели свыше 800 человек. На вопросы как таковые ответили из них 40. Пять шестых считают, что тема Катыни перестала быть актуальной в российско-польских отношениях, а одна шестая — что не перестала. На вопрос, надо ли закрыть эту тему на политическом или юридическом уровне и оставить этот вопрос историкам, ибо все остальное уже сделано, четыре пятых ответили, что пусть этим занимаются историки. Пять шестых сообщают, что для них тема Катыни прежде всего связана с войной 1920 года. Что касается вопроса о том, кто совершил массовое убийство, треть считает, что убивало НКВД, два человека не сомневаются, что немцы, но больше половины не уверены, кто это был — немцы или НКВД. А ведь это люди образованные, которые интересуются историей, и сам форум вовсе не националистический.

— А как относятся русские к вопросу о возмещении ущерба?

— Среди ответов было несколько таких: если поляки хотят возмещения, то мы хотим возмещения за 1920 год. Я не пренебрегал бы такими высказываниями. Поляки говорят о 18-20 тыс. красноармейцев, умерших в польских лагерях военнопленных, а по бытующему в России мнению, их может быть в два-три раза больше. Польские архивы открыты, и российские историки могут в них работать, только не очень-то торопятся. Хотя некоторые уже работают. Вскоре должен появиться совместный польско-российский сборник документов о войне 1920 года.

— В постсоветской России не был произведен достаточно серьезный расчет с историей. Не потому ли появляются такие головоломные идеи, как оправдание советско-германского договора («пакта Риббентропа—Молотова»), или мнение, что поляки сотрудничали с немцами во время II Мировой войны, или утверждения о том, что Катынь — это всего лишь отместка за 70 тыс. военнопленных 1920 г., ликвидированных поляками, как передавало телевидение РТР? Есть даже такие высказывания в серьезной прессе, что возмещение за репрессии против поляков — это земли, которые Советский Союз отвоевал у Германии и подарил Польше.

— Все это совершенно нелепо, и с этим уже полемизировал в рязанской «Карте» Александр Гурьянов из «Мемориала». В одном из ответов на мою анкету кто-то даже заявил, что ни в Медном, ни в Харькове не нашли никаких польских могил. Это вытекает главным образом из незнания. Но одержи-

мые всегда найдутся, и не из-за того, что не было расчета с прошлым. То, что катынское следствие не закончено, создает трудности, потому что нет доступа ко всем документам и это используют люди типа Юрия Мухина, которые говорят: что-то там скрывают, чего-то не печатают, пять лет не могут найти документов. Среди его обвинений 95% бессмысленных, но 5% разумных, которыми должны заниматься историки. Могу с ним согласиться, что надо напечатать документы, касающиеся торговли оружием, найти документацию об этапах между лагерями. Но это будет не в его пользу, а против него. Следствие надо завершить. И если есть какие-то следственные сомнения, разъяснить их. Если нужно завершить дело с политической точки зрения, то это надо сделать, если с юридической — тоже, но надо действовать спокойно на межгосударственном уровне, чтобы не устраивать соревнования в исторических обидах.

— А кто такой Юрий Мухин?

— Это главный редактор газеты «Дуэль», где весьма часто совершенно всерьез пишут полную чепуху, например что американцы не высадились на Луне. Он издал две книги: «Катынский детектив» и сравнительно недавно «Антироссийскую подлость». Там приводится множество доводов того, что польских военнопленных убили немцы. Причем аргументы в первой и второй книгах разные. В первой они были совершенно дурацкие, потом он, видно, кое-что узнал и во второй уже их не приводит. Например, в первой он пишет, что на записке Хрущеву нет подписи Шелепина — во второй он этого уже не пишет. В «Антироссийской подлости» множество чепухи — например, он пишет, что все документы, переданные Валенсе — это фальшивки, изготовленные КГБ и властями КПСС. Или, например, что выписка из решения политбюро от 5 марта 1940 г. была утаена, недоступна и что в 1995 г. ему удалось ее где-то найти. Несмотря на то, что через десять дней после того, как профессор Рудольф Пихоя передал документы Польше, они были опубликованы вместе с факсимиле.

— Пытаются ли историки с этим дискутировать?

— Нет, точно так же, как ученые не дискутируют с Мухиным насчет того, высадились ли американцы на Луну. Потому что для специалистов это нелепость. Но для общества — необязательно. Важную роль могут играть СМИ, в том числе хотя бы Интернет, потому что большинство людей черпает знания не из книг. В России существует катынская страница в Интернете (http://katyn.codis.ru), на мой взгляд, отличная. Ее организовал Юрий Красильников, математик из Москвы. Те, кто найдет там ответы на аргументы Мухина, сможет на нее ссылаться. На тему высадки на Луну тоже есть российская страница. Она сообщает, что американцы на Луне были.

— Кто стремится переубедить людей, которых баламутит Мухин?

— Вот у меня выпущенная в 2001 г. книга «Катынский синдром», написанная историками Инессой Яжборовской и Валентиной Парсадановой и бывшим прокурором Главной военной прокуратуры Анатолием Яблоковым. Активно занимается этим Наталья Лебедева, вышеназванный Юрий Красильников. При сотрудничестве польских и российских историков выходит многотомное издание «Катынь. Документы преступления». Вопросами репрессий и депортации поляков занимается «Мемориал» в сотрудничестве с варшавским центром «Карта». В Польше вышел уже 14-й том «Указателя репрессированных» со вступительной статьей Александра Гурьянова. Но в отличие от Польши эти темы у нас людей не интересуют. И тех, кто хорохорится, и тех, кто ищет истину, — мало. Так, возможно, и должно быть: пусть этим занимаются историки.

Я хотел бы упомянуть о другом аспекте катынского дела. Там, где проводилась эксгумация — в Катыни, Медном и Харькове, — поляки обнаружили также массовые захоронения советских людей, уничтоженных НКВД, и по примеру поляков, которые создали военные кладбища для своих соотечественников, российские и украинские власти окружили опекой могилы наших жертв.

*Беседу вели **Ян Стренковский** и **Малгожата Заремба***

ŻYCIE

***Алексей Памятных** — астроном, доктор физико-математических наук, научный сотрудник Астрономического центра им. Коперника Польской АН и Института астрономии Российской АН. Проблемой Катыни интересуется более 10 лет. Активно участвовал в подготовке московским «Мемориалом» двух выставок в Москве по катынской тематике — в 1989 и 1990 годах. Оказывал помощь следственной группе Главной военной прокуратуры СССР-России.*

СЛУЧАЙ, ИЛИ ПРАВДИВЫЙ ВЫМЫСЕЛ

Беседа с Зофьей Романович

— Когда я читаю ваши книги, у меня всегда складывается впечатление, что на судьбы их героев очень сильно влияет случай. Мне хотелось бы поговорить о его роли в вашей жизни.

— Пожалуйста. Хотя каждая жизнь случайна, и живут люди тоже от случая к случаю. *(Смеется)*.

— Подозреваю, что сильнее всего на вашу жизнь повлиял арест в январе 1941 года. Наверное, это был первый, особенно важный случай.

— Да, первый и самый важный...

— Конечно, ведь он изменил всю вашу жизнь. Как это произошло?

— В январе 1941 г. немцы приехали за моим отцом, который был членом СВБ [Союз вооруженной борьбы, предшественник Армии Крайовой. — *Пер.*]. Меня в списке не было. Правда, мне было уже восемнадцать, но я была очень маленькой и щуплой. Я не могла смотреть, как эсэсовец издевается над отцом, не понимавшим, о чем его спрашивают, поэтому начала говорить по-немецки. Даже как-то храбро себя повела. Тогда они перестали его бить. Офицер заметил возле моей кровати книгу Горация. Он полистал ее, процитировал несколько фрагментов, а потом вдруг сказал, что, раз я так хорошо знаю немецкий, может быть, мне будет угодно проехаться вместе с отцом, не знающим этого языка. Нас затолкали в фургон.

— Каким же образом вы превратились из переводчицы в арестованную?

— Так ведь он мне вовсе не предлагал места переводчицы! Я должна была только помочь отцу на следующем этапе допроса в Гестапо, так как допрос велся по-немецки. Тогда в Радоме арестовали около 600 человек, в том числе 36 женщин. Это был случай, завершивший первый этап моей жизни в Радоме.

— А история, рассказанная в «Нежном кусочке лазури»: превращение школы в тюрьму, многомесячные допросы, тревога людей, лежащих вповалку на соломе, — это все автобиографическое?

— Конечно. Радомская тюрьма оказалась для нас слишком тесной — арестовали слишком много народу одновременно, — поэтому нас привезли в школу им. Юзефа Пилсудского в городе Скаржиско-Каменна. Оказалось, что здание школы прекрасно подходит для ведения следствия: спортзал, много классов. Это продолжалось месяцами.

— Если я правильно понимаю, это было что-то вроде рулетки. Одного брали на допрос и приводили обратно, а другой уже не возвращался — его расстреливали. Так все и было?

— Нет, расстреливали только в самом конце. Причиной арестов был провал группы радомцев, пытавшихся подготовить восстание. *(Смеется.)* Они уже закопали оружие, составили план. Это в сорок первом-то году! Представляете себе? Спустя четыре недели к нам приехал военный суд из Берлина. Во всем мире все дела, связанные с хранением оружия во время войны, заканчиваются смертной казнью. Так вот, тогда в Скаржиско состоялся такой псевдопроцесс. Видели бы вы, как это выглядело! Мне приказали вылезти из соломы, в которой мы все лежали вповалку, ни о чем не спросили, что-то там сказали и сразу же загнали обратно в это наше логово. Зато на следующий день расстреляли несколько мужчин и женщин. Потом оставшихся мужчин отправили в Освенцим, а женщин — в тюрьму в Кельце, где мы просидели несколько месяцев. Но у всех у нас были смертные приговоры. Это преследовало меня вплоть до Равенсбрюка. На моих документах была пометка: «Возвращение нежелательно». Почему меня не расстреляли в одной из этих тюрем? Не знаю. Может, рассчитывали на результаты дальнейшего следствия или каких-нибудь очных ставок? Ну не знаю...

— Формулировка «возвращение нежелательно» неоднозначна. Она могла означать только отправку в лагерь...

— Это означало, что в лагере я не имею права выжить, что я обречена на смерть.

— Вы попали в Равенсбрюк сразу после Кельце?

— Нет, не сразу. В Кельце расстреляли еще нескольких из нас. Почему нас убивали по несколько человек? Может быть, эти растянутые во времени казни были для них своего рода развлечением?.. Потом нас перевели в Пинчув, где мы просидели целый год. Моя соседка по камере успела родить там ребенка. Вы знаете эту историю из рассказа «Томусь». Потом мать Томуся внезапно расстреляли, а нас отправили в лагерь. Первый месяц мы, по обыкновению, провели в карантине. Мы слышали залпы. Именно тогда в Равенсбрюке начали расстреливать политзаключенных-полек.

— Помнится, вы писали, что к политзаключенным в Равенсбрюке относились с уважением...

— Из Равенсбрюка я вынесла больше знаний, чем из радомского лицея им. Титуса Халубинского и подпольных курсов. На верхних нарах проводились занятия по программе гимназии. Старые заключенные, учительницы, учили молодых. Надо было смотреть в оба, чтобы не попасться на глаза немцам. Кроме того мы организовывали саботаж. Это было очень приятно. *(Смеется.)* Например, мы обрывали верхушки у маленьких елочек, которыми обсаживали окружавшие лагерь холмы. Однако прежде всего мы выносили из лагеря разные документы, описания опытов, которые ставили на наших подругах — «подопытных кроликах».

Когда меня записали в бригаду закройщиц, у меня появилась прекрасная возможность показать себя. Мы работали ночью. Наша задача состояла в том, чтобы перекраивать оставшиеся после евреев меха для нужд солдат, сражавшихся на востоке. Что это были за меха: норки, шиншиллы! Мы кроили их так, чтобы от них не осталось ничего пригодного. Ни одного вояку они не согрели! А зашитые в воротниках и других укромных местах украшения мы спускали в канализацию. Мы делали еще много чего интересного, только вот сейчас как-то ничего не припомню.

Но самые крупные саботажи мы совершали в Ной-Ролау [Нова Роле] под Карлсбадом [Карловыми Варами], где размещался фарфоровый завод «Богемия». До войны там был изготовлен прекрасный сервиз для президента Мостицкого, но при мне там делали уже только солдатские миски. При заводе немцы построили цех по сборке электронных схем для «Мессершмитов». Там меня взяли под крылышко мои подруги Кайтки*, которые теперь живут в Лондоне. Мы должны были упаковывать тоненькие проводки: синие, белые и розовые. Вы себе не представляете, что мы там вытворяли! Мы упаковывали их, как положено, в маленькие коробочки, но в конце посыпали белым порошком, который хитрые девушки выписали из Варшавы под видом стирального. Они получали его в посылках. Ни один «Мессершмит» с «нашими» проводками не взлетел. Все коробочки возвращались забракованные. *(Растроганно.)* А единственное в моей жизни белое бальное платье было сшито из эсэсовских простыней и вышито этими самыми проводками. Мы сшили его специально на «сранду», что по-чешски означает «гулянка» (с нами сидело несколько чешек). Тогда я даже танцевала мазурку. Это было великолепно! А еще мы крали кур. Мы делали множество презабавных вещей!

— И никто из-за этих забав не пострадал, никого не убили?

— Из нас никого. Немцы нашли только письма. *(Вспоминает.)* Ах, ведь из-за этого на моей совести оказался один эсэсовец. *(С явным удовольствием.)* Я убила коменданта лагеря!

— Собственными руками?

— Ну, нет! Косвенным образом. Я его отравила. Незадолго до конца войны эсэсовцы нашли письма, которые мы прятали под камнями, после чего работавшие в «Богемии» судетские немцы, бывшие коммунисты, посылали их нашим семьям. В то время комендантом нашего лагеря был исключительно подлый и жестокий человек по фамилии Бок, что можно перевести как «скотина». Так вот, после того как к нему в руки попали наши письма, он хотел вызвать гестапо, чтобы расследовать все это дело. Мы не могли этого допустить. Трудно сказать, что сделали бы с нашими немцами, но наверняка ничего хорошего. Самих же нас скорее всего повесили бы. Тогда мы уже находились в подчинении лагеря во Флоссенбурге, а там вешали, а не расстреливали, как в Равенсбрюке. Ужасная смерть, это повешение.

— По-моему, разница невелика. В обоих случаях суть одинакова.

— А вот и нет! *(Убежденно.)* Лично я предпочла бы, чтобы меня расстреляли.

— Так чем же кончилось дело с убийством?

— Кайтки решили, что нужно отравить Бока, пока он нас всех не поубивал. Поскольку тогда как раз подошла моя очередь подавать коменданту кофе, они велели мне всыпать в него какой-то порошок. Я сделала все, что нужно, и вдобавок размешала кофе пальцем. *(Хохочет.)* Бок выпил его и тут же разболелся. Его куда-то увезли. Надеюсь, что он умер. Я не испытываю никаких угрызений совести. *(Смеется еще громче.)* Гестапо не приехало, так что мы вышли сухими из воды. Судетские немцы тоже были спасены, хотя ненадолго: вскоре после освобождения их всех без исключения поубивали чехи.

— Каким образом вы оказались в Ной-Ролау?

— Когда в Равенсбрюке расстреляли очередную девушку из моего радомского эшелона, я очень испугалась. Нас осталось всего четверо. Тогда подруги помогли мне, вписав меня в список заключенных, направляемых на работы за пределы лагеря. Это было возможно, так как уже вошло в обычай отдавать нас напрокат разным фабрикам или крестьянам. В Ной-Ролау работа была полегче, а климат здоровее. Уже один горный судетский воздух укреплял нас.

— В вашей прозе часто повторяется образ колонны заключенных, которых гонят в последний путь. Война уже кончается, фронт совсем рядом, а заключенные идут, подгоняемые охранниками. Куда их ведут? В новый лагерь или на расстрел? Никто не знает. Как выглядел этот марш смерти в вашем лагере?

— Я бы не стала называть это маршем смерти. Тогда всех выгоняли из бараков, и каждый лагерь отправлялся в свой последний путь. Отстававших от колонны

* Мария Блащик и Ванда Белицкая.

добивали. Пожалуй, трагичнее всего эта эвакуация выглядела в Освенциме. Но мне удалось тогда бежать. Вместе с двумя подругами.

— Счастливый случай, невнимание охранников?

— Снова помогли Кайтки. В ночь после эвакуации мы прошли, наверное, с пятьдесят километров. Все время бомбили. Немецкая армия отступала. Тогда там творились ужасные вещи. Все нечеловечески устали, эсэсовцы тоже — ведь они шли вместе с нами. Даже собакам-убийцам уже не хотелось шевелиться. Тогда Кайтки решили, что мы должны немедленно бежать. По очереди, по двое. Мы лежали вповалку на вокзале в каком-то городке. Кругом был лес, которым поросли все окрестные горы. Нам удалось незаметно выскользнуть, но идти дальше было тяжело. Лагерная одежда выдавала нас. Правда, мы были одеты не в полосатые робы, а в какую-то цивильную одежду, но на спине моего синего плаща желтой краской были выведены большие буквы KL [концентрационный лагерь]. У моей подруги была пижама с теми же «инициалами». Мы не придумали ничего лучшего, как пойти одетыми таким образом по дороге в Карлсбад, навстречу отступающим немецким войскам. Солдаты глядели на нас из-за елок, маскирующих машины, и предостерегали: «Не ходите туда! Там уже большевики!» Но мы упорно шли, так как одна из наших подруг лежала в карлсбадской больнице, и никакая сила не смогла бы нас заставить отказаться от намерения найти ее. И вдруг возле нас останавливается одна из машин, и какой-то генерал (когда-то я даже помнила его фамилию) спрашивает, куда мы идем. Мы отвечаем, что в Карлсбад. Тогда он предложил нам сесть в машину и отвез нас прямо к больнице.

— Все это звучит как сказка!

— Но это правда. Этот генерал спас нам жизнь. Потом мы узнали, что в окрестностях города была облава: беглецов ловили и делали с ними страшные вещи.

— Иначе говоря, очередной счастливый случай...

— Да. Нами занялись монахини, содержавшие больницу. Они положили нас в отделение, предназначенное для душевнобольных. Там было чистое белье и другие предметы роскоши, о которых мы даже не мечтали. Было пусто, так как во время бомбежек все пациенты психиатрического отделения разбежались. Мы были в восторге. Сестры целыми днями перевязывали раненых немецких солдат, а мы мужественно помогали им в этом. Немного подлечилась даже наша подруга, которую эсэсовская охранница так сильно ударила по голове, что повредила ей ухо. И вдруг мы слышим по радио, что война кончилась. Не медля ни минуты, мы помчались в наш лагерь. Одиннадцать километров, отделяющие Карлсбад от Ной-Ролау, мы преодолели в мгновение ока. А там нас уже поджидали Кайтки. На эсэсовском бараке развевался бело-красный флаг. Вот такие мы были патриотки.

— А лагерь превратили в центр для перемещенных лиц?

— Нет, ведь это была только маленькая бригада при заводе.

— Насколько мне известно, Ной-Ролау оказалось в т.н. «мертвой зоне», т.е. между американской и советской сферами влияния. Стало быть, вы должны были принять решение, в какую сторону податься.

— И опять все решил случай. Мы расположились в эсэсовском бараке и ждали, что будет дальше. В соседнем бараке поселились мужчины. Директор завода, немец, очень заботился о нас, надеясь, что мы отблагодарим его, защищая от союзников. Внезапно откуда-то приехали французы на мотоциклах. Они не могли нам ничем помочь и только спрашивали, не был ли кто-нибудь из лагерного начальства особенно жесток к нам. Кайтки указали на Франца, который действительно был гнусным преступником. Французы взяли его и тут же за углом застрелили. Тогда мы поняли, что положение по-настоящему серьезно и нам надо попасть на территорию, оккупируемую американцами. Я никому не желаю быть освобожденным большевиками! Женщины из Равенсбрюка, пешком возвращавшиеся в Польшу через советскую оккупационную зону, могли бы много рассказать об этих освободителях. С ними делали ужасные вещи!

— Как вам удалось пробраться к американцам? Насколько я знаю, это было непросто.

— Кайтки пошли к директору завода и реквизировали его грузовик вместе с шофером-французом, который был там на принудительных работах. Мы двинулись в путь. Часть из нас шла пешком, а часть ехала. Мы были неплохо экипированы: у нас были башмаки, одеяла, одежда, еда и т.п. Таким образом мы добрались до границы зоны, проходившей по какой-то реке в Тюрингии. Через реку был мост, а на нем стоял американский солдат и никого не пускал. В лесу на нашей стороне творились страшные вещи, так как все хотели любой ценой прорваться к американцам: беглые заключенные всевозможных национальностей, люди, угнанные на принудительные работы, немецкие дезертиры, эсэсовцы.

— Подозреваю, что вам снова помог случай...

— Вы не ошиблись. Ни одна из моих подруг не знала ни слова по-английски, а я немного занималась английским в Ной-Ролау и могла связать несколько слов. Кайтки вытолкнули меня на мост, прямо на этого американца. А он стоит на расставленных ногах и жует жвачку. Я ему бормочу сдавленным голосом: «We — concentration, you — liberation, five years expectation». А он ничего, только глаза таращит и явно не понимает моего языка. Я ему опять повторяю то же самое, потому что ничего другого сказать не могу. Часовой в свою

очередь тоже стал мне что-то говорить, но, так как я ничего не понимала, он в конце концов разозлился и свистнул товарищу, который, к счастью, оказался поляком, родившимся в США. И этот наш заокеанский соотечественник перевел мне слова американца, которые звучали так: «Он спрашивает, не хотите ли вы с ним переспать?» А надо вам сказать, что после лагеря я выглядела как скелет. *(Смеется.)* Вы себе даже не представляете, как мы выглядели после этого многолетнего голода.

Мы быстро ретировались. Спали мы в лесу, в окружении всей этой компании, и душа у нас уходила в пятки. В конце концов пройти через этот мост нам разрешил другой соотечественник, повыше званием. Он приехал на джипе. Рядом с ним сидела немка. Ее плечи были закутаны в прекраснейшую фиолетовую шаль. Никогда не забуду этой шали, развевавшейся по ветру. Ведь всем известно, что на самом деле войну выиграли немки.

Этот поручик перевез нас в американскую зону и отдал в наше распоряжение целую немецкую деревушку. Но мы абсолютно ничего не делали. В подвале одной из вилл мы нашли картошку, из которой пекли себе блинчики. Этот рай продолжался около недели. Потом я попала в Мурнау.

— То есть в лагерь для перемещенных лиц?

— Да, и это было очень неприятно, потому что американцы забрали всех нас из этой нашей деревушки без всяких вопросов и объяснений. Пинками и тумаками они загнали нас в фургон — вроде тех, в которых немцы возили людей на расстрел, — а затем вывезли. Выходим мы из этого фургона и видим бараки, территорию, огороженную колючей проволокой, а над воротами — серп и молот. Оказывается, нас привезли в лагерь для военнопленных с советским гражданством. Какой-то их офицер приветствовал нас словами: «Очень рад вас видеть, союзницы Гитлера».

Не хочу даже помнить, что творилось в этом лагере. По сравнению с этим местом Равенсбрюк и Ной-Ролау были сущими пустяками. Когда выяснилось, что на следующий день русские должны депортировать украинцев, начался настоящий ад. Никогда в жизни я не видела столько людей, одновременно совершающих самоубийство: вскрывающих себе вены, вешающихся. Кошмар!

— Они предпочитали смерть ГУЛАГу?

— Да. К счастью, в лагерь приехал полковник Станислав Август Понятовский, который искал свою двоюродную сестру Майю Понятовскую, тоже узницу Равенсбрюка. Но ее с нами не было. Он согласился забрать пятерых из нас — столько помещалось в его машине. Кайтки выбрали пятерых младших, в том числе меня. Я долгие годы была самой младшей.

— Иными словами, очередной случай. А каким образом вы попали в Италию? Легенда гласит, что из Мурнау вас вывез Мельхиор Ванькович.

— Неправда. Я встретила его уже в Риме, в кафе пани Бек, куда меня привезла пани Рыхлевич, заведовавшая тогда Польским Красным Крестом в Германии. Она должна была возвращаться в Германию и искала кого-нибудь, кто мог бы обо мне позаботиться. Честно говоря, я всегда была растяпой, и обыкновенно кто-нибудь брал меня под крыло. Даже внуки называют меня бабушкой-растяпушкой. Рыхлевич боялась за меня, не зная, как я справлюсь с жизнью в этом чужом мире, поэтому привела меня в кафе пани Бек, надеясь найти мне там какого-нибудь ангела-хранителя. Сначала она вверила меня попечению пани Наглер, объяснив, что я бедный ребенок, переживший тяжелые испытания в Рейхе. У них у всех позади были советские лагеря, Казахстан и ГУЛАГ, поэтому я была для них новым веянием, первой ласточкой из немецкого концлагеря. Правда, им и раньше встречались всякие немецкие солдаты, в основном дезертировавшие силезцы (чаще всего под Монте-Кассино), но все это было не то. Так что Ванькович, маститый репортер, узнав, откуда я приехала, тут же начал прядать ушами. В отличие от пани Наглер он не говорил сладким голоском, чтобы я пришла, если буду в чем-нибудь нуждаться, а сразу купил мне большое пирожное, а потом нормальную одежду, так как одета я была поистине диковинно. Кроме того он отвез меня к серным источникам в Тиволи: все мое тело было покрыто ужасной экземой. Кстати, там я познакомилась с Густавом Герлингом-Грудзинским.

В дальнейшем Ванькович привлек меня к редактированию первого тома «Битвы за Монте-Кассино». У меня до сих пор хранится этот том с примечанием Ваньковича о том, что я — автор текста с такой-то по такую-то страницу, и с его посвящением, в котором было также пожелание, чтобы среди фамилий из именного указателя я нашла себе будущего мужа. Впрочем, это пророчество сбылось. Правда, информацию о поручике Казимеже Романовиче можно найти только в третьем томе, но это не уменьшает необычности стечения обстоятельств.

— В ваших биографиях говорится, что вы были секретаршей Ваньковича. Это подразумевает довольно широкую сферу компетенций.

— Я составила ему именной указатель к «Битве за Монте-Кассино». Кроме того я была его секретаршей, причем секретаршей в полном смысле этого слова. Прежняя, назначенная командованием, была не в состоянии даже завязать веревочку на посылке. Это была одна из «польских графинь». Между тем я работала с огромным рвением и бегала, как заводная. Этот указатель я напечатала на машинке одним пальцем...

—А потом от выстукивания одним пальцем именного указателя вы перешли к литературе?

— Ванькович велел мне писать, причем сразу прозу. В Равенсбрюке я была поэтессой и написала массу стихов, которые мои подруги заучивали наизусть. Но Ванькович сказал: «Зося, если ты хочешь свидетельствовать, попробуй себя в прозе». Он даже подарил мне маленькую пишущую машинку. Мой первый рассказ «Томусь» был напечатан в журнале «Ожел бялый» («Белый орел») в Риме, в 1945 году.

— Напоминали ли сложившиеся между вами отношения зависимость ученика от учителя или это была скорее дружба?

— Это были отношения учителя и ученицы, но в то же время и дружба. С его стороны в этом наверняка было немало отцовских чувств. В каком-то смысле я заменяла ему дочерей, старшая из которых, Крыся, погибла в Варшавском восстании, а младшая, Марта (по прозвищу Тирлипорек), уехала в Америку. Впоследствии мы с ней очень сдружились. А моя дочь Бася в свою очередь подружилась с детьми Тирлипорека.

Я очень многому научилась у Ваньковича. Он... *(Задумывается.)* С ним можно было посмеяться: он над всеми подшучивал. На разных съездах, даже в самом изысканном и благочестивом обществе, он употреблял неприличные выражения. Многих он этим шокировал.

— Как же он учил вас писать? Исправлял ошибки? Бил линейкой по пальцам?

— Нет-нет... *(Смеется.)* Он уже набил руку на дочерях. Ведь в свое время Тирлипорек послала в журнал «Пломычек» («Огонечек») репортаж об их совместном летнем походе в Поозерье. Ванькович умел учить. Моего «Томуся» он правил, объясняя мне, как ребенку: «Здесь нужно разбить, здесь передвинуть, а здесь сделать абзац»...

— И вы поверили его литературным указаниям? У меня такое впечатление, что нет...

— Он был в большей степени фельетонистом и журналистом, нежели писателем. Эта оценка не касается «Детских лет», которые я считаю гениальной книгой. Кстати, он подарил мне ее, написав в посвящении: «Оценивай, но не подражай».

В своих фельетонах он паразитировал на всех. На мне тоже. Как-то раз, еще до открытия школы в Порто-Сан-Джорджо, он, явно интересуясь моей реакцией, взял меня с собой в Германию. Нюрнберг был так разбомблен, что в воздухе все еще висела кирпичная пыль. Потом он повез меня в Дахау. И надо же такому случиться, что в одной из камер как раз сидела Oberaufseherin Мари Мандель — прелестная и жестокая женщина-палач из Равенсбрюка. Знаменитая Валькирия действительно была очень красива — похожа на Марлен Дитрих. У нее были длинные волнистые светлые волосы. В лагере мы боялись ее как самого дьявола.

Ванькович пришел в восторг от этой ситуации. Его обуяла жажда приключений, и он сказал мне: «Слушай, иди к ней и отрапортуй по-немецки». А она сидит в этой камере, куда можно заглянуть только через глазок. Я медленно подхожу, смотрю, а у нашей Валькирии все лицо опухшее — зубы болят. Отвратительная, жалкая баба, а никакая не Марлен Дитрих. Я отошла, не сказав ни слова. Однако Ванькович увековечил эту ситуацию в своих сочинениях, вложив в мои уста от начала до конца вымышленные тирады. Просто это пришлось ему к месту. Это была его художественная правда. Он подгонял действительность под свои нужды.

— Как вам удалось попасть из Италии в Париж? Насколько мне известно, тогда это было нелегко.

— Я сдала выпускные экзамены в корпусном лицее в Порто-Сан-Джорджо. По приказу генерала Андерса в этом маленьком красивом городке на берегу Адриатического моря при 2-м корпусе была организована школа, в которую со всей Италии съезжались девушки из Женской вспомогательной воинской службы. Позади у нас был долгий военный перерыв в учебе, но мы очень старались и учились целыми днями. Жили мы в интернате, оборудованном в старинной летней резиденции, которая когда-то принадлежала Жерому Бонапарту. Тамошний прекрасный сад превратился в нашу учебную лабораторию. К сожалению, в 1946 г. корпус был демобилизован. Я, как и все, хотела отправиться в Англию, в эти безумные польские «бочки» [полукруглые бараки из гофрированной жести] под Лондоном, а разубедил меня в этом опять-таки случай. В Порто-Сан-Джорджо приехал любимый мною священник отец Тадеуш Киршке, с которым я познакомилась еще в Мурнау. Видя, что́ происходит, он сказал мне: «Зося, ты ведь не знаешь английского, зачем тебе ехать в Англию? Неизвестно, будет ли у тебя там возможность учиться. Поезжай лучше в Париж».

Вот я и поехала, хотя французского тоже не знала. На выпускных экзаменах в Порто-Сан-Джорджо у меня были лучшие оценки, поэтому отец Киршке обещал мне стипендию Польской миссии в Париже. Вдобавок он вверил меня особому попечению отца Цегелки. Дал он мне и адрес сестер-назаретанок на улице Вожирар, у которых я должна была поселиться. Так я отбилась от своих подруг. Впрочем, так уж оно как-то получается, что мне всегда приходится со всеми расставаться.

Границу я пересекла нелегально, в корпусном грузовике, под брезентом. Таможенникам пришлось дать за это взятку. В Ницце квартировали остатки представительства 2-го корпуса. Там обо мне позаботились и посадили меня на поезд вместе с полным чемоданом книг. Я вышла в Париже, а там уже не было никого, кто мог бы мною заняться. Не зная, какие в Париже длин-

ные улицы, я вышла из метро на станции «Вожирар» и тащила этот мой весящий тонну чемодан до самого Люксембургского сада.

— Я помню, как вы признались, что после приезда в Париж вам хотелось броситься в Сену от отчаяния.

— Истинная правда. И я могу объяснить, почему. Во-первых, я не знала языка; во-вторых, у меня не было документов. Чтобы получить вид на жительство, нужно было иметь какую-то стипендию или работу. Мне же стипендии не дали, так как проф. Зигмунт Залеский не признал мой корпусной аттестат и не согласился переэкзаменовать меня. Так что я жила во Франции нелегально. Боялась я ужасно. Не забудьте, что мои лагерные воспоминания были еще очень свежи. Между тем возле монастыря назаретанок часто стояли полицейские, и, проходя мимо них, я просто умирала от страха. Третьей причиной, по которой я хотела броситься в Сену, было то, что пани Ядвига Хойко-Бутьер, чьему попечению хотела вверить меня мама, куда-то уехала, так что во всем Париже не было ни одной знакомой мне души.

Пани Ядвига была родом из Радома. Она вышла замуж за профессора провансальской филологии Жана Бутьера. Я ходила в их квартиру на улице Пьера Кюри, но никак не могла их застать, потому что были каникулы и они попросту уехали в отпуск. Однако в конце концов они все-таки вернулись. Проф. Бутьер взял меня за руку и отвел к ректору Сорбонны. Ни о каких аттестатах и документах не было даже речи. Я была принята в Сорбонну и получила вид на жительство. Правда, мне дали только половину стипендии Католической миссии, поскольку все деньги уже распределили *(Смеется.)*

— Вот так вы и пустили корни во Франции. Вы закончили университет и нашли здесь свое место.

— Я закончила отделение романской и провансальской филологии. Моим первым достижением стали переводы старопровансальской лирики.

— Мне кажется, что сильнее всего вы вросли в центр Парижа, особенно в остров Сен-Луи, который постоянно появляется в вашем творчестве.

— Так ведь там я нашла себе мужа! *(Смеется.)* Кстати, тоже по счастливой случайности. Ванькович написал мне, что «История семьи Коженевских» вышла по-французски и предназначенные мне пять авторских экземпляров я могу получить у пана Казимежа Романовича, который держит на острове польскую книжную лавку и возглавляет издательство «Либелла». Прежде чем пойти туда, я зашла в Польскую библиотеку к пани Ванде Борковской, которая появляется в моей книге под именем Пани с Острова, и спросила, кто такой этот Романович. А она мне отвечает, что это такой милый блондин с прекрасными голубыми глазами. Надо вам сказать, что в моего мужа были влюблены многие девушки. *(Смеется.)* Когда я наконец пришла в «Либеллу», он вспомнил, что когда-то обещал Зофье Ванькович позаботиться обо мне, но забыл об этом, так как у него было много других дел. Увидев меня, он почувствовал ужасные угрызения совести — настолько ужасные, что вскоре на мне женился.

— Правда ли, что большинство своих книг вы написали в кафе?

— Да ведь я только в кафе и пишу! Если бы вы были женщиной, вы бы поняли, почему. Дома всегда нужно что-то сделать, и этим всегда приходится заниматься женщинам. Мужчин это не касается — они занимаются работой. Когда мужчина пишет, жена отключает телефон, ходит на цыпочках и приносит чай. А поскольку я женщина, мне остается ходить в кафе. Благодаря этому я и пишу.

Кафе — это чудесное французское изобретение. Английские пабы — нечто совершенно иное. Во французском кафе — конечно, если его правильно выбрать, — можно заказать кофе и спокойно работать. Каждый что-то читает или пишет, и никто ни во что не вмешивается. В кафе я чувствую себя как на работе. Все бумаги у меня с собой в poche de nonne («сумочке монахини»). Это определение моей подруги, которая воспитывалась в монастыре, где девочки носили на шее такие сумки-карманы. Я ношу poche de nonne, а не какие-то там портфели или папки, которые всегда могут потеряться. Когда я прихожу в кафе, я просто счастлива: впереди у меня целых два часа. Дольше я работать не могу.

«Переход через Чермное море» я написала в кафе на улице Шерш-Миди, напротив магазина «Бон-Марше». Жили мы тогда в Аньере, и я, полная идиотка, села там на поезд, после чего в Париже, на вокзале Сен-Лазар, пересела на метро. Почему я писала именно там, я уже не помню. Впрочем, теперь у этого кафе новые хозяева, другая обстановка и атмосфера. С тех пор как мы поселились на улице Дебеллейм, я многократно меняла место работы. Сейчас я пишу в кафе «Океан» напротив сквера в 3-м районе. Оно открывается в семь утра. Рядом рынок. Подозреваю, что когда-то там были лотки с рыбой, которую привозили с океана. Отсюда, наверное, и название.

Когда мы живем в деревне, в Жур-ле-Бене, мой бедный муж встает с утра, чтобы отвезти меня в близлежащий городок: я не вожу машину. Кафе там открывают в полвосьмого. Еще не так давно я сама ковыляла эти пять километров, но теперь силы уже не те. На машине мы проезжаем это расстояние за пять минут, после чего муж возвращается домой, бреется, переодевается, ест завтрак. Через каких-нибудь два часа он снова приезжает за мной.

— Прочитав «Эскалатор», я сразу подумал: тень лагеря вернулась. Вы опять ощутили потребность загнать своего героя в Освенцим и отяготить его лагерным опытом...

— В нашей предыдущей беседе** я сказала вам: чтобы научиться тому, что я узнала за четыре года лагеря, мне, наверное, пришлось бы прожить сто пятьдесят лет. Там человек проникал в самую суть человеческого естества. В Освенциме я, конечно, не была, но идея лагерей везде одна и та же. Лагерное прошлое есть и у подруги Гжегожа, которая была «подопытным кроликом» в Равенсбрюке.

— Я всегда думал — может быть, наивно, — что после такого рода болезненных переживаний у человека возникает потребность вытолкнуть это из себя, забыть, убежать от прошлого. А ваши герои все время мысленно возвращаются в лагерь.

— Потому что вы никогда не были в лагере! Знаете, о чем говорят бывшие узницы Равенсбрюка, когда встречаются? Немного о детях, мужьях, внуках, свадьбах и разводах, но прежде всего о лагере! «Помнишь, Сдельщик, как...» «Ну конечно, дорогие Кайтки, помню...» И так далее...

— Я запутался в этих псевдонимах: Кайтки, Сдельщик...

— Кайтки — это псевдоним двух моих подруг, которые теперь живут в Англии. А я была Сдельщиком. Это началось с того, что однажды меня очень рассмешил анекдот о человеке, работавшем «сдельщиком на похоронах». Так это и присохло ко мне. С тех пор я была Сдельщиком. Эти воспоминания омолаживают нас.

— Это звучит довольно странно и необычно!

— Лагеря безумно омолаживают! *(Смеется.)* Ну, разве что человек — профессиональный мученик. Был здесь в свое время мужчина, добивавшийся компенсации от «добрых немцев». Как он ходил и плакался! Он разевал пасть, в которой не было уже ни одного зуба, и стонал: «Выбили немцы, выбили!» *(Смеется.)* Но к мученичеству надо иметь призвание.

— Вы просто пересказываете сцену из «Монизы Клавье» Славомира Мрожека.

— Не знаю, не я ли рассказала Мрожеку эту историю. Когда-то мы были очень дружны — особенно при жизни его первой жены Марии.

— Другая важная тема вашей прозы — психофизическая ситуация поляка, живущего в эмиграции, например, во Франции. Вы всегда интересовались жизнью на стыке двух культур, двух миров. Книга «Баська и Барбара» впервые затронула эту проблему и одновременно обозначила ваше присутствие в эмигрантской литературе. В ней вы описали опыт матери, которая хочет воспитать своего ребенка в польской культуре и в то же время понимает, что дочь должна ассимилироваться. Любопытно, как теперь, спустя почти 50 лет, вы оцениваете суждения, заключенные в этой книге?

— Я абсолютно уверена, что ребенку нужно дать язык его отцов и дедов. А язык страны, в которой ребенок живет, он всегда выучит в школе.

Поскольку для меня с самого начала было очень важно, чтобы моя Бася владела несколькими языками, я еще в детстве послала ее на каникулы в Англию, в Гастингс, к сестрам назаретанкам. Когда она вернулась, оказалось, что она забыла французский — его место занял английский. Она даже читала какие-то длинные английские молитвы: сестры были очень набожны. Дети учатся так быстро! Теперь Бася хорошо знает, наверное, около семи языков. Сейчас она учит японский, который необходим ей в ее научных контактах. Что касается мох внуков Мади и Мартина, живущих с ней в Калифорнии, то они говорят на трех языках. Они ходят в англо-французскую школу, а дома говорят по-польски. Когда они были еще во Франции, я рассказывала им множество польских сказок. Кроме того мы вместе читали старые Басины журналы «Сверщик» («Сверчок»).

Моя Бася — геофизик. Она уже давно живет в США. Мадя и Мартин не знали тогда ни слова по-английски, но научились говорить вмиг. Двуязычные дети учат каждый следующий язык легко и быстро. И в этом — их шанс. У нас есть знакомые, чьи дети занимают теперь в Польше высокие должности, так как в свое время их родители воспользовались случаем и подарили им сокровище двуязычности.

К сожалению, поляки в этом отношении очень глупы: они хотят силой оторвать своих детей от страны предков. А потом за это приходится расплачиваться. Совершенно иначе поступают другие народы, культивирующие свои традиции и язык. В этом — их сила.

— Я заметил, что места и люди, сыгравшие в вашей жизни заметную роль, появляются потом на страницах ваших романов — конечно, в несколько завуалированном виде. Я не ошибся?

— Господь не дал мне фантазии, чтобы создавать фон романов, поэтому действие каждой моей книги происходит там, где я когда-то была. Можно даже составить своего рода карту, на которой будут отмечены очередные квартиры. События «Эскалатора» разворачиваются в Бургундии, в нашем летнем доме. А местом действия «Тайников» стала наша парижская квартира. Здесь висит зеркало, в которое смотрелись герои. Сама я наверняка не придумала бы такую историю. Улица Дебеллейм тоже настоящая, включая голову Цереры над дверью нашего дома. Своих героев я

** Интервью «Складки времени» («Одра», 1990, №№1-2).

веду в уже существующие места. Если бы я захотела написать о рае или аде, сперва мне пришлось бы побывать там самой. *(Смеется.)*

— Можно ли сделать из этого вывод, что в вашем случае творческий процесс — производная злободневных событий; что его приводит в движение и подталкивает то, что́ вы в настоящий момент видите и переживаете?

— Ну конечно! Для книги, которую я сейчас пишу, мне наверняка очень пригодится мужчина, выскочивший недавно из окна — здесь, поблизости. Кажется, он сделал это под влиянием наркотиков. Сначала он долго и страшно кричал, а потом бросился вниз, но не умер, а всего лишь поломал ноги. Я это несомненно использую и рано или поздно введу в свою книгу «Злоключения кюре П.».

— Заглавие приводит на мысль Бернаноса. О чем будет эта книга?

— Однажды, когда я была в Севеннах, в гостях у моей подруги «Кролика» (Нины Иванской), я совершенно случайно нашла подлинный дневник, который вел во время французской революции кюре П. Нина жила в очень древнем доме, в котором было ужасно холодно, и, ища какое-нибудь одеяло, я обнаружила этот дневник. Ночью я часто не могу заснуть, поэтому от нечего делать я переписала его. А теперь я его использую. Действие романа происходит в доме Нины. Я даже знаю, в каком месте кюре упал с лошади. У меня есть фон.

— Большинство ваших книг построено по принципу загадки, расследования, распутывания какой-нибудь темной истории. Является ли разгадка неожиданностью только для читателя, или для вас самой тоже?

— Поскольку я очень люблю детективные романы, мне нравится вплетать в ход повествования моих книг загадки. Когда я пишу, у меня нет ни малейшего представления, что случится с моими героями. Я не знаю, как сложится их судьба, вплоть до самого последнего момента. Я не знаю, кто из них заболеет, а кто умрет внезапной смертью. Развязка вырисовывается только в конце.

— Ну, не всегда. Читая «Эскалатор», я до последней секунды ждал, когда же, наконец, выяснится, что́ лежит в сундуке Гжегожа, но эта тайна так и не была раскрыта. Вы оставили читателей в дураках.

— В связи с этим я даже получала от читателей письма с вопросом, когда наконец эта бабушка откроет свой сундук. Этот сундук существует, он настоящий. Быть может, Гжегож написал этот роман, а может, и нет. Впрочем, это все равно. Когда я опубликовала эту книгу, многие из моих парижских друзей сразу поняли, кто был прототипом Гжегожа. Но я не могу открыть все тайны.

— То есть вы хотите навсегда оставить сундук закрытым?

— Я могу делать разных людей прототипами своих героев, но мне нельзя впутывать настоящих людей в материю книги. Один раз я уже так сделала и до сих пор очень об этом жалею. Я не должна была называть имени пани Домбровской и других сидевших со мной женщин в «Нежном кусочке лазури». Ведь некоторые из них были еще живы. Но мне тогда казалось, что эта книга никогда не попадет в Польшу. *(Задумывается.)* Знаете, я думаю, что на самом деле все мои книги — это такая вымышленная правда. *(Снова задумывается.)* Но в то же время и правдивый вымысел.

Беседу вел
Станислав Бересь

Зофья Романович (урожденная Гурская) родилась в Радоме 18 октября 1922 года. Писательница, поэтесса, переводчица. В 1941г. была арестована немцами. После года тюрьмы в Кельце вывезена в концлагерь Равенсбрюк (1942-1943), а затем переведена в лагерь Ной-Ролау под Карловыми Варами. В мае 1945 г. бежала из «колонны смерти» и пробралась в американскую оккупационную зону, после чего попала в лагерь для перемещенных лиц Мурнау. Оттуда была перевезена в Италию, где помогала М.Ваньковичу в работе над книгой «Битва за Монте-Кассино». Под руководством Ваньковича делала первые шаги в литературе (дебют на страницах журнала «Ожел бялый» в 1945). В 1946 г. перебралась во Францию, где до 1949 г. изучала романскую филологию в Сорбонне. С 1948 г. вместе со своим мужем Казимежем Романовичем работала на острове Сен-Луи в собственном книжном магазине (основан в 1946) и издательстве «Либелла», а с 1959 — также в галерее «Ламбер». Живет в Париже.

Опубликовала следующие прозаические произведения: «Баська и Барбара» (рассказ, 1956), «Переход через Чермное море» (роман, 1960), «Нежный кусочек лазури» (роман, 1968), «Солнце десяти линий» (роман, 1963), «Стеклянный шар» (роман, 1964), «Попытки и намерения» (рассказ, 1965), «Могилы Наполеона» (роман, 1972), «Sono felice» (роман, 1977), «Тайники» (роман, 1980), «На острове» (роман, 1984), «Эскалатор» (роман, 1995). В ее творческое наследие входят также переводы провансальской лирики (антология «Часослов любви») и лагерные стихи (сборники «Найденные письма», «Я все еще стою в огне» и «Остались ценности»).

Проза Зофьи Романович вырастает из ее собственного опыта. Она естественным образом отражает различные этапы жизни писательницы, однако не менее живо реагирует также на судьбы и проблемы встретившихся ей людей. На первый план выходят следующие

этапы жизни З.Романович: разрушение мира детства в соприкосновении с войной («Стеклянный шар»), пребывание в тюрьме («Нежный кусочек лазури»), лагерные переживания («Переход через Чермное море», «Попытки и намерения»), история сотрудничества и дружбы с Ваньковичем («Sono felice»), очередные фазы процесса ассимиляции на чужбине (в частности, «Могилы Наполеона», «Баська и Барбара», «На острове»).

Основная проблема, исследуемая в творчестве Романович, — это сознание и подсознание героини-рассказчицы, навсегда запечатлевшей в памяти лагерные испытания, которые определяют ее поведение, взгляды и жизненные решения. Дополнительным комплексом факторов, усложняющих психосоциальную ситуацию ее героинь, становится трудный процесс приспособления к условиям жизни в эмиграции. Дилеммы индивидуальной памяти, необратимой утраты чувства безопасности, нарушения общественных потребностей, эмоциональной сферы и национально-культурного самосознания — вот основные вопросы, подвергаемые писательницей непрестанному тщательному анализу. Почти все ее книги представляют собой наброски к портрету разбитой и неуравновешенной женской личности, интенсивно ощущающей подвешенность между настоящим и прошлым, укорененностью и чуждостью, принадлежностью к семье и одиночеством. Желая достичь максимальной художественной выразительности этих состояний, писательница все время приводит в действие сложные ассоциативные процессы. Охотнее всего она прибегает к повествовательным решениям, тяготеющим к технике потока сознания, стирая границы между сном и явью, психической болезнью и нормой, сегодняшним днем и событиями прошлого, актом сознания и вербализацией.

Книжный дебют Зофьи Романович («Баська и Барбара») стал эмигрантским бестселлером. После него у критики и читателей на долгое время сложился образ писательницы, представляющей «женскую» прозу и отражающей трудности адаптации польского эмигранта. Лишь серия произведений, посвященных тюремно-лагерной тематике (главным образом «Переход через Чермное море» и «Нежный кусочек лазури») обратила внимание на психологические и формальные достоинства ее творчества, а прежде всего — на связи с экспериментами в европейской литературе (особенно с «новым романом»). Переводы этих двух романов на французский язык были отмечены серьезнейшими западными газетами и журналами (среди них «Фигаро литтерер», «Артс», «Монд», «Суар», «Цайт», «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк геральд трибюн»). Публикация очередных книг Зофьи Романович («Тайники», «На острове») укрепила ее место в польской литературе. Несмотря на то, что на протяжении почти всего послевоенного периода ее книги переиздавались в Польше, только в последние годы в польских литературных журналах появились статьи с серьезным анализом ее произведений.

Анджей Стасюк

Перевод Натальи Горбаневской

ПАМЯТЬ

Рассказ

Анджей Стасюк

Я помню много мест и событий. Некоторые из них живут в моей памяти, будто остановленные фигуры какого-то спектакля. Хватает небольшого усилия, чтобы они ожили. Тогда их освещает странное теплое сияние, от которого былое возвращается бесконечно уменьшенным, будто в перевернутом бинокле. Течение времени уменьшает картины, но не способно уничтожить их. Они становятся миниатюрами событий и вещей, но сохраняют тепло, краски и свой внутренний порядок. Попросту нам надо быть больше своего прошлого, чтобы уберечь его.

Все эти места и события банальны без исключения. Все это могло бы случиться с кем угодно другим и в каком угодно другом месте.

Мне семь или восемь лет, зима. Я иду с отцом по тихой, спокойной улице в предместьях Варшавы. Не помню, как и зачем мы там оказались, но очень четко вижу стеклянистый тротуар, снег, сгребенный в сугробы, и белую мостовую. Отец держит меня за руку, а я время от времени чуточку бегу и скольжу по темным пластинам голого льда. Снег лежит на ветвях деревьев, облепляет заборы и железные калитки. День морозный и безветренный. Воздух пахнет угольной пылью. Это запах городских окраин тех времен, когда в переулках появлялись тяжелые подводы, запряженные толстокостыми першеронами. Чумазые мужчины в ватниках и ушанках сыпали уголь в плетеные корзины и относили его в подвалы. Но в тот день улочка была совершенно пуста и тиха. Из труб тянулись серо-золотые облачка.

Из этого состоит жизнь, когда мы пытаемся вообразить ее как целое, — из разорванных фрагментов, запавших в память. Их не сочленяет никакой смысл, никакая логика — кроме того, что приключились они со мной.

Январь, семь часов утра, я только что разбудил дочку, которой надо идти в школу. Она копошится где-то между ванной и кухней, а я сижу у себя в комнате, пью кофе и гляжу в окно. От серого света зимнего утра во мне оживают все рассветы моего детства. Прошло много лет, я уже взрослый, а мои родители старые, от родного дома меня отделяют десятки лет и сотни километров, но этот свет рассвета совсем не изменился. Я гляжу на него и могу воспроизвести вкус тех ранних утр, когда мне было десять лет. Моя дочь повторяет мои жесты, повторяет мои чувства. Когда ее будишь, она неохотно потягивается, сворачивается калачиком под одеялом и пытается сделать вид, будто ей приснилось, что будят, будто вот-вот — и она вернется в объятия теплого сна. Наступающий день — холодный, неприятный, поэтому первые минуты яви следует представить себе как продолжение безопасной, уютной ночи. В ванную, в кухню надо спускаться с полуприкрытыми глазами, чтобы как можно дольше сохранить в себе сонную тишину. Она молча завтракает, чистит зубы, а я тем временем включаю зажигание и жду, пока машина нагреется. Гляжу на дверь дома, чтобы уловить момент, когда она выходит, слегка горбится под ударом холодного ветра и в конце концов кидается навстречу наступающему дню.

Ignacy Czwartos

Это едва заметное, хрупкое постоянство жестов и чувств, быть может, придает нам какой-то человеческий смысл. Придает смысл тому, что мы строим и составляем всё новые дома. Остальное кажется лишь слепой необходимостью выживания вида или проявлением тщеты.

Кроме мест и событий, кроме света — есть еще и предметы, память о которых кажется неуничтожимой. Например, кружка из желтой прозрачной пластмассы. Я запомнил ее как свою первую собственность. Мне тогда было четыре года, и кружка появилась в моей жизни как что-то очень важное. Если сегодня я думаю «молоко» или «сладкий чай с лимоном», сразу же является образ кружки: золотистая миниатюрка взрослой пивной кружки. Все то время окутано полумраком, погружено в полутень и напоминает нерезкую черно-белую фотографию. Даже лица нечетки и размыты. Утварь в квартире, фрагменты улицы и двора, вид из окна — все это не обладает ни четкими красками, ни контурами. По праву удивительнейшего контраста только эта детская посудина или игрушка обладает четкой формой и цветом. Она сияет, будто какое-то сказочное солнце, и своим сиянием озаряет весь остальной тогдашний мир. Извлекает из мрака деревянные поручни кресла, печь на угле и молодое лицо отца, поздно вечером возвращающегося с завода.

Я не сумею объяснить феномен памяти. Вероятно, он необъясним, и потому-то его выразительность идет рука об руку с его красотой. Попросту моя кружка светит в моем прошлом, как звезда, которая указывает мне путь. Не исключено, что напоминание о том, откуда мы пришли, может иметь форму самого простого сообщения, чтобы мы никогда о нем не забыли.

Я прочитал за свою жизнь тысячи книг, разговаривал с сотнями людей, с десятками дружил, объездил немалый кусок мира и бывал в разных удивительных местах. Из всего этого должен возникнуть какой-то синтез, какой-то урок на будущее. Однако ничего такого не происходит. Я просыпаюсь каждый день и жду, пока эти события исчезнут в прошлом. Только тогда они становятся выразительными, только тогда приобретают какое-то значение. Будущее — великая пустота. В нем ничего нет, и оно может, самое большее, возбуждать любителей научной фантастики, марксистов, капиталистов или стареющих барышень. Существует лишь то, что прошло, ибо оно обладает своей формой, оно уловимо, ощутимо и каким-то образом уберегает нас от безумия, от умственного уничтожения.

Когда-то я сидел в тюрьме и по этому случаю месяц провел в камере-одиночке. Камера была совершенно пустая, а у меня из личных вещей были только алюминиевая миска, тарелка, ложка, сапожная щетка и мыло. Все это время я не видел человека. Еду подавали через маленькую кормушку в двери. Унитаз и умывальник были на месте. Этот период я вспоминаю как один из самых интересных в жизни. Я испытал полное одиночество и полную оставленность. Я, понятно, ждал, пока все это кончится, и считал дни, как всякий осужденный, но будущее как таковое меня не интересовало. Оно было бесформенным и абстрактным: составляло что-то в роде точки на прямой. Зато меня поглощало прошлое. Былые события наплывали теперь из прошлого и заполняли мне голову, больше того, заполняли тесное помещение так плотно, что ни настоящее, ни будущее не находили ко мне доступа. Мне казалось, что я совершенно самодостаточен, что по сути дела у меня не отняли свободы, ибо не отняли памяти. Весьма возможно, что моя жизнь каким-то необъяснимым образом продлилась на тот месяц, что те тридцать дней были подброшены как выигрыш в мое существование. На протяжении этих четырех недель пустоты и одиночества все, что я раньше пережил, я пережил во второй раз. Вдобавок пережил, если можно так сказать, с бóльшим вниманием и большей нежностью, ибо начал разуметь, что в жизни ничего не получаешь сверх того, что досталось.

Да, память и прошлое — моя родина и мой дом. Я люблю напиваться в одиночестве и вспоминать минувшие события, людей и пейзажи. Даже то, что было неделю или две назад. Футурология всегда возбуждала во мне легкое отталкивание, ибо казалась мне плодом трусости и дезертирства, побегом от

своего состояния. Никогда я не думал о будущем как о некоем решении. Будущее всегда остается прибежищем глупцов. Оно наступает, а им приходится оправдываться, что наступило оно не такое, как надо, или доказывать, что оно ровно такое, как они предсказывали. Поэтому я предпочитаю напиваться в одиночестве или с друзьями и ждать, пока былое овладеет нами. Всегда лучше общаться с бытием завершившимся, нежели потенциальным. Попросту прошлое относится к нам серьезно, чего нельзя сказать о будущем.

«Жизнь — это не то, что человек пережил, а то, что и как он запомнил» (Габриэль Гарсия Маркес). Я не смог бы найти лучшего ответа на вопрос, почему я тот, кто я есть, и откуда собственно взялся в этом месте и в это время. Южная граница Польши, горы, январь, идет снег и отрезает меня от остального мира. Завтра утром мне будет трудно выехать. Все складывается в гармоничную картину. Окраины, зима, пустота спокойного пейзажа, одиночество, когда долгими днями я вижу лишь самых близких. Не могу удержаться от впечатления, что все было запланировано очень и очень давно, а я переживаю лишь вариации и секвенции каких-то первых жестов и событий. Весьма возможно, что это род фатализма, хотя я очень верю в то, что в жизни мы по-разному повторяем все, что запомнили. Я угнездился в собственной судьбе, ибо вижу в ней постоянство. Ни история, ни география не в состоянии обеспечить нам ощущение, что мы откуда-то приходим. Первая слишком капризна, слишком непредсказуема, вторая — слишком равнодушна. Кроме того та и другая служат власти, которая с их помощью пытается внушать нам, что мы ей еще что-то должны. Память независима. Правят памятью ее внутренние законы склероза или минутных озарений. Как бы мы ни пробовали изменить ей, все равно оказываемся жалкими мудаками, достойными презрения выскочками. Отречься от памяти о себе самом — это умственное самоубийство. Достаточно посмотреть на деревенских, которые пробуют изображать из себя городских мещан, достаточно посмотреть на мещан, изображающих аристократов. Все они бегут от собственной памяти и не находят ничего, что могло бы ее заменить. Амнезия — это форма презрения к самому себе. В мире, который наступает, мало какие вещи будут в нашей собственности. Большинство их подчинится законам экономики, т.е. всякая прибыль будет содержать в себе потенциальную потерю. Вероятно, даже чувства станут предметом торгового обмена. Можно будет покупать любовь и продавать ненависть в доселе не встречавшихся масштабах. Весьма возможно, что одна только память, личная, капризная и отрывочная история, не найдет покупателя, ибо для постороннего окажется совершенно лишенной ценности.

Несколько дней назад мы отвезли нашу десятилетнюю дочь на зимние каникулы. Чем ближе было к месту, где ей предстояло провести целую неделю без нас, тем более нервной и одновременно как будто немножечко чужой она становилась. Потом, среди других детей и опекунов, напряжение еще возросло. Мы отнесли ее вещи в комнату и хотели обнять ее на прощанье. Кроме нее в комнате была еще одна девочка ее возраста. В глазах нашей дочки отражались крайне противоречивые чувства. Она и хотела, чтобы мы как можно скорей исчезли, и в то же время ей было грустно и жалко, что мы уходим. Она была трогательно раздираемой и беззащитной. Ей хотелось освободиться, придать своей жизни собственную форму, и в то же время память и прошлое повелевали ей смотреть нам вслед с печальной извиняющейся улыбкой.

kafka

Лешек Шаруга

ПРОВИНЦИЯ И ЦЕНТР

Анджей Стасюк (г.р. 1960) выпустил свою первую книгу, сборник рассказов «Стены Хеврона», в 1992 году. Рассказы связаны с тюремным опытом автора: в 80-е годы он был связан с молодежной оппозиционной группой и осужден за отказ от службы в армии. Жестокий мир тюрьмы и тюремных повествований Стасюк подравнивает под библейские образцы. Характерно, что герой Стасюка не изображен «оппозиционером», — правда, мы находим в книге картину разлагающейся системы, но она показана не с политической или идеологической точки зрения: добросовестный репортаж. подробное описание реалий вполне достаточны, чтобы показать абсурд действительности, в рамках которой разыгрываются события каждого рассказа. Одновременно эта книга, высоко оцененная критикой, обращает на себя внимание совершенством языкового слуха автора. Причем речь идет не просто о цитировании тюремного жаргона — идя от него, Стасюк создает собственный вариант этого жаргона, творит оригинальный авторский язык своего повествования, сильно насыщенный лиризмом откровенно библейского происхождения.

То же самое мы видим и в его более поздних книгах. Исходная точка в них всегда — услышанный язык, который в повествовании преобразуется так, что это позволяет извлечь из повседневного хаоса выразительные фигуры героев; их язык ретуширован как будто незаметно, но именно это приводит к тому, что мир, изображенный в прозе Стасюка, возбуждает интерес у читателей. Так обстоит дело хотя бы с «Галицийскими повестями» (1995), сборником рассказов, предмет которых — провальное положение сообщества, живущего на территориях бывших госхозов в глухой провинции, в Бескидах. При этом представляется знаменательным, что Стасюк называет свои рассказы повестями, опираясь на важную традицию современной польской литературы — на повествования Зигмунта Хаупта или Станислава Винценца, укорененные в атмосфере былых польских восточных окраин. Взаимопроникновение прошлого и настоящего, былого — хотя и довольно хрупкого — порядка и хаотической суеты современности выполняет в книге Стасюка важную функцию: оно позволяет показать своеобразный genius loci, дух места, благодаря которому лишенная корней, годы назад перетащенная на эти территории человеческая неразбериха преобразуется в местное сообщество, хотя ныне и деградировавшее, однако обладающее шансами воссоздать свой собственный космос.

Наибольшее признание писателю принесла четвертая книга рассказов — «Дукля» (1997). Действие рассказов происходит в маленьком карпатском городке: «Чудной городок, откуда уже некуда поехать. (...) Из Дукли можно только возвращаться. (...) Дукля становится центром мира, amfalos universum, — тем, из чего начинается все остальное, стержнем, на который нанизываются всё новые слои подвижных событий». Таким образом, с одной стороны, мы находимся на окраине, «на краю света», а с другой — в его центре.

В своей прозе Стасюк последовательно развивает мотив скитальчества, пересечения границ — это мы видим и в сборнике «Через реку» (1996), герой которого удаляется от Варшавы, и в романе «Девять» (1999), где приезд в столицу становится подтверждением ее деградации. Вдали от центра, среди узнаваемых, не безымянных людей рассказчик этой прозы находит мир «по мерке человека». Дукля — как раз такое место, излучающее тайну своей неповторимости, а истоков этой неповторимости не найти. И хотя этот мир — как весь мир прозы Стасюка — уже ознаменован печатью распада, хотя герои его повествования — в большинстве своем маргиналы, тем не менее где-то здесь еще можно отыскать хотя бы память о мире основополагающих, ни к чему иному не сводимых ценностей. О мире, уходящем в прошлое, как говорится об этом в «Галицийских повестях»:

«Потом я шел рядом с телегой, а старик показывал места, где стояли дома, называл имена, рассказывал крупицы каких-то событий. Он ехал через деревню, которая еще существовала в его памяти. Ни время, ни огонь, ни хрупкость не имели доступа к памяти. В конце, прощаясь, он несколько издевательски усмехнулся. И сказал почти с веселым блеском в глазах:

— Ну, собственно уж можно и умирать».

Ничего удивительного, что во многих местах этой прозы, как и в драматических опытах автора из сборника «Две (телевизионные) пьесы о смерти» (1998) можно обнаружить зачарованность смертью — точнее, не смертью, а тем переходным состоянием, неуловимым и таинственным моментом преображения.

Андрей Блинушов

ВРЕМЯ РАССТАВАНИЯ

Страшно стало просыпаться — «лента плохих новостей» и некрологов превращается в бесконечность.

Вот и для меня, сорокалетнего, видно, пришло время расставаний...

От польского друга сегодня пришла страшная весть — умер Яцек Качмарский. Один из самых значительных польских бардов, яркий поэт и композитор, бесспорный кумир польской интеллигенции 80-х.

Я познакомился с Яцеком на одном из частных концертов в Варшаве («квартирнике») в 1992 г., где двухчасовое выступление барда просто перелопатило мне душу. Сильный голос, мастерская гитара, потрясающие метафоры, взрывной темперамент. Исполнение Качмарского можно сравнить разве что с Владимиром Высоцким — всё на грани, до последней капли, от крика до шепота.

Нас познакомили в перерыве. «Ну вот, что же вы раньше не сказали, что здесь друг из России, — упрекнул Яцек гостеприимного хозяина «квартирника». И потащил за собой через толпу гостей. — Если вы любите Высоцкого, я сейчас для вас буду петь...»

Ощущение — как будто упал с девятого этажа, а приземлиться не можешь. Такого мощного, точного, по-настоящему гармоничного исполнения Высоцкого я в жизни никогда не слышал. Яцек пел свои вольные переводы Высоцкого на польский. И какие это были переводы!

Через несколько лет польский исторический журнал «Карта» организовал в Подкове-Лесной под Варшавой конференцию о трагических страницах польско-российской истории. Куда пригласил правозащитников и историков из российского общества «Мемориал». Мы привезли с собой Юлия Кима, а польские друзья пригласили Яцека Качмарского. Оцените замысел!

Концерт был, клянусь, просто фантастическим. Два с половиной часа — Качмарский и Ким. Песни, посвященные вчерашнему диссидентскому прошлому — любимец московских кухонь, «бард правозащитников и вольнолюбцев» Юлий Ким и трибун польской «Солидарности» Яцек Качмарский...

Оба страшно переживали — как иноязычная аудитория воспримет? Юлий, услышав мастерскую гитару Качмарского, заупрямился: «Не, ребята, ну не пойду я позориться как любитель...» А Качмарский, увидев на сцене так хорошо нам знакомый театр одного актера — Кима — нервно закурил: «Я же просто лектор по сравнению с ним...»

В результате оба, подстегиваемые страстным желанием дотянуться друг до друга, такой дали жизни...

В 1995 г., вскоре после страшного погрома, который устроили российские войска МВД в чеченском селе Самашки, мы привезли в Польшу выставку фотосвидетельств об этих страшных событиях. Кшиштоф Гоздовский организовал в центре культуры под Познанью дискуссию о войне в Чечне и проблеме личной ответственности человека за происходящие события. Яцек Качмарский сразу и решительно согласился принять участие. «Господи, ну почему наши-то барды молчат, — думали мы тогда, — ведь как важен их голос в антивоенной борьбе!».

Благодаря участию Яцека сотни людей в Польше подписали тогда обращение к президенту России с призывом к мирным переговорам.

Юлий Ким, Александр Городницкий, Александр Мирзоян решительно осудили продолжение жестокой военной кампании в Чечне и приняли участие в акциях российского антивоенного движения.

...В декабре 2003 г. мы узнали, что Яцек болен — рак горла. Он мучительно переживал невозможность петь. Пронзительные и печальные стихи Яцека читал нам Кшиштоф Гайда, профессор Познанского университета, друг и исследователь творчества Качмарского, автор книги о барде. Три декабрьских морозных дня мы слушали диски Яцека, пели под гитару его песни, читали стихи и... писали «Качмару» электронные письма. На которые Яцек, смертельно больной и уставший, сразу же отвечал. С присущей ему иронией, отвергая наши потуги «отлить его в бронзе», размышлял о свободе:

«...Недавно я написал небольшой текст о художниках, которые, когда закончилось военное положение в Польше, почувствовали себя несчастными, потому что решили, что теперь они не нужны. Я думаю, что военное положение длится — для каждого из нас — всю жизнь, от рождения до смерти. Всегда нам кто-то бросает вызов, всегда мы стоим перед выбором: действовать или сложить руки, бунтовать или слушаться, думать или просто поглощать пищу. Раньше мои песни были о неволе, а теперь — о том, что делать со свободой...»

Яцек Качмарский

Перевод Андрея Базилевского

ПЕСНИ

СТЕНЫ*
(По Луису Льяну)

Он пел вдохновенно, он молод был,
А их там было — не счесть.
От песни у них прибывало сил,
Он пел, что свет где-то есть.
Они тысячи свеч зажгли ему,
Над их головами — дым.
Он пел: айда, разрушим тюрьму...
Они пели вместе с ним.

Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!

Скоро ту песню каждый знал,
Мелодия, даже без слов,
Была им как свет, была как дурман
Для их сердец и голов.
И пели они, и хлопали в такт,
Хор канонадой звучал,
Оковы давили, сгущался мрак...
А он всё пел да играл:

Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!

Но вот они поняли, сколько их там,
Почуяли силу: пора!
И с песней двинулись по городам:
К свету — вперёд — ура!
Кумиров в прах, булыжник в кулак —
Ты за нас или нет, гражданин?
Кто одинок — тот наш злейший враг!
А певец был всё так же один.

Он видел ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены росли, росли, росли,
Цепи гремели на ногах...

Он видит ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены растут, растут, растут,
Цепи грохочут на ногах...

1978

* Одна из самых известных песен Яцека Качмарского, неофициальный гимн «Солидарности».

РАССТРЕЛ
(Врублевский*)

Раз! Два!
Вот так расстреливают тени
Вбивают их в бетонный мир
Где нет ни солнца ни сомнений
Пустяк — расстреливают тени

Три! Четыре!
Из роб вытряхивают трупы
Вот так теряют форму тел
Те кто вчера её имел
Вот так вытряхивают трупы

Пять!
Ты зачарован трассой пули
На дне зрачка увяз испуг
Ни взвода ни домов ни улиц
Ты зачарован трассой пули

Четыре! Раз!
Вот так — изломанные позы
И мёртвой кожи тусклый блеск
Кошмар рассчитанной угрозы
Изломанные дико позы

Три! Пять!
Так босиком миры проходят
В затмении средь бела дня
Глухое эхо залп огня
Так босиком миры проходят

Вот так расстреливают тени
На пять
Умножили
Меня

1980

* Анджей Врублевский (1927-1957), крупнейший польский художник 50-х, официально выставлявшийся в период оттепели. «Расстрел» — одна из самых известных его картин.

СТАРОСТЬ ТЕСЕЯ

Я в молодости был Тесеем,
А нынче кто я? — Минотавр.
Блуждаю в мрачном подземелье,
Ариадны нет ни тут, ни там.
Всё тяжелее голова,
Я жажду света, словно бога,
Забыв премудрые слова:
Во всякой жажде хвори много.

Я дрался с гадами и дрянью,
А нынче сам я — как дракон.
На стенах тень моя — как память,
О том, кем был я, светлый сон.
Гоняюсь с факелом за тенью
По бесконечным коридорам.
Но лика моего не ценят,
Мир устрашён моим позором.

Я в молодости был героем,
А нынче — узник чёрной славы.
В ловушке тесной места мало...
Увы, я жить привык, не скрою.
Что мог, то делал, как и ты,
Мне малых радостей хватает:
Туманной горечи мечты
Да взрослой сытости фантазий.

Во сне преследуют виденья:
Все жертвы — мне... И сам я верю
В картинки с кровью — откровенья
Полумужчины-полузверя.
Нет искупленья, небо немо —
Не все достойны испытанья.
Я на стене пишу поэму,
А сам покорно жду закланья.

Осова, 15.09.2003

ПЯТЬ ЛЕТ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ, ЛЕГАЛЬНЫХ, ПОЛУЛЕГАЛЬНЫХ И НЕЛЕГАЛЬНЫХ...

Беседа Натальи Горбаневской с Яцеком Качмарским

...а еще точнее было бы сказать — разговоры . Пару раз я брала у Яцека интервью (для«Контакта», для радио«Свобода»), а еще чаще мы разговаривали просто так: перед концертом, в антракте, после концерта, а то и просто в гостях у Яцека и Инки. Яцек совсем еще молодой — ему нет и 26 лет, — а выглядит еще моложе. Вероятно, стесняясь чрезмерно юного вида, он и отрастил себе теперь бородку, которая этот юный вид еще больше подчеркивает. Но, когда он поет, забываешь, юн он, не юн, — перед тобой зрелый поэт и фантастический исполнитель (настолько фантастический, что почти каждый раз у меня впечатление: ну, так потрясающе, как сегодня, Яцек еще не пел!). Вот уже второй год Яцек на Западе. Оказался он здесь, выехав на гастроли во Францию, где его и застало 13 декабря. Он пел во многих странах Европы, выпустил две пластинки, только что вернулся из большой гастрольной поездки по Америке. В июне издательство парижской«Культуры» выпускает книгу его песен. На мой взгляд, Яцек очень«вырос» на Западе, но растет он от того корня, который окреп в Польше. Как все это для него началось?

— Как это началось, Яцек ? Как ты начал писать, петь, выступать?

— Чем хороша песня, в особенности та, что французы называют chanson de texte, песня, главный смысл которой в тексте, а не в мелодии (мелодия может быть банальной или вообще заимствованной), — тем, что она в независимой культуре«эффективнее» всего: безумно простая техника и немедленная реакция слушателей. Спеть песню для двух десятков людей на встрече в«салоне» КОРа, или на лекции«Летучего университета», или даже на чьих-нибудь именинах, при том что существуют магнитофоны, — это сразу становится общественным феноменом. О себе я могу сказать, что выбрал песню потому, что мне необходима немедленная реакция. Когда я пою, еще не кончил петь, а уже знаю, что об этой песне думают слушатели. Дня меня это стимул работать дальше.

— Это о том, что привлекло тебя к песне. А что сделало тебя таким, какой ты есть? Ты ведь резко отличаешься от большинства польских певцов, даже не слишком схожих между собой, с ярко выраженными индивидуальностями, но имеющих нечто общее? Откуда ты идешь?

— Не знаю точно: я ведь себе не биограф. Думаю, что главная заслуга в том, какой я есть, — моей семьи. Родители мои — оба художники, мама к тому же — искусствовед, преподаватель. Они учились живописи в Советском Союзе. Помню, что у нас в семье довольно рано появились записи неподцензурных песен, а воспитывался я в сфере уважения и надежды по отношению к оппозиции в СССР. В 1974 г. я вживе услышал Высоцкого, которого уже знал и любил по кассетам. Я думаю, что вообще связь с русской мелодикой — это главное, что отличает меня от других польских певцов. У нас чаще ориентируются на американских певцов — типа Леонарда Коэна, и моя «русская» или, точнее говоря, славянская мелодика оказалась новой. Но русскую традицию я стремился соединить с традицией польской романтической поэзии. Отсюда, видимо, и тот сплав, который стал специфически моим.

В манере Качмарского, особенно«раннего», очень много от Высоцкого. Когда-то он сочинил польский вариант«Охоты на волков» («Облава»). Сейчас в Америке он услышал пластинку с«Охотой на волков с вертолета», и первое, что он поспешил мне показать, вернувшись в Па-

риж, — это свой вариант (не перевод!).«Только музыки еще нет», — прибавил он без всякого, впрочем, сомнения, что музыка будет. Но вершина творческих«отношений» с Высоцким и в то же время, пожалуй, прощание (прощание не только с ушедшим старшим поэтом, но и с тем самим собой, у кого влияние часто выражалось как простое подражание) — это, несомненно,«Эпитафия Владимиру Высоцкому».

— Яцек, но ведь твой Высоцкий из«Эпитафии» — это не совсем то, чем был реальный Высоцкий...

— Ты думаешь? Ну, пожалуй. Конечно,«Эпитафия» — это миф Высоцкого, легенда Высоцкого, но, быть может, это и есть его реальность?

В«Эпитафии» Яцек использует мелодии нескольких песен Высоцкого, неожиданным образом соединяя их и обрабатывая, кое-где вкрапляет обрывки текстов Высоцкого (или намеки на эти тексты), но в целом это произведение абсолютно оригинальное, необыкновенной трагической глубины и остроты. В отличие от публикуемой здесь другой«Эпитафии» — Бруно Ясенскому, где Качмарский трагиронически приводит героя и жертву коммунизма в рай, к тому Богу, какого тот заслуживает, — Высоцкий у Качмарского идет по кругам ада: ада прижизненного,«из пекла в пекло», до восьмого круга,«за которым уж нет ничего».

— Вернемся к твоей биографии. Когда ты начал выступать?

— В 77-м году, ровно в двадцать лет. Я писал до этого несколько лет, но показывал песни только родителям, их знакомым, иногда своим близким друзьям. Так что я вышел на эстраду с большим запасом песен. С этого времени начались пять лет моих выступлений в Польше, легальных, полулегальных и нелегальных. Как и большинство деятелей независимой культуры, я имел возможность существовать официально — таков был, надо признать, либерализм герековской Польши. Были периоды, когда мои выступления запрещались, все время приходилось вести неустанные бои с цензурой за ту или иную песню. Очень долго, практически до сентября 1980 г. мне был закрыт вход на радио и телевидение, но подпольным певцом, который должен каким-то иным способом находить средства к существованию, я не был. С самого начала я мог зарабатывать своими песнями. Я выступал в студенческих клубах, в провинциальных домах культуры и крестьянских клубах. Даже в заведениях вполне прорежимных находились люди, которые изобретали способ устроить мое выступление. Никогда в жизни я не был вынужден делать уступки официальной пропаганде под угрозой, что иначе не смогу выступить. Меня этим даже не шантажировали. Если мне запрещали выступать в Варшаве, то сразу объявлялся кто-нибудь из Кракова, Люблина или Лодзи и говорил:«Ну так приезжай к нам, много не заработаешь, а прожить проживешь». Я все время был в среде людей, чье существование и творческая деятельность висели на волоске. Настолько-то, мне кажется, мы ощущали безумие ситуации, чтоб понимать, что в любой момент это может кончиться. Как-то я был у одного своего друга в Катовице как раз, когда пришли с обыском, и гебешник, забирая нелегальные издания с полки, сказал:«Эх, ребята! Сейчас это мы с вами игры играем. А придет приказ — в 24 часа всех заберем, и никаких шуток». Так и сталось 13 декабря.

— А что принес тебе период «Солидарности»? Что изменилось для тебя после Августа?

— До Августа я писал довольно интуитивно: у меня самого не было серьезных драматических переживаний, связанных с опытом жизни в этой системе, поэтому я черпал материал и настроения из чужих переживаний, рассказов, разговоров. Писать было очень легко, и, сознательно или несознательно, я избрал самую простую в Польше художественную роль — роль Кассандры. Так легко и просто быть недобрым пророком в наших странах. Я писал песни по мотивам Ветхого и Нового Завета, греческих мифов, европейской живописи. Я стремился подчеркнуть, что главная ценность, главный смысл существования — это личность, индивидуальность, независимая мысль, а величайшее преступление — уничтожать ее. Но все это я вводил в историко-культурный контекст. И политические песни, которые я писал, строились на метафорах, немного в стиле Высоцкого: автобус, который не автобус, а Польша; детский сад, который не детский сад, а Польша; вокзальный зал ожидания, который тоже Польша...

— Словом, все оказывалось Польшей?

— Да, все оказывалось этим нашим гетто, нашей скорлупкой ореха, в которую мы заключены. А после Августа я какое-то время был просто парализован. Помню, летом 80-го года я готовил программу под названием«Невольники», задуманную как программа о всеобщем оподлении и деморализации. До сих пор не могу себе простить такого мышления — хотя сейчас, надо сказать, эти песни начали жить новой жизнью.

После Августа я много выступал. Зато я очень долго не писал ничего нового, искал самого себя. Наконец, весной 81-го года я написал цикл«Музей» — 20 песен на сюжеты польских картин XIX и XX веков. Парадоксально: когда все можно было высказывать прямым текстом, я решил снова прибегнуть к метафоре, к исторической дистанции. Я хотел убедить людей, что то, что они переживают, не есть нечто чрезвычайное и единственное в своем роде, что не они первые, но каждое поколение переживало такие общественные порывы, революции, поражения, надежды, разочарования. Не нам дано жить в исключительный момент тысячелетней истории польской государственности, не мы самые главные в мире — просто мы участвуем в чем-то, что имеет свои соотнесения. Я не говорю — соответствия, потому что, при всей легкости аналогий, Россия и Советский Союз — вещи совершенно разные. Но в человеческом смысле, на уровне людской психологии, механизмы очень схожи и повторяются.

— Значит, писать тебе после Августа было трудно. А что было с выступлениями? Не для бастующих, а с официальными?

— Тут наступила полная паранойя. Были возможности выступать для широких масс — мы с ребятами, с моими музыкантами, выступали на открытии памятника в Гданьске, перед десятками тысяч людей. Но одновременно на нас накинулись радио, телевидение, фирмы грампластинок, и первое, что мы записали, была программа«Стены», из-за которой в 79-м году в Варшаве был закрыт«Театр на роздрожу» («Театр на распутье») — такой крохотный театрик. Те самые люди, которые до Августа вешали трубку, едва услышав наши имена, теперь гонялись за нами. А на фирме грампластинок завлит даже попросил нас, не можем ли мы слегка заострить программу: теперь ведь, сказал он, такая конъюнктура, можем подбросить все, что захотим.

— Что же теперь, за границей?

— Когда совершенно неожиданно французы устроили мне этот выезд (я получил паспорт за час до отлета), я словно проснулся от сна нескольких лет: я ощутил, что я в такой лихорадке — пою, пишу, езжу, выступаю, говорю с людьми, даю интервью — и что выезд дает мне возможность зачерпнуть свежего воздуха, посмотреть на все это, а особенно на послеавгустовские месяцы, с расстояния. Все эти месяцы меня официально хвалили, выдвигали, награждали, а для друзей своих я оставался выразителем их«историко-политического мышления». Рано или поздно я их либо предал бы, либо отверг бы все то, что так легко шло мне в руки. 12 декабря мы дали последний концерт, и...

— Я слышала тебя впервые сразу после 13 декабря, а потом снова уже после долгого перерыва. У меня ощущение, что ты очень сильно переменился...

— Может, не следует такого говорить, но у меня и в самом деле такое ощущение, что вынужденная необходимость пережить все это здесь, все прожить заново и обдумать — очень много мне дала. Впервые в жизни я переживал свою драму. Смешно, но, когда я теперь пою«Облаву», которую написал 17-летним мальчишкой под влиянием песни Высоцкого, и пою, что вырвался из облавы, укрылся в чужом лесу и из этого чужого леса кричу волкам, чтобы сражались, — я пою о себе. И когда я пою«Кассандру» или«Помпею», то я пою не о Кассандре, а о себе, и не о Помпее, а о Гданьске или Варшаве.

Беседу вела
Наталья Горбаневская
(«Русская мысль» №3461, 21 апр. 1983)

Яцек Качмарский

Перевод Натальи Горбаневской

ЭПИТАФИЯ БРУНО ЯСЕНСКОМУ

Прокоптилась Европа, как лосось королевский,
На крюке золоченом в дыме газов вися,
Спорит повар французский с обершефом немецким,
Что и как приготовить из того лосося.

Старых бабок рецепты в этот век непригодны,
Потроши эту рыбу, но умелой рукой,
Вот распорото брюхо, а из брюха народы
Дипломатам на блюдо вытекают икрой.

Я вкушаю в Париже гниль вонючего сыра,
Я вдыхаю гриппозный серый лондонский чад,
Был в Мадриде и в Риме и объездил полмира,
Но напрасно старался тут найти свой причал.

Я причалю в столице азиатской и красной,
Где история в ступке человека толчет,
Где чучмек мне откроет ширь души распрекрасной,
Где земля изобильна, а поэтам почет.

У поэтов валютой там набиты карманы,
И народное счастье славит каждый куплет,
Там багрянее крови стяг над нами багряный,
А багрянее стяга первомайский букет.

Там, поляк и вчерашний обитатель Европы,
Форме новое я содержание дам,
Будут сонмы поэтов целовать мне подошвы,
Я им великодушно звездной манны раздам.

Бруно Ясенский: немецкое имя,
Фамилия польской шляхты,
Еврей, коммунист, бывал и в Риме,
Завязал в Париже контакты.

В Москве арестован как шпион,
Судим, но не расстрелян,
Ушел с этапом. С этих пор
След его потерян.

Молодой, гениальный, в белом-белом безумье
К мерзлоте примерзаю, словно мамонта кал.
А скуластый охранник, в моей шапке и шубе,
На меня же ощерил желтозубый оскал.

Вдруг я вижу: пред Богом, тем, какому служил я,
Кого чтил вам назло я, — пребываю в раю!
Вижу Бога такого, как себе заслужил я,
А мой труп леденеет в заполярном краю.

С азиатским акцентом держит речь он по-русски,
Сплюнет в желтые зубы и начистит сапог,
Смотрит повар немецкий, смотрит повар французский,
Как лосося с икрою уплетает мой Бог.

По его подбородку алый сок ручейками,
Жрет он кости и кожу, мозг съедает и плоть.
Тот лосось ему в жертву и коптился веками,
А он ждал терпеливо — Пусторотых Господь!

Юлия Середа

О ЯЦЕКЕ КАЧМАРСКОМ

Для поляков этот человек имел такое же значение, как для россиян — Владимир Высоцкий. Качмарского называли «бардом «Солидарности»», его песни были чем-то вроде гимна для интеллигенции (наверное, не только интеллигенции) во время подполья. Нет, не гимна — или не только гимна, они были для них большой поддержкой.

У него удивительно сильный и выразительный голос и очень интересные стихи: и осмысление происходящего сейчас, и история, и литература...

Он очень хорошо знал Россию, был знаком с Высоцким, написал цикл песен — вольных переводов из Высоцкого. Написал замечательную песню «Прощание с Окуджавой», удивительно хорошую, точно и тонко он понимал стихи Окуджавы.

В 1995 г., после погрома в чеченском селе Самашки, мы привезли в Польшу выставку фотографий из Самашек. Показ проходил в доме культуры, в небольшом городке Сваженц недалеко от Познани. А Яцек Качмарский был в это время в Познани и выступал по телевидению. Директор дома культуры Кшиштоф Гоздовский просто позвонил на телевидение и попросил передать Качмарскому, что тогда-то будет проходить открытие такой вот выставки. И Качмарский приехал и провел встречу со зрителями. Приехал к незнакомым людям, потому что — Чечня.

О нем много писали в Польше, издавали даже книги о его творчестве. А у нас, я боюсь, не будет никакого отклика на его смерть. И это очень грустно...

Владимир Британишский

ПОЧЕМУ ХЕРБЕРТ

Когда меня спрашивают, кто мой самый любимый польский поэт, я отвечаю, что в польской поэзии, как и в русской, любимых поэтов у меня — многие десятки. Некоторых польских поэтов я не переводил, но люблю. Некоторых перевел по два, по три стихотворения. Некоторых переводил много: Стаффа, Ивашкевича, Пшибося, Милоша, Вирпшу, Ружевича, Херберта... Постепенно оказалось, что больше всех я переводил Херберта, перевел из него четыре тысячи строк (две тысячи строк опубликовал, а две тысячи все еще в столе), возвращался к нему на протяжении многих десятилетий особенно часто. Почему?

Попробую вспомнить и подумать.

Физики давно догадались, что характеристики наблюдаемого явления зависят от наблюдателя и его прибора. В литературе же личность и биографию переводчика традиционно принято оставлять «за кадром». Нарушу эту традицию.

В 1963 г. из поездки в Польшу мы с Натальей Астафьевой привезли тридцать или сорок книжек современных польских поэтов — они стали началом и ядром нашей домашней библиотеки польской поэзии. Среди них были две книги Збигнева Херберта — вторая и третья: «Гермес, пес и звезда» (1957) и «Исследование предмета» (1961). Первая книга стихов — «Струна света» (1956) — нашлась в московских библиотеках, где польская литература в начале 60-х была представлена неплохо. А вот второй книги Херберта мы оказались в те годы практически единственными в Москве обладателями. В московских государственных библиотеках эта книга была спрятана до 1989 г. в спецхране: видимо, какие-то стихи из этой книги не понравились нашим цензорам.

Может быть, не понравилась им «Песнь о барабане» — свидетельство тех послевоенных лет, когда поляков хотели научить «шагать в ногу». Херберт шел «не в ногу». Поэтому лишь в 1956-м он мог, наконец, издать первую книгу и только во второй книге, в 1957-м, когда в Польше цензурные рамки на короткое время раздвинулись, смог опубликовать некоторые «трудные» стихи. Среди них была и «Песнь о барабане» — стихи о том, что тоталитаризм уничтожает всякую музыку, кроме барабанной дроби. В более позднем стихотворении «Могущество вкуса» Херберт уточнил: «остался» не только барабан, остался «ритм барабанов и свистулек». Херберт совпадает с шостаковичевским ощущением ритмов тоталитаризма: в Седьмой симфонии Шостаковича мы слышим малый барабан и духовые инструменты. «Как будто маршируют заводные куклы», — писал об этом фрагменте симфонии кто-то из музыкальных критиков. Вот этот марш заводных кукол мы слышим и видим в стихотворении Херберта.

Музыки Херберт касается редко. Гораздо ближе ему живопись и архитектура. Херберт — поэт-художник. Получивший дипломы юриста и экономиста, учившийся на философском факультете, он успел поучиться и в краковской Академии художеств и всю жизнь продолжал рисовать. Его стихи и эссе — это стихи и эссе художника, историка искусства.

Поначалу Херберт и привлек меня как поэт-художник и как поэт-историк, как античник и ренессансист. Я вырос в семье художника. Отец мой, живописец, человек широких интересов, по окончании петроградской Академии Художеств работал и в Русском музее, и в Эрмитаже, и в загородных дворцах-музеях, прекрасно знал историю искусства. Я впервые пришел в Эрмитаж в ноябре 1945-го двенадцатилетним школьником и с тех пор бывал там постоянно. Довоенная библиотека отца по искусству в годы войны погибла, но и после войны книги по искусству постоянно присутствовали у нас в доме. Всегда был на столе у отца какой-нибудь том многотомной антологии «Мастера искусства об искусстве». Книгу Джорджо Вазари (жизнеописания итальянских живописцев, ваятелей и зодчих), «Образы Италии» Муратова, итальянское путешествие Гёте, книгу Мережковского о Леонардо да Винчи, автобиографию Бенвенуто Челлини в великолепном русском переводе Михаила Лозинского — я прочел двенадцати-тринадцати лет. Не случайно одно из моих заглавных стихотворений оттепельных лет — десять лет спустя — называлось «Мастера» (о мастерах, которые «украсили своды и стены / Флоренции и Сиены»).

Естественно, что близки мне оказались такие стихотворения Херберта, как «Старые мастера» (или «Облака над Феррарой», русский перевод опубликован в московском журнале поэзии «Арион» в 1995-м), и его очерки об итальянских живописцах в книге «Варвар в саду». В итальянских залах Эрмитажа и отец мой (ходивший туда «поговорить со стариками», как он выражался, то есть пообщаться мысленно со старыми мастерами), и я бывали особенно часто.

И все же поначалу привлекли меня у Херберта не мастера Возрождения, а хербертовская античность.

Античность бывает у Херберта идеалом, «нормой», от которой мы ушли: например, в стихотворении «Почему классики», где достойному и честному полководцу и историку Фукидиду противопоставлены жалкие «генералы последних войн», или в стихотворении «Иона», где ветхозаветному пророку противопоставлены «современные Ионы», торопящиеся уклониться от трудной и опасной пророческой миссии. Но античность бывает у Херберта и метафорой (или метонимией) всей мировой истории, и тогда мы видим, что она была ничуть не менее страшной и жестокой, чем последующие эпохи. В стихотворении «У врат долины» библейская долина Иосафата оборачивается местом селекции людей, как в XX веке: в Освенциме, или при депортациях, или в фильтрационных лагерях; но тоталитарный кошмар XX века бросает свой отсвет и на ветхозаветную древность, высвечивает тенденции тоталитаризма и массового человекоубийства в со-

знании людей библейских времен. В стихотворении «Аполлон и Марсий» богом смерти и убийства оборачивается тот, кого мы привыкли считать богом искусства и света.

Античность приоткрылась мне — конечно, краешком — очень рано. У отца были книги по искусству (он часто перелистывал монографию о живописи Помпеи) и его собственные работы (хотя его большое блюдо «Орфей», его акварели с похищением Европы, цветные литографии с Вакхом и нимфами появятся лишь в 60-е годы). Были античные залы Эрмитажа (впрочем, греческие статуи там представлены в основном в римских копиях, в том числе «Марсий», которого я, конечно, помнил, переводя поэму Херберта «Аполлон и Марсий»). А первым введением в античность — для меня и еще нескольких начинающих ленинградских поэтов школьного возраста в литературной студии — были с осени 1946-го беседы с нами за круглым столом Моисея Семеновича Альтмана: о греческих мифах, об «Илиаде», об «Одиссее». Альтман — ученик Вячеслава Иванова, выдающегося русского поэта и выдающегося античника. Беседы Альтмана запали в душу на всю жизнь. Оказалось, что они были не только об античности: они были об идеалах. В своем стихотворении «Античник Альтман» я вспоминал: «...он идеал добра и красоты, / знакомый из Некрасова по школе, / дополнил истиной...»

Хербертовская античность — не столько эстетика, сколько этика, не музей мертвых мраморов, а жизнь людей, которые блуждают, ошибаются, сомневаются, вопрошают, ищут.

«Если я так часто в моей работе, — говорил Херберт, — обращаюсь к античным именам и темам, то делаю это не из кокетства... я хотел бы обстукать старые идеи человечества, чтобы установить, не звучат ли они — и где именно — пустым звуком. Я ищу также ответ на вопрос о том, какой смысл имеют для нас такие почтенные понятия, как свобода и человеческое достоинство. Я верю, что их великая обязывающая нас суть еще сохранилась».

Для меня и для моих ровесников, российских поэтов «оттепельного поколения», хербертовские приоритеты — «свобода и человеческое достоинство» — были приоритетами нашими. И установка на то, чтобы «обстукать старые идеи», ревизовать их, ревизовать самое историю (всемирную, а прежде всего свою, отечественную) в свете совести, — была нашей установкой.

И когда весной 1966-го я начал наконец переводить польских поэтов, Херберт был одним из первых. Уже несколько лет я следил за польскими журналами, давно уже назрело желание рассказать русским поэтам и любителям о польской поэзии и показать ее, поэтому я одновременно стал и переводить поляков, и писать о них статьи и очерки. Первый же мой очерк, обзор современной польской поэзии, весной 1966-го сразу же ушел в набор в «Вопросах литературы». Были там, разумеется, и слова о Херберте и строки стихов Херберта.

Начав переводить с польского, я перевел в первые же месяцы сотни строк из Херберта, поначалу это был главным образом «античный» Херберт. Некоторые переводы, например «Возвращение проконсула», будут опубликованы тридцать лет спустя, но и в первой моей большой публикации Херберта («Иностранная литература», 1973, №2) уже были и «Тамариск», и «Тускулум», и стихотворение в прозе «Классик».

Были в этой первой публикации также «Мона Лиза» и «Трен Фортинбраса». «Трен Фортинбраса» так потряс одного моего товарища, геолога, что он взял с собой этот номер журнала — нет, не на необитаемый остров, но в двухгодичную командировку в Африку; Херберт, узнав об этом от меня, очень радовался.

Было стихотворение из цикла «О Трое», где гибель Варшавы отождествлялась с гибелью Трои. Но было и стихотворение «Пролог», где трагедия Польши, новейшая история, дана была впрямую, без античных параллелей, сравнений и метафор.

...В день похорон на пустыре
как барабаны били бомбы
крест-накрест доски шлем дырявый
а в небе розой цвел пожар...
...И на досках простая надпись
как залпы кратки имена
«Гриф» «Волк» «Стрелок» но кто их помнит
ржавую краску дождь смывает...

В этих стихах о новейшей истории поэт-историк очень точен — в одной из книг о польском Сопротивлении я обратил внимание на псевдоним «Гриф» бойца 27-й дивизии Армии Крайовой, а с псевдонимом «Волк» в указателе другой книги о Сопротивлении нашлось пять человек.

Многие стихотворения Херберта о трагической истории Польши XX века написаны 4-стопным ямбом. В русской поэзии этот размер чересчур заезжен (еще Пушкин жаловался: «Четырехстопный ямб мне надоел, им пишет каждый...»), в польской же поэзии он появился, по существу, в XX веке, не распространен, не банален, у Херберта он звучит с большой силой: «Пролог», «Ответ» (мой русский перевод — «ИЛ», 2001, №8), «Пуговицы» (стихотворение о Катыни, мой русский перевод — «ИЛ», 1998, №8). Впрочем, ямбом (чаще безрифменным, белым, изредка с эпизодической рифмой) Херберт пишет с годами все реже, доминирует у него верлибр, правда, верлибр, в котором смутно чуть-чуть брезжат то польский силлабический 13-сложник, то «польский гекзаметр».

На протяжении 70-х годов в журнале «Иностранная литература» каждый год появлялись большие циклы польских поэтов (в переводах моих, Астафьевой, Эппеля), но мои переводы из Херберта, ставшего у нас опальным, в журнале появятся второй раз только в 1990-м. Все эти годы Херберт был у меня в столе. И в моем сознании, в складывавшейся постепенно панораме польской поэзии XX века.

От Херберта я шел к Ружевичу и Стаффу. Стаффа и Херберта разделяет почти полвека, но они — земляки: оба — львовяне, обоих этих ренессансистов, итальянистов сформировал Старый Львов, который строили итальянцы. В 1964 г. мне посчастливилось провести два месяца в этом городе. Десять лет спустя в предисловии к томику Стаффа я выразил свою очарованность Львовом. Я послал тогда этот томик Херберту, надписав на предисловии: «Zbigniewowi Herbertowi — rzecz o Staffie i o Lwowie» («Збигневу Херберту — вещь о Стаффе и о Львове»), он благодарил в письме «за прекрасные переводы Стаффа, за волнующую надпись». Херберт в стихах о родном городе (например, «Господин Когито думает о возвращении в родной город») не называл его по

имени, но без названия Львов присутствовал у него всегда. И образ Львова, запечатленный в моей памяти, помогал мне вживаться в Херберта.

В 1969-м мою большую статью «Философия истории в современной польской поэзии: Стафф, Ружевич, Херберт» зарезал один из жандармствующих литературных чиновников. Некоторые обломки этой статьи я использовал в очерке-тетраптихе о Ружевиче, Херберте, Шимборской, Свирщинской в «Литературном обозрении» в 1974-м. Херберту я послал тогда этот журнал, он откликнулся письмом. В главке о Херберте центром разговора были «Тускулум» и «Возвращение проконсула», тема власти и тема гражданской ответственности. В том же году московский Институт славяноведения заказал мне для коллективного тома о польских писателях главу о Херберте, я написал ее, но, прежде чем книга успела уйти в набор, Херберт попал в черный список, и какие-либо публикации его или о нем отпали надолго.

А как раз в 1974 г. вышла совершенно новая его книга, которую он сразу же прислал мне, — «Господин Когито». Это был роман в стихах, роман, компонующийся из отдельных стихотворений, о жизни, о проблемах, о ситуации интеллектуала второй половины XX века, интеллектуала польского, или шире — восточноевропейского, или еще шире — интеллектуала в любой стране Европы и обеих Америк. В начале 70-х годов я переводил и публиковал стихи прекрасного американского поэта Джона Берримена. Он тоже написал тогда (незадолго перед самоубийством) подобный роман в стихах, герой которого — американский интеллектуал мистер Боунз, Генри Боунз или просто Генри, иногда это профессор, как сам Берримен, иногда поэт, как сам Берримен. Но герой книги Берримена — именно американец. Герой же книги Херберта — интеллектуал Обоих Полушарий. Такой книги ждала мировая литература. Американские поклонники Херберта даже начали издавать журнал «Mr Cogito». Грустная книга Херберта отвечала и мне, как любому думающему человеку. Двадцатый век был веком, казалось бы, многих побед интеллекта, но стал веком краха интеллектуалов. Херберт и пишет об этом крахе, пишет о современном интеллектуале-неудачнике, потому что все интеллектуалы оказались неудачниками. Но его герой — и автор — противостоят своему веку и своему неудачничеству стойко и мужественно.

Проповедью стойкости и мужества был «Рапорт из осажденного города», я читал его поначалу в полуслепой книжечке варшавского самиздата, потом Херберт прислал мне из Парижа ксерокопию парижского издания книги.

«Рапорт из осажденного города», самая гражданская книга Херберта, была несколько неожиданно посвящена — жене. И даже не Катажине, а Касе, в уменьшительно-ласкательной, домашней форме (пани Катажина, урожденная Дзедушицкая, стала женой Херберта в 1968 году). Перемены в сторону приватности, домашности, откровенности (даже когда Херберт продолжает говорить от имени Господина Когито) происходят уже в этой книге. Продолжаются они и в следующих.

Мои переводы из «Когито», из «Рапорта», из последних трех — самых откровенных и автобиографичных — книг Херберта «Элегия на уход», «Ровиго», «Эпилог бури» смогли появляться у нас с 1990 года. Учитывая многолетний стаж нашего заочного знакомства, нашей переписки, Херберт разрешил мне опубликовать в 1990-м его цикл в Москве, хотя в отношении изданий в Польше в тот момент еще колебался. В последующие годы публикаций моих переводов из Херберта было много — и в «Иностранной литературе» (1990, 1998, 2001), и в «Новом мире» (1995), и в «Арионе» (1995), и в «Новой Польше» (1999, №3, один из первых номеров журнала).

Строк пятьсот-шестьсот из «Господина Когито» напечатал журнал «Феникс-XX» (1993) — жаль, что журнал выходил малым тиражом, а потом угас. Но Херберт эту мою публикацию прочел, мы были с Натальей Астафьевой у Збигнева и Катажины Хербертов в феврале 1994-го, когда приезжали получать премии Польского ПЕН-Клуба. И еще была одна встреча, в конце того же года.

А потом были две его короткие открытки, в 1996-м и 1997-м. В одной, с видом Венеции, Херберт писал: «Уход Иосифа Бродского я ощущаю очень болезненно. Он навестил меня в Варшаве. Я очень его ценил как человека большого сердца и превосходного мастера». Это было в постскриптуме, а о себе: «Со здоровьем у меня чуть получше... Борьба с костлявой продолжается, и, кажется, впервые — несколько очков в мою пользу. Начал немного работать... Часто и сердечно вспоминаем нашу встречу в Варшаве. Когда увидимся снова?..» Другая открытка, с букетом цветов, воспроизводящая крестьянский рисунок из родной для Херберта Галиции, была еще короче: «Отвечаю с таким большим опозданием, хлопоты со здоровьем, которое согласно закону природы ухудшается». А ниже, отдельно: «Jadę coraz szybciej saneczkami w dół» («Еду все быстрее саночками вниз»). Эти две строки (стихотворные? хореические? фольклорные?) записаны прозой. У древних славян (это известно, в частности, из записей этнографов в Галиции) стариков, провожая на тот свет, зимой вывозили на санях и спускали в глубокий овраг.

Три последние книги Херберта — не только «Элегию на уход» — он посвятил тому, что ушло или уходит, он писал об уходящем двадцатом веке. Уход самого Херберта обозначил конец XX века в польской поэзии.

Но его неопубликованные стихи и эссе продолжают публиковаться, вышла книга «Лабиринт у моря» (а еще в письме от 26.VIII.1974 он писал мне о ней: «Кончаю в великих муках книгу о моих исследованиях бассейна Средиземного моря...»). Выходят книги о нем, воспоминания о нем, его переписка. Катажина Херберт или другие варшавяне присылают нам эти книги.

В своих последних книгах стихов Херберт как бы спустился с высоты и стал «как все», оказался человеком, у которого были бабушка, отец и мать, учителя, друзья, привязанности, причуды... Этот «последний Херберт» мне лично был едва ли не еще более близким, чем прежний. Может быть, потому, что с годами сгладилась десятилетняя разница в возрасте. Как бы то ни было, ощущение близости, которое подвигло меня много лет назад взяться за переводы из Херберта, не было обманчивым.

Здесь — часть моих не публиковавшихся переводов из Херберта.

Збигнев Херберт

Перевод и примечания
Владимира Британишского

СТИХИ

Из книги «ГЕРМЕС, ПЕС И ЗВЕЗДА» (1957)

У ВРАТ ДОЛИНЫ

После огненного ливня
на луговине пепла
под стражей ангелов столпились толпы

с уцелевшего взгорья
мы можем окинуть взором
блеющее стадо двуногих

правду сказать их немного
добавляя даже тех что придут позже
из житий святых из хроник сказок

но довольно этих рассуждений
перед нами
горло долины
из которого рвется крик

после свиста взрыва
после свиста тишины по взрыве
этот голос бьет как источник живой воды

это как нам объясняют
крик матерей от которых оторваны дети
ибо как оказалось
спасены мы будем поодиночке

ангелы-хранители беспощадны
надо признать у них тяжелая работа

она его просит
— спрячь меня в зенице ока
в ладони в объятьях
мы всегда были вместе
ты не можешь теперь меня оставить
когда я умерла и нуждаюсь в нежности

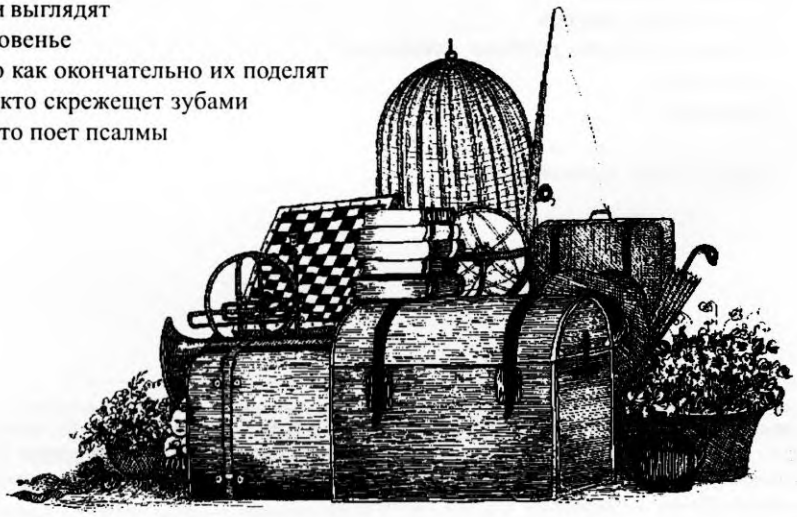
старший ангел
с улыбкой разъясняет недоразуменье

старушка тащит
трупик любимого кенаря
(все животные умерли чуть раньше)
он был такой милый — рассказывает она со слезами
все понимал
что скажешь
голос ее заглушается общим воплем

даже лесоруб
о котором трудно подумать такое
старый сгорбленный мужичище
прижимает к груди топор
— он всю жизнь был мой
и теперь тоже будет мой
он кормил меня там
прокормит тут
не имеете права — говорит он —
не отдам

те которые как кажется внешне
без боли подчинились приказам
идут опустивши головы в знак примиренья
но в стиснутых кулаках прячут
ленты пряди волос обрывки писем
и фотографии
которые как думают наивно
отобраны у них не будут

так они выглядят
за мгновенье
до того как окончательно их поделят
на тех кто скрежещет зубами
и тех кто поет псалмы



Paulina Zielona

Из книги «РАПОРТ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА» (Париж, 1983)

ЧТО Я ВИДЕЛ

Памяти Казимежа Мочарского [1]

Я видел пророков рвавших приклеенные бороды
фальшивомонетчиков вступавших в секту бичующихся
палачей переодевшихся в овечьи шкуры
и уходивших от гнева народа
играя на пастушьей дудке

я видел видел

я видел человека которого подвергали пыткам
он сидел теперь в безопасности в кругу семьи
рассказывал анекдоты ел суп
я смотрел на его раскрытые губы
десны — две веточки терна с которых содрали кору
это было невероятно бесстыдно
я видел всю наготу
все униженье

потом
торжественный вечер
много людей цветы
душно
кто-то говорил об искажениях [2]
я думал о его искаженных устах

или это последний акт
пьесы Анонима
плоской как саван
полной глухих рыданий
и хохота тех
которые убедившись
что им опять удалось
убирают со сцены мертвые реквизиты
и медленно
подымают

обрызганный кровью занавес

1956

[1] Казимеж Мочарский (1907-1975) был репрессирован в годы Сталина—Берута. По освобождении написал «Записки», они изданы в Варшаве посмертно, в 1990 г., теперь эта книга открывается стихотворением Херберта «Что я видел».

[2] Начиная с 1956 г., предыдущий период в Польше принято было называть «периодом ошибок и искривлений» (в Советском Союзе — периодом «культа личности»).

17. IX
Юзефу Чапскому [3]

Моя беззащитная родина примет тебя захватчик
и дорога по которой Ясь и Малгося[4] топали в школу
не разверзнется бездной

Реки слишком ленивы не склонны к потопам
рыцари спящие в горах спать будут дальше
стало быть ты легко войдешь незваный гость

Но сыновья этой земли сойдутся ночью
смешные карбонарии заговорщики свободы
будут чистить свои музейные ружья
присягать будут птице и двухцветному флагу

А потом как всегда будут зарева взрывы
мальчишки как с картинки бессонные командиры
груз поражения за плечами ржаво-рыжие поля славы
бодрящее знанье что нам никто не поможет

Моя беззащитная родина примет тебя захватчик
и даст тебе сажень земли под ветлой и тебя упокоит
чтобы те что придут после нас учились снова
труднейшему из искусств — искусству прощать

[3] Юзеф Чапский (1896-1993) — польский художник, писатель, мемуарист, эссеист, литературный и художественный критик. В сентябре 1939 был в армии, после 17 сент. 1939 взят в плен советскими войсками, был в лагерях польских военнопленных в Старобельске и Грязовце (впоследствии — автор книги «На бесчеловечной земле»); с 1941 г. — в армии генерала Андерса, участвовал в итальянской кампании, с 1945 г. жил в Париже.
[4] Ясь и Малгося — персонажи польских сказок; здесь — польские дети.

МОГУЩЕСТВО ВКУСА

Профессору Изидоре Домбской [5]

Наш отказ несогласие наше упорство
силы характера не требовали вовсе
была у нас малость необходимой отваги
!!но в сущности это было дело вкуса
Да вкуса
в котором есть волоконца души и хрящики совести

Кто знает если бы нас искушали умней и красивей
женщинами розовыми плоскими как облатка
или фантастическими существами с картин Иеронима Босха
но каков был в то время ад
грязная яма закоулок убийц барак
названный дворцом справедливости
самогонный Мефистофель в ленинской куртке
рассылал по нашей стране внучат «Авроры»
мальчиков с картофельными лицами
девчонок-замухрышек с красными руками

Поистине их красноречье было чересчур низкопробным
(Марк Туллий в гробу переворачивался наверно)
убогие тавтологии два-три дубовых понятья
диалектика палачей никакого изящества мысли
синтаксис лишен красоты сослагательного наклоненья

так значит эстетика может пригодиться в жизни
не следует пренебрегать наукой о прекрасном

Прежде чем соглашаться мы должны исследовать тщательно
формы архитектуры ритм барабанов и свистулек
официальную геральдику хамский ритуал похорон

Наши глаза и уши отказались повиноваться
принцы наших чувств выбрали гордое изгнанье

Силы характера не требовалось вовсе
была у нас малость необходимой отваги
!!но в сущности это было дело вкуса
Да вкуса
который велит нам выйти с брезгливой гримасой с усмешкой
пусть даже за это упадет голова бесценная капитель тела

[5] Изидора Домбская (1904-1983) — философ, окончила университет во Львове, там же защитила диссертацию (1927), в 1930-1939 преподавала во львовских гимназиях, в 1950 была отстранена от преподавания в университете, в 1957-1964 руководила кафедрой истории философии в Ягеллонском университете в Кракове. Херберт познакомился с ней в послевоенные годы.

Из книги «РОВИГО» (1992)

СТАНЦИЯ РОВИГО. Неясные ассоциации. Трагедия Гете
или что-то из Байрона. Я проезжал Ровиго
эн раз и именно в энный раз
понял что во внутренней моей географии это
особое место хотя оно и уступает
Флоренции. Я его не коснулся стопою
городок этот всегда приближался или убегал назад

Я жил тогда любовью к Альтикьеро[6]
из оратория Сан-Джорджо[7] в Падуе и к Ферраре
которую я обожал потому что напоминала
отнятый город отцов. Я жил растянутый
между прошлым и данной минутой
многократно распятый временем и пространством

Однако счастливый и верящий крепко
что жертва не будет напрасной

Городок не отличался ничем особенным был он
шедевром обыкновенности улицы прямы дома некрасивы
лишь до или после (в зависимости от движения поезда)
вырастала гора перерезанная красной каменоломней
похожая на пасхальную ветчину среди листьев салата

Больше ничего что могло бы привлечь удивить опечалить
А ведь это был город из крови и камня — такой как другие
город где вчера кто-то умер а кто-то обезумел
кто-то всю ночь безнадежно кашлял

ПОД ЗВОН КАКИХ КОЛОКОЛОВ ЯВЛЯЕШЬСЯ РОВИГО

Сведенный к станции к запятой к зачеркнутой букве
ничего кроме станции — arrivi — partenze[8]

почему же я думаю о тебе Ровиго Ровиго

[6] Живописец второй половины XIV века
[7] Ораторий — небольшой храм или придел храма.
[8] прибывает — отправляется (ит.)

Станислав Лем

ДВА ПОДХОДА

Я подписан на несколько выходящих в Америке научных журналов, а также — благодаря моим московским агентам — регулярно получаю целые посылки российской периодики. Особенно интересует меня, как по-разному подается там научное содержание. Ведущий журнал Российской Академии наук — «Природа», выходящая с 1912 г., то есть еще с царских времен. При советской власти журнал печатали тиражом 80 тыс. экземпляров, а после краха этого строя популярность журнала среди читателей стремительно падала — когда она дошла до 12 тысяч, журнал вообще перестал указывать тираж.

Любопытно сопоставить и сравнить подход американцев и русских к вопросам науки. В глаза прежде всего бросается, что американские журналы перенасыщены рекламой, а в российских, таких, как «Природа», ее не найти. Американский издатель заботится о популярности и старается повысить спрос за счет как можно более сенсационных материалов: о черных дырах, путешествиях во времени, новом оружии, о весьма спорных гипотезах, ставящих под сомнение, например, открытия Эйнштейна, и т.п. Кроме того там много информации о текущих лабораторных исследованиях и астрономических наблюдениях. Россияне же более склонны к общим обзорам больших пластов научных достижений, пишут приземленнее, но куда основательнее. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в библиографии американских работ перечисляются исключительно англоязычные авторы; россияне не обходят их вниманием и многое черпают из американских источников.

В настоящее время Польша словно повернулась спиной к России и пытается — с весьма сомнительным успехом — внедрять у себя образцы капитализма, с наибольшей готовностью импортируемого из США. Теперь все учат английский, а русский язык исчезает из системы образования с немалым ущербом для нас. Я могу сказать лишь одно: в СССР, чтобы облегчить контроль за художественной литературой, создавали посвященные ей центральные издания, так называемые толстые журналы. Эта традиция сохранилась, благодаря чему и сегодня можно охватить горизонты российской литературы на основе двух изданий: «Нового мира» и «Знамени». В нашей же стране маргинализация литературной культуры привела к такому ее распылению и рассеянию, что теперь нет центральной периодики, а если учесть весьма невысокие издательские тиражи, особенно в провинции, то следить за нашей литературой становится чрезвычайно сложно. Не всё, как оказалось, прекрасно в капиталистической Америке и не всё плохо в посткоммунистической России.

Dymitr kismielow

Томаш Станчик

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

Норман Дэвис снова преподнес полякам подарок. «Никто не сделал так много, чтобы помочь западному читателю узнать историю Польши», — писал недавно профессор Влодзимеж Бородзей в рецензии на последнюю книгу Дэвиса «Rising '44: Battle for Warsaw» («Восстание 44-го: битва за Варшаву»).

Норман Дэвис

Этот 65-летний английский историк, подчеркивающий свои валлийские корни (он весьма ревниво относится к истории малых народов), заинтересовался Польшей случайно. Случайность предстала перед ним в образе советского консула. Дэвис, изучавший историю в Оксфордском университете, решил посетить СССР, но советскую визу ему не дали. А польскую он получил без труда. Так в 1962 г. он впервые оказался в Кракове, у подножья Вавельского замка. «Краков меня привел в восторг. Восторг, правда, был смешан с чувством стыда. Оказалось, что у Польши есть знаменитые королевские династии, огромная культура, богатейшая тысячелетняя история. А я тогда о Польше вообще ничего не знал», — признавался Дэвис в интервью, которое он дал Яну Стренковскому и Радославу Янушевскому.

Именно тогда он осознал, что для западноевропейских и американских историков страны Центральной Европы практически не существуют. Даже сегодня их по-прежнему не включают в историю Европы, понимаемую как история западной цивилизации.

В 60-е годы Дэвис учился в аспирантуре краковского Ягеллонского университета. С историей Польши он знакомился не только на лекциях или по книгам: многое он почерпнул из рассказов своего тестя, свидетеля эпохи, участника польско-советской войны, узника гитлеровского концлагеря, репрессированного в годы послевоенного сталинского террора. Именно эти рассказы сформировали — и Дэвис не скрывает этого — его эмоциональное отношение к польской истории.

Семинарская работа Нормана Дэвиса о польской политике Великобритании в 1919-1920 гг., то есть во время польско-советской войны, стала исходным пунктом для его книги «Белый орел, красная звезда» (1972), посвященной этой войне. Это был его первый подарок полякам — но получить его они смогли только через 15 лет. Разумеется, книга не могла быть опубликована в коммунистической Польше, и в 1988 г. она появилась в неподцензурной печати — польском самиздате. Официальное издание вышло в 1997 г. в издательстве «Знак», где затем издавались и другие книги Дэвиса.

Подарок, который Дэвис сделал полякам уже своей первой книгой, состоял в том, что он осмелился пойти против господствовавших в то время представлений о польско-советской войне. В предисловии к польскому изданию автор пишет, что в большинстве своем западные историки, включая его собственного научного руководителя, профессора А. Дж. П. Тейлора, считали, что войну с советской Россией начали поляки, которые во время «киевского похода» напали на «Россию». Это большинство в штыки воспринимало утверждение, что отнюдь не капиталистический Запад использовал Польшу с целью уничтожить социализм в России. «Хотя события в Чехословакии и Польше в 1968-1970 гг. и вынудили левую интеллигенцию пересмотреть свое отношение к Советскому Союзу и отказаться от безоговорочной поддержки его политики, но объемистый багаж советофильского прошлого никуда не исчез. Критиковать можно было Сталина и Брежнева, но не Ленина, а Октябрьская революция по-прежнему оставалась «священной коровой», и требовалось ей поклоняться, а вовсе не пытаться внимательно и беспристрастно ее изучать. Точно так же советологи, расплодившиеся в академических кругах, в своем анализе тогдашнего положения в СССР опирались на исторический фундамент, живьем заимствованный у советской пропаганды».

Некоторые поляки любят вспоминать, что в 1920 г. нам удалось не только остановить Красную армию на пороге Варшавы, но и перейти в победоносное контрнаступление. Действительно, эти события впоследствии получили название «Чуда на Висле», а член англо-французской военной миссии лорд д'Абернон даже озаглавил свою книгу об этой битве «Восемнадцатое решающее сражение в мировой истории». Приятно подумать, что мы спасли Европу от коммунизма, и при случае напомнить, что в течение нескольких столетий Польша считалась твердыней, защищающей Европу и весь христианский мир от турецкого нашествия. Норман Дэвис любит поляков, но не льстит им и даже приводит их в замешательство, утверждая, что поражение Красной Армии только пошло на пользу крепнущей большевистской империи и создало предпосылки для победы СССР. «Если бы Тухачевский не проиграл сражения, — пишет Норман, — если бы Варшава была взята, а Европа стала жертвой советского нападения, то на борьбу с большевизмом наверняка был бы мобилизован военный потенциал, решительно превосходящий возможности агрессора. И хотя невозможно угадать результат столкновения, которое так и не произошло, но представляется бесспорным, что Советская Россия не получила бы десятилетней передышки, благодаря которой сумела превратиться из отсталой страны во вторую мировую державу. Именно детская беспомощность новорожденной Страны Советов, доказательством чего стал разгром ее армии под Варшавой, поставила под сомнение целесообразность намерений интервентов «задушить младенца в колыбели» и тем самым в значительной степени способствовала выживанию нового государства».

В книге «Белый орел, красная звезда» автор полемизировал с утверждениями советских историков (и наверняка также с убежденностью многих россиян), что польское наступление против Красной армии было частью общего плана Антанты, направленного против большевистской России. Польша, доказывает британский историк, не была орудием в руках Запада, его помощь Польше в борьбе с большевизмом не выходила за рамки чисто оборонительных задач.

Написать вторую книгу — двухтомную историю Польши, озаглавленную «Божье ристалище», — Нормана Дэвиса побудило осознание того факта, что на Западе значительная часть знаний об истории Польши базируется на тенденциозных, недоброжелательных и никем не оспариваемых положениях. Однако исходным стимулом было чувство стыда за то, что он, выпускник Оксфорда, так мало знает об истории страны, куда он попал в начале 60-х.

Он признаёт, что писал историю Польши с симпатией к полякам, но в то же время стараясь быть беспристрастным. Его исторические труды разрушают довольно широко распространенный образ Польши как католической страны, поляков — как националистов и антисемитов, а польского народа — как склонного к анархии и вечно причиняющего Европе одни только неприятности. Они опровергают также подход к истории Польши как длинной цепи проигранных битв и разгромленных восстаний. В своих статьях, публикуемых в западной печати, он полемизировал с воззрениями, порожденными коммунистической пропагандой — например, касающимися катынской трагедии или представляющими поляков как фашистов и националистов только потому, что они осмелились бороться против СССР, «страны победившего социализма». Он опровергал мнение, что коммунистический террор в Польше после 1945 г. был лишь ответом на неограниченный террор националистического подполья. Он протестовал, когда о Вильнюсе или Львове писали так, будто у них никогда не было ничего общего с Польшей. Протестовал и против тенденции называть созданные в Польше гитлеровские лагеря уничтожения евреев «польскими лагерями». «Борьба Дэвиса с Голиафом», — так Марек Кусиба назвал в нью-йоркской газете «Дзенник польский» борьбу британского историка с враждебными Польше и полякам утверждениями, соотнеся его с библейским Давидом. «Дэвис сумел вбить даже в самые твердые головы на Западе, — писал критик, — что Польша — это вовсе не часть России и что, если уж на то пошло, она расположена намного ближе к Парижу, чем к Владивостоку». Следует добавить, что Дэвис борется также против попыток оправдать жестокую, великодержавную польскую политику Российской империи и СССР.

Доброжелательность в оценке истории Польши в «Божьем ристалище» вызвала отрицательные отзывы о книге в некоторых американских еврейских кругах, где, по-видимому, принято считать, что за симпатией к полякам всегда скрывается антисемитизм. Кое-кому пришлось не по нраву утверждение Дэвиса, что еврейский вопрос в Польше вызывал множество эмоций, но на удивление мало актов насилия. Как и вообще его взгляды на польский антисемитизм и отношение к еврейским и иным жертвам II Мировой войны. В одном из интервью Дэвис ответил журналисту на вопрос о польском антисемитизме: «А почему вы спрашиваете об антисемитизме, а не, например, об антирусских, антинемецких и прочих подобных настроениях? Все эти низкие чувства ненависти к другим народам одинаково отвратительны. И я бы не выделял среди них антисемитизм». Что касается Катастрофы, то Дэвис считает, что если во время II Мировой войны евреям была уготована самая страшная судьба, «то это не значит, что можно забыть о трагедиях других народов. Именно в этом и состоит подлинное сострадание». Эти слова Дэвис произнес в беседе с журналистами из «Тыгодника повшехного». Как он подчеркивает, ему еще ни разу не довелось встретиться с поляком, который утверждал бы, что поляки пострадали больше евреев.

Истории еврейского населения в Польше Дэвис посвятил целый раздел «Божьего ристалища». Вообще одна из основных тем книги — это польские традиции терпимости и сосуществования множества народов, культур и религиозных верований. Так он боролся против стереотипа «католической Польши» и «поляка-католика».

Книга появилась на прилавках книжных магазинов Великобритании 14 декабря 1981 г. — на следующий день после введения в Польше военного положения. Понятно, что она сразу стала бестселлером во всем мире. Читательского успеха в Польше пришлось дожидаться почти десятилетие. Цензура существовала вплоть до падения коммунистического режима в 1989 г. и успела оставить следы своего вмешательства в первом томе

«Божьего ристалища»: по ее требованию из перевода были исключены фрагменты, касающиеся Ивана Грозного.

В 1984 г. Норман Дэвис представил историю Польши с иной точки зрения. Книгу он озаглавил «Сердце Европы» — наперекор господствующим на Западе представлениям. Своего рода вызовом прозвучал и тот факт, что автор посвятил книгу «мыши, которая зарычала», то есть полякам. Он исходил в ней из показа и анализа исторических событий в Польше в 1980-1981 гг. («Солидарность», военное положение и др.), после чего начинал двигаться в глубину польской истории, где его в особенности интересовали те моменты, которые повлияли на формирование представлений и жизненных принципов современных поляков.

В «Сердце Европы» он так охарактеризовал польский взгляд на Европу и Россию: «Географическая отдаленность от Запада ни в чем не ослабляла восхищения всем западным. Не исключено, что именно эта отдаленность приводит к ослеплению. Дистанция исключает презрение. Многократно обманутые надежды поляков, ожидавших помощи от Запада, переживались весьма болезненно, но все же не сумели вытравить инстинктивную привычку посматривать в сторону Запада».

С другой стороны, контакты с Россией приводили к столкновениям, обидам, недоверию. Польское неприязненное отношение к восточным соседям лишь усиливалось за неимением общих для поляков и русских элементов, которые могли бы сглаживать возникавшие противоречия, а также почти полное отсутствие обоюдного стремления сдерживать враждебные чувства. «Трудно назвать хоть что-то, пришедшее из России, что имело бы малейшую ценность в глазах поляков. (...) А в глазах рядового русского — от Польши всегда одни только неприятности. Антипатия взаимна. Поляки ожидают от России насилия, Россия от Польши — сопротивления. Россия — это Восток, Польша — Запад, «и вместе им не сойтись»...» Дэвис замечает, что, в отличие от Польши, в России западники всегда были в меньшинстве. С другой стороны, в Польше «русофилы столь же редки, как непьющие».

Посвятив истории Польши три книги, Норман Дэвис решил обратиться к истории остальных государств Центральной Европы (и всех других небольших стран и народов), которой западные историки в своих работах не уделяли практически никакого внимания. Он сделал это в изданной в 1996 г. объемистой (1400 страниц) монографии «Europe. A History» («Европа: историческая хроника»). Он использовал в ней опыт, накопленный при изучении истории Польши, о котором так пишет во вступлении к «Европе»: «Исследование истории этой страны дало мне бесчисленные примеры того, как далеко может зайти манипулирование историческими свидетельствами в интересах тех, кто сильнее. Я увидел, как много важных, но почему-либо неудобных фактов можно как ни в чем не бывало просто обречь на забвение».

«Европа» представляет собой совершенно новое явление в западноевропейской историографии, которая отождествляет историю Европы с наследием «западной цивилизации». Принято считать, как пишет Дэвис, что все «западное» означает «цивилизованное», а все цивилизованное идет с Запада. Историю восточной, «варварской» части Европы просто оставляют за бортом. Поэтому в истории Европы нет Польши и Португалии, нет Балкан и Прибалтики. Россия иногда есть, а иногда — нет.

Издательство «Oxford University Press» предложило Норману Дэвису написать историю *всей* Европы, ибо, по его собственным словам, в том, что касается знания истории Восточной Европы, он представляет в Англии «экстравагантное исключение». В повествовательный текст «Европы» вкраплено около 300 «капсул времени» — небольших текстов, в которых, как под увеличительным стеклом, мы видим выбранные автором места, события, явления, понятия, изоб-

ретения, исторических лиц. В общем, по пословице: «собор из кирпичиков складывается». Некоторые «капсулы» посвящены истории России. В них говорится о Киевской Руси и об иконах, о Новгороде и Петербурге, Потемкине и Пугачеве, Конармии и Воркуте.

Дэвис заканчивает свою хронику 1989-1991 годами, то есть крушением Берлинской стены и распадом советской империи. Он написал ей некролог такого содержания: «Советский Союз не был цивилизацией, у которой был хоть какой-то период расцвета. Он всегда был исключительно подлым и лживым по своей природе, даже в краткий момент своего триумфа. Он принес смерть и несчастье большему числу людей, чем любое иное известное истории государство. (...) Как признают сегодня многие мыслящие русские, он был безумным и бессмысленным зданием, которое вообще не следовало возводить».

Еще одной ступенью на пути преодоления как привычки историографов делить Европу на Западную и Восточную, так и сугубо национальной точки зрения стала книга «Микрокосмос: история одного центральноевропейского города» (2002), написанная Дэвисом в соавторстве с Робертом Мурхаусом. Названия этого города нет на обложке: немецкие издатели не могли согласиться на отсутствие в заглавии слова «Бреслау», а Дэвис не хотел, чтобы в нем фигурировал Вроцлав. Он пишет во вступлении, что счел неправильным, чтобы город, который неоднократно менял свой культурный облик и политическую принадлежность, город с польскими и немецкими, но также с чешскими и еврейскими традициями, выступал под одним конкретным национальным наименованием. Тем немцам, которые в последнее время считают себя чуть ли не единственными изгнанниками в Европе, «Микрокосмос» может раскрыть глаза на тот факт, что их место во Вроцлаве, бывшем Бреслау, заняли тоже насильственно переселенные — с территорий, которые после войны отошли от Польши к Советскому Союзу.

Последняя книга Дэвиса «Восстание 44-го: битва за Варшаву» будет издана по-польски уже скоро — к 60-й годовщине Варшавского восстания. Подарок, который Дэвис делает полякам, состоит, в частности, в том, что после публикации этой книги западные читатели, быть может, реже будут путать Варшавское восстание 1944 г. с восстанием в варшавском гетто в 1943-м. Главная тема книги — отношение западных держав к Варшавскому восстанию и польским союзникам. Дэвис показывает, что западные союзники относились к польскому вопросу с безразличием, пренебрежительно или просто как к затруднительной ситуации. Поражение восстания было им нужно, чтобы получить предлог примириться с принадлежностью Польши к советской сфере влияния. В интервью газете «Жечпосполита» в связи с 50-летием окончания войны в Европе Дэвис говорил: «Люди на Западе по-прежнему не желают знать и слышать о том, какую моральную цену заплатили Черчилль и Рузвельт за совместную со Сталиным победу над Гитлером. Моя принципиальная критика всей существующей до сегодняшнего дня интерпретации хода II Мировой войны направлена против великодержавного подхода к политике, доминировавшего не только в 1945 г., но и впоследствии. Я не собираюсь молчать о том, что Черчилль и Рузвельт — не говоря уже о Сталине — не считались с судьбами своих младших партнеров, таких, как, например, Польша, которая была одновременно оккупирована гитлеровской Германией и Советским Союзом».

Черчилля и Рузвельта давно уже нет, но на Западе, как отмечает Дэвис, по-прежнему господствует «снисходительный и романтизированный взгляд» на царскую империю и Советский Союз. Действительно, СССР был стратегическим союзником, а его заслуги как партнера в антифашистской коалиции, как принято считать, перевешивают все негативные аспекты его истории. Особенно энергичному осуждению подвергаются любые попытки сравнивать гитлеровскую Германию и сталинскую Россию.

Норман Дэвис занимается историей, и если она творится на наших глазах, то он не воздерживается от актуальных комментариев и не прикрывается необходимостью подождать, пока все не прояснит историческая перспектива. Что касается современной Европы, то для него важнее не общеевропейские структуры и институты, а европейская семья народов. Он указывает на парадокс: едва Польша успела вернуть свой суверенитет, как оказывается вынужденной, вступая в Евросоюз, частично от него отказаться. Однако Евросоюз открывает перед Польшей огромные возможности. Дэвис приводит в качестве примера Ирландию: тридцать лет назад в ЕС вступала бедная, малозначительная страна с никому неизвестной культурой, а сегодня она богаче Великобритании. В отношении России он не исключает, что она распадется на несколько государств (то же самое он говорит в своем монументальном труде «Острова» о Великобритании) и что «старая» Россия могла бы когда-нибудь стать членом Евросоюза.

Выражением признательности Польши по адресу Дэвиса стали присужденная ему степень доктора honoris causa Ягеллонского и Гданьского университетов, звание почетного гражданина Кракова, Люблина, Вроцлава, орден «Polonia Restituta» («Возрожденная Польша»), полученный от президента Польши в изгнании, и Большой Крест ордена «За заслуги» нынешней Польши. Его книги широко известны и любимы польскими читателями. Причина этого не только в его доброжелательном — но не льстивом и не некритическом — подходе к нашей истории. Дэвис умеет писать увлекательно, а для многих историков такой стиль исторического изложения выглядит почти святотатством. Многие завидуют той славе, которой пользуется в Польше британский историк, и тому, что поляки стали больше интересоваться историей в значительной мере благодаря этому иностранцу. Недавно Норман Дэвис стал первым зарубежным обладателем Большой премии польского Фонда культуры. Во время вручения этой награды польских историков в зале было считанное число...

Дэвис считает, что научная строгость исторической монографии — вовсе не помеха доступности ее содержания. «Текст может быть вполне научным и в то же время хорошо, понятно написанным. Историки, к сожалению, нередко об этом забывают и создают нечто вроде касты жрецов, беседующих друг с другом на своем языке, непонятном непосвященным». Он напоминает, что у англичан историки традиционно стоят наравне с писателями.

На вопрос, почему в мире так мало известна история Польши, Дэвис отвечает: «Потому что было слишком мало Дэвисов». Когда сегодня слышатся нарекания на то, что поляки все меньше интересуются историей, можно лишь повторить его слова: «Да, побольше бы нам Дэвисов...»

Кшиштоф Бурнетко

ИДУТ МОЛОДЫЕ! ИДУТ ЗЛЫЕ!

О журнале «Критика политична» («Политическая критика»)

Это феномен — как на польском рынке периодики, так и на польском рынке политических идей. В журнале, который основал студент двадцати с чем-то лет, уже печатаются самые серьезные польские политологи, социологи и философы, причем самой разной ориентации, а также звезды общественных наук со всего мира. И хотя редакция начинала работу без гроша за душой (журнал набирался на домашнем компьютере главного редактора), результатом стало объемистое издание, со вкусом иллюстрированное. И последнее: хотя пока что вышло всего пять номеров «Критики политичной», голос связанных с ней кругов уже принимается во внимание в ключевых общественных дискуссиях в Польше.

«Когда рухнула ПНР, все думали, что в Польше возникнет новая общественная сфера, где граждане путем свободной дискуссии смогут устанавливать рамки общественной деятельности. Господствовало всеобщее убеждение, что дорога к «свободному рынку идей» открыта. Сегодня видно, что ликвидация старых препятствий: цензуры, политического принуждения, репрессий — отнюдь не гарантирует свободной дискуссии. Атмосфера политической «войны в верхах» молниеносно перенеслась на страницы журналов. Свободная дискуссия идет лишь в рамках все более изолирующихся друг от друга разрозненных кругов. Если между ними происходит встреча, то она носит характер взаимных предубеждений — служит публичной передаче сигнала верности и отождествления со «своими»» — в таких грехах летом 2002 г. обвинял польскую журналистику Славомир Сераковский, слушатель Межфакультетских индивидуальных гуманитарных курсов при Варшавском университете и главный редактор только что созданного журнала «Критика политична».

Он доказывал, что замыкание в своем кругу происходит как в самых серьезных газетах, так и в формирующих общественное мнение журналах, которые «редко впускают на свои страницы авторов родом из другого круга или представляющих иной политический выбор, нежели редакция». Хотя они и «полны интересных текстов и убедительных комментариев, однако в них мало динамичных споров и столкновений по существу». Сераковский вспомнил здесь — как о недостижимом образце — о «Культуре» Ежи Гедройца, важнейшем журнале послевоенной польской эмиграции: «В «Культуре» публиковались авторы с самых разных бортов, происходили интересные столкновения. И несмотря на это журнал жил — жил как раз спором. На страницах парижского журнала мог появиться всякий, кто захотел написать текст, — будь он сторонником социализма, неолиберализма, консерватизма, защищай он ПНР или атакуй, защищай Церковь или критикуй. Безотносительно к ориентации такой текст должен был быть написан на надлежащем уровне».

Сераковский также замечал, что сильная политическая ангажированность польской интеллигенции привела к тому, что она забросила свое основное призвание — истолкование общественной действительности. Интеллигенты сосредоточились на преходящих и в целом непродуктивных дрязгах. В результате перестал существовать «интеллигентский диалог». Кроме того, если в Польше неплохо функционируют политическая публицистика, т.е. анализ текущих событий, и философия политики, т.е. размышления о классических политических вопросах, то недостает среднего звена — описания общественной жизни с достаточно далекой перспективы и вытекающего отсюда создания политических образов будущего. Иначе говоря, речь должна пойти о применении универсальных политических идей к польской действительности.

В своей программной статье Сераковский заявлял: ««Критика политична» намерена осуществлять идею открытой дискуссии. Мы хотим публиковать тексты всех, кто считает, что мировоззренческие различия — это не конец дискуссии, а едва-едва ее начало. Мы считаем делом чести открыться навстречу разнородным кругам и вслушаться в голоса, доносящиеся с разных сторон. Мы желаем создать форум, куда будем приглашать всех, желающих разговаривать. Иногда нам придется принимать нелегкие решения: вступать ли в диалог даже с тем, кто подвергает сомнению сам смысл общения? Тогда мы будем спрашивать: «Почему?» — и... пытаться дальше. Однако мы всегда будем держаться элементарных принципов культурного обмена мнениями, а на каждое «сильное» суждение готовы опубликовать полемический отклик. Мы хотим уберечь радикализм мысли от агрессивности формы. Пусть спор идет о содержании. Пусть он не тонет в паводке ненужных инвектив, которых так много в польских дискуссиях».

Первые номера журнала показывают, как редакция проводит свои идеи в жизнь. Хотя бы путем поднятых тем и подхода к ним:

— «Состояние польской интеллигенции: беспомощные или мертвые?»: что такое и чем должен быть интеллигентский этос в современной Польше; почему польская элита уже не хочет брать на себя ответственность за общественную жизнь; каковы результаты того, что верхушка интеллигенции принадлежит к тем социальным группам, которые получили наибольшую выгоду от перемен в Польше после 1989-го; что вытекает из раскола в «интеллигентской семье», которая после 1989 г. разделилась на «интеллектуальный авангард» и «интеллигентское простонародье»; как интеллигенту примирить свой естественный идеализм с «прагматическими» требованиями демократии и свободного рынка?

— «Левые — правые: смешение языков»: из чего вытекает расплывчатость этих еще недавно основополагающих понятий описания политической жизни; каковы результаты этого; должны ли левые быть реформистами; возможна ли консервативная модернизация и можно ли вообще вообразить себе консервативный «третий путь»; есть ли у левых иммунитет на антисемитизм; и не может ли нигилизм затронуть консервативных правых?

— «Наш публичный дом»: о патологических проявлениях в общественной жизни Польши, о роли СМИ и авторитетов, исторических дискуссий и литературы, католической Церкви и феминистского дискурса в польской публичной сфере?

— «Ты еще не демагог?»: портят ли демагоги демократическую политику или же, может быть, защищают общество от синдрома «демократии двух третей», т.е. правления сытого среднего класса; следует ли систематически исключать демагогов из игры или же приручать и постепенно допускать к руководству страной — и какими методами это делать; выдумывают ли демагоги проблемы и внушают их избирателям, запугивая их, или же все-таки сигнализируют действительные требования, выброшенные истеблишментом из публичного дискурса; бывает ли демагогия «получше» и «похуже»; не ведет ли к деградации общественной жизни злоупотребление термином «демагог» («популист») — может, демагогией грешат и те, кто швыряет это слово своим политическим противникам, чтобы скомпрометировать их; единственное ли излюбленное место демагогов — сфера политики?

— «Польша двух скоростей»: как глубока пропасть между Польшей и Западной Европой в момент расширения Евросоюза; насколько интеграция будет означать «вступление» Польши в Европу, а насколько — «вступление» Европы в Польшу; готовы ли поляки (в том числе часть политической верхушки), которые в последнее время совершили поразительное сальто, выдвинув лозунг «Ницца или смерть» и противясь утверждению европейской конституции, если в преамбуле не будет подчеркнута роль христианства, — готовы ли они принять не только законодательные предписания ЕС, но и действующие в Евросоюзе стандарты терпимости и открытости к «отличию»?

Замыслу журнала как форума дискуссии должны служить также названия некоторых рубрик: «Придирки» и «Постоянно критичны». Здесь писали, в частности, о достоинствах космополитической позиции, об использовании в своекорыстных целях мифа «Предприятия Холокост» — как левыми, так и либералами и крайне правыми, о барьерах на пути установления равенства полов в правовых предписаниях Евросоюза, о мифе «Солидарности» как самоограничивающегося общественного движения, которое не стремилось захватить власть, о возможности диалога между феминистками и католической Церковью в Польше, об элементах истерии в идеологии и деятельности антиглобалистских движений.

Знаменателен и подбор авторов: на страницах «Критики политичной» печатаются авторы, считающие себя правыми, либералами и левыми (среди левых — хотя бы Мечислав Раковский, бывший премьер-министр ПНР, но в то же время и т.н. ревизионисты, заслуженные деятели антикоммунистической оппозиции Кароль Модзелевский и Яцек Куронь), католические священники (иезуит Станислав Обирек и доминиканец Яцек Салий), философы, связанные с критически настроенным по отношению к Церкви журналом «Без догмата», и предводительницы феминистского движения в Польше (Кинга Дунин, Казимера Щука), заслуженные профессора общественных наук (в том числе историки Ян Кеневич и Мартин Куля, историки общественно-политической мысли Ежи Шацкий и Анджей Валицкий, социологи Зигмунт Бауман и Павел Спевак), а также «молодые и злые», чьи имена до сих пор были неизвестны.

Красноречивы и герои проводимых «Критикой» интервью — в их числе редактор видного консервативно-либерального журнала «Коммантер» Пьер Манан, один из самых влиятельных сегодня социологов проф. Ульрих Бек, интеллектуальный вождь американских левых либералов проф. Михаэль Вальцер. Красноречив и выбор текстов, переведенных из западной печати, в том числе дискуссии о будущем Европы, начатой знаменитым текстом Юргена Хабермаса и Жака Деррида.

Однако круг деятельности «Критики» не ограничивается лишь изданием журнала. Недавно отсюда вышла инициатива «Открытого письма европейской общественности», которое должно был свидетельствовать, что не все поляки в дискуссии о европейской конституции стоят за лозунг «Ницца или смерть», провозглашавшийся как правительством, так и большинством парламентской оппозиции. Авторы этого манифеста, перепечатанного в ведущих западных газетах, предостерегали перед затяжками в принятии конституции, в результате которых возникнет «Европа двух скоростей», а также отмечали, что настаивать на требовании, чтобы в конституции была подчеркнута особая роль одной религии (христианства), означает отвергать традиции терпимости в ЕС.

В Польше на открытое письмо отреагировали двумя способами. Одни, в том числе правые политики, считающиеся серьезными, и национал-католические круги, ограничились тем, что обозвали подписавших письмо «предателями», «партией белого флага» и т.п. Другие вступили в дискуссию. Вершиной ее была организованная президентом Александром Квасневским дискуссионная встреча авторов письма, правительственной команды, ведущей переговоры о европейской конституции, и экспертов, занимающихся проблематикой интеграции. «Критика» добилась своего: политические идеи и представления получили возможность повлиять на политическую практику.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польша — страна католическая, это знает всякий, это подтверждают и многочисленные исследования. Неслучайно в августе 1980 г. одним из требований забастовщиков на Гданьской судоверфи, носившей тогда имя Ленина, была трансляция воскресной Божественной литургии по радио и телевидению. Что такое, однако, Церковь в сегодняшней Польше, какую она играет роль, как относится к демократии и как относятся верующие к Церкви? Этой проблематике посвящен интересный блок материалов в последнем номере варшавского ежеквартального журнала **«Res Publica нова»** (2004, №2). Подборку текстов открывает статья Мартина Круля «Горькие сожаления»:

«Почти все мы в Польше воспитаны в католических семьях, почти все прошли через основные таинства, и почти все, как показывает статистика, более или менее ходим в церковь. И уж наверняка все мы хотим, чтобы наши дети венчались, а до того приняли причастие и миропомазание. Во всех этих сферах секуляризация не сыграла в Польше значительной роли — точнее, не сыграла роли в польских нравах, ибо мы недостаточно знаем, насколько сильны во всех этих случаях чисто религиозные побуждения».

Тем не менее и у нас с Церковью затруднения, и у Церкви затруднения с нами. Это означает всего лишь, что Церковь давно уже перестала восприниматься как монолит и что верующие в Церкви выбирают свой путь. При этом не все духовенство способно ответить на их чаяния:

«Я слышу, — пишет Круль, — что молодежь ездит в воскресенье через пол-Варшавы, чтобы послушать священника, который известен умными проповедями. Некоторые из них жалуются, что есть Церковь умных священников и, мягко говоря, менее умных. (...) Я понимаю, что нельзя ожидать, чтобы тысячи священников, окормляющих паству в Польше, все до одного обладали выдающимися талантами и харизмой, но затруднение остается, потому что я не хочу, чтобы воскресная проповедь скорее смешила меня или возмущала, а это уже стало почти правилом; в лучшем случае она лишь наводит на меня скуку».

Разумеется, к этому можно отнестись как к нареканиям интеллигента, которому недостаточно авторитета священника, вытекающего лишь из того, что он священник. А Церковь, как подчеркивает Круль, «не любит интеллигентов и часто справедливо сомневалась в их способности соблюдать догматические предписания и повиноваться иерархии». Подводя итог такого отношения духовенства, он прибавляет: «При демократии интеллигенция не может задавать тон в Церкви».

Не может, так как интеллигентское понимание веры слишком сложно для основной массы верующих. Церковь выбирает скорее тех священников, которые способны дойти до этой основной массы. Выбирает их даже тогда, когда, как это происходит с пресловутым «Радио Мария», эти священники гласят шовинистические взгляды, которые не должны быть терпимы в Церкви. Иерархия поступает здесь, можно сказать, диалектически:

«Иногда она призывает «Радио Мария» к порядку, но его роль в существующей в Польше системе пропаганды веры, по мнению большинства членов епископата, настолько существенна, что не может быть и речи о каком бы то ни было запрете деятельности радиостанции. (...) иными словами, Церковь не осуждает того, как «Радио Мария» ведет учительство, ибо по сути дела эта практика общераспространена и за пределами радиостанции, в обычных повседневных поучениях большинства духовенства. Из этого следует, что Церковь не нашла способа обеспечить иное учительство в изменившиеся времена».

В таких обстоятельствах возникает склонность говорить о существовании как бы двух Церквей: той, что занимается «различными формами пропаганды для малых сих», и той, что отвечает потребностям тех, кто в вере «ищет эсхатологический аспект». Но на самом деле это не так:

«...говорить о двух Церквях в Польше и о глубоком разделении нет особого смысла. Есть только одна Церковь, и есть люди, потребностей которых Церковь не удовлетворяет, в результате чего они ведут поиски отчасти своими силами, отчасти при помощи не слишком многочисленных глубже мыслящих

священников. Но это и всегда так было, только пропорции менялись. Попросту людей образованных и мыслящих глубоко, а также обладающих сильно укорененным чувством свободы совести теперь пропорционально стало гораздо больше, и в результате то явление, которое можно назвать верой рядом с верой, верой частной, индивидуальной, подвергающей сомнению отнюдь не догматы, а всего лишь мир представлений, господствующих в польской Церкви, стало куда значительней, чем прежде. А иерархическая Церковь совершенно с этим не справляется и способна лишь осуждать».

Это значит, что увеличивается число людей, которые «ставят себя вне Церкви как института». Причем речь идет не о «приватизации религии». Речь идет, продолжает Круль, «о ее «паскализации», т.е. о сведении к духовному и внеинституциональному — наконец, внеразумному — аспекту. Такая вера не требует размышлений, она очень проста и ускользает от всякого рационального анализа. Это, конечно, не то явление, с которым мы имеем дело в Польше. Рационализм и сциентизм стали идеей-фикс всей западной цивилизации. Однако Польша — дело особое, ибо в Польше вера всегда стояла выше разума. Неслучайно у поляков так мало католических мыслителей или того, что мы с известными сомнениями определяем как христианскую философию. (...) А в результате этого в польской Церкви выработался антиинтеллектуальный синдром».

В Польше ссылались скорее на «простонародную веру»:

«Сегодня исследователи религиозности, светские и церковные, всё тверже знают, что эта простонародная вера (...) — скорее форма обряда, нежели какого-то безграничного верования, которое не нуждается ни в рациональных соображениях, ни даже в размышлениях об истине. А из этого вытекают последствия для преподавания религии, в особенности для обучения молодежи. Очень много говорят насчет простой, не замутненной никакими сомнениями веры, при этом говорят это людям, у которых в этом возрасте как раз больше всего сомнений, и не только религиозных».

В долгосрочной перспективе такой подход может принести затруднения:

«...делая ставку (...) на простую веру в большей степени, чем на сложную связь веры и разума, польская Церковь выбирает легкий выход, однако в наше время, когда все больше образованных и мыслящих людей, такой выбор опасен для будущего Церкви и дурен для верующих».

Круль указывает тенденцию ставить нравственные поучения выше философствования:

«Я прекрасно знаю, что вмешиваться во все процессы цивилизации — отнюдь не задача Церкви, но неверно и то, что Церковь должна иметь лишь умеренную или прямо аскетическую паству. Думаю, что наряду с осуждением потребительского духа (...), осуждением справедливым, в Церкви должны делаться и попытки преобразить современную цивилизацию. В конце концов, Церковь совершала такие преобразования, такие духовные перемены уже неоднократно — от Контрреформации до Аджорнаменто. Наверное авторитет Церкви сегодня не так силен, как несколько столетий назад, зато идейный вакуум, характеризующий современную цивилизацию, дает удобный случай формулировать и, возможно, принимать новые предложения. С одним, однако, условием: что они не будут сводиться исключительно к критике всего современного и к поучениям, как по языку, так и по содержанию почерпнутым из иной эпохи».

Наконец Круль поднимает вопрос о взаимозависимости между Церковью и демократией:

«Я, естественно, не требую, чтобы Церковь стала таким же демократическим институтом, как множество других. Однако все мы привыкли к тому, что знаем не только почему принимаются те или иные решения, но и почему людей выбирают или назначают на те или иные посты (...). Мы хотим обладать (...) и некоторым надзором над решениями, которые нас косвенно или прямо затрагивают. Церковь же (...) так защищается от хотя бы частичной гласности и частичного контроля, что создается впечатление, будто с тех времени, когда армия вышла из-под контроля военных, Церковь осталась последним институтом, который во имя традиций, понимаемых как чистый консерватизм, не хочет признать неопасных для него принципов. (...) Церковь пока что не готова к самому умеренному приятию и впитыванию новых элементов демократической жизни (...). Ибо Церковь (...) правильно не принимая современность как таковую, в то же время — неправильно — отказывается понять (и сделать из этого выводы), что она существует в современном мире, на который можно влиять и который стоит менять, но не методами прежних времен».

Если Круль занимается жизненными (по крайней мере для некоторых) проблемами верующих, то Иоанна Подгурская в **«Политике»** (2004, №14) занялась делами неверующих. В статье «Практикующий неверующий» она демонстрирует один из парадоксов польской церковно-духовной жизни, состоящий в том, что люди скрывают свое неверие:

«Мы живем в стране, где распятия висят во всех государственных и общественных учреждениях и где продолжает действовать стереотип поляка-католика. В государственной школе полагается сообщить, будет ли ребенок ходить на Закон Божий, а учебный год начинается мессой. В публичной дискуссии декларация атеизма стала чем-то неуместным и ставит заявившего такое в ряды врагов Церкви и Папы-поляка. (...) От публичного раскрытия неверующих удерживает свежая историческая память: на протяжении полувека отношение к Церкви регулировалось политическими эмоциями. Демонстрация связи с Церковью была почти тождественна декларации оппозиционности. Атеизм же в свою очередь ассоциировался с объявленной государством борьбой против религии».

Отсюда возникло по сей день продолжающееся общественное давление, избавиться от которого довольно трудно:

«Как большинство неверующих ради святого спокойствия крестит детей, так же, опасаясь остракизма, они записывают своих детей на уроки Закона Божия. Тем самым ребенок получает практический урок лицемерия и конформизма, а также подтверждение тому, что неверие — это некое исключение, которое следует скрывать. Остальное зависит от ума и такта законоучителя. (...) Если брать в целом, то опасения массовой дискриминации детей, которые не ходят на Закон Божий, не подтвердились. Наоборот, в некоторых школах на них смотрят как на привилегированных: у них лишний свободный час, им не надо заучивать формулировки или приносить законоучителю листочки с переписанными грехами. Однако проявлений нетерпимости немало. (...) Хуже всего дела выглядят в провинции, где неучастие в религиозном культе недвусмысленно воспринимается как провокация против католического общества. (...) Неписаный принцип, согласно которому если ты в Польше не католик, то стесняйся и сиди тихо, приводит к тому, что неверующие взрослые нередко чувствуют себя как терпимые чужеземцы».

Создалась и практика религиозной цензуры:

«Оскорбление религиозных чувств — аргумент, который все сильнее влияет на культурную жизнь в Польше. (...) Имена некоторых художников подвергнуты запрету. Их выставки наталкиваются на протесты еще до открытия, и хотя никто их еще не видел, но в прокуратуру уже поступают доносы об их преступном характере. (...) Схоже выглядит и ситуация в польских кинотеатрах. «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе так и не появилось в польском кинопрокате».

Эта проблема находит свои последствия и в общественно-политической жизни:

«Хочешь не хочешь, а неверующие финансируют Церковь. (...) Довольно частая практика — дары властей города местной епархии в виде земли или недвижимости (...). Переход государственных и муниципальных средств в руки Церкви — еще одна тема, на которую в Польше не удается вести нормальный разговор, ибо он может раздражить иерархов и вызвать обвинения в заядлом антиклерикализме. (...) диалога и дружественного сосуществования неверующих с Церковью не облегчает и тот факт, что польский антиклерикализм иногда приобретает довольно гнусную форму. Он бывает ядовитым, не переносящим возражений, готовым бросаться в атаку. Нетерпимое течение в Церкви вырастило брата-близнеца. (...) Разумеется, антиклерикалы и неверующие — не тождественные множества. (...) неверующим важно, с каким католичеством они живут в одном государстве. Будет ли это католичество о. Рыдзыка [создателя «Радио Мария»] (...) или католичество — вечная ему память! — о. Тишнера [капеллана «Солидарности», открытого к взаимопониманию автора книги «Польский вид диалога»]».

И это действительно важный вопрос, ибо он касается духовного состояния самой Церкви. Тем более важный, что со вступлением Польши в Евросоюз католическая Церковь должна будет позаботиться о своем состоянии больше, нежели делала это до сих пор.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Уже 400 лет подряд в Страстную пятницу толпы паломников проходят Крестный путь в Кальварии-Зебжидовской. «В Кальварии одни чувствовали себя на своем месте, другие — нет. Одни плакали, другие фотографировали красочное зрелище», — написал журналист «Газеты выборчей». «Действие святых мест часто заключается в том, что человек приезжает в скептическом настроении, просто чтобы посмотреть, а уезжает с вопросом. И это важно», — говорит куратор святилища о. Владислав Васько. Другая культивируемая в Польше пасхальная традиция — сооружение Гроба Господня. «Наряду с символикой, лаконичностью, строгостью в них есть и повествование, и даже словоохотливость, а также яркое оформление, полное намеков на современность с ее проблемами, — пишет Дорота Ярецкая. — Такие волнующие чувства композиции поддерживают традиции военного положения, периода оккупации и разделов, когда Гробы Господни в польских костелах приобретали патриотическое значение, а поклонение им было формой политической манифестации».

• В Тель-Авиве на 76-м году жизни скончался Фредерик Эфраим Стен — актер, переводчик, организатор театральной жизни. Ему принадлежит заслуга появления на театральных подмостках Израиля пьес Мрожека и Гомбровича. Он также переводил Ивашкевича и Налковскую. Родился он в Золочеве, войну пережил, прячась у крестьян. В Польше получил высшее образование, несколько лет руководил гданьской эстрадой, был одним из основателей кабаре ПРО. В 1957 г. уехал в Израиль, где играл в театре, вел радиотеатр, а позднее был директором культурно-зрелищного отдела телевидения.

• В Варшаве вручены «Викторы-2003» — премии, присуждаемые в различных категориях самым популярным телевизионным личностям года. Самым популярным политиком был признан Ян Рокита, однако больше всего аплодисментов досталось чемпиону мира по прыжкам с трамплина Адаму Малышу, который несомненно обеспечил польскому телевидению наибольшее число зрителей. Статуэтки получили также Беата Тышкевич, Роман Полянский и победивший в зрительском конкурсе ведущий информационной программы «Вядомости» Камиль Дурчок.

• 1 апреля в Киеве состоялось торжественное открытие Года Польши на Украине, проходящего под девизом: «Польша и Украина — вместе в Европе». «Цикл мероприятий должен свидетельствовать о том, что две наши страны интересны друг другу», — написал Марек Микос. Польский министр культуры Вальдемар Домбровский заверил: «Мы не хотим, чтобы после нашего вступления в Евросоюз на Буге возник какой бы то ни было, пусть даже тюлевый занавес». А Александра Коваль, организатор проходящей во Львове Международной книжной ярмарки, в беседе с польским журналистом сказала: «Мы рады Году Польши. Мы рассчитываем, что Польша будет по крайней мере так же агрессивна на Украине, как Россия (...) Я убеждаю людей переводить польские книги, популяризировать их и выпускать на наш рынок. Польских же инвесторов и издателей я призываю устанавливать с нами тесные контакты». Будущий год станет Годом Украины в Польше.

• В списках бестселлеров к бесспорно лидирующей в последнее время Катажине Грохоле («Никогда в жизни», «Сердце на перевязи») и пытающемуся догнать ее Ежи Пильху («Город терзаний») присоединилась Иоанна Щепковская. Сборником рассказов «Эпизоды из жизни зеркала» эта замечательная актриса напоминает, что она, кроме всего прочего, — внучка Яна Парандовского. «Дебютантский сборник, — пишет критик, — представляет собой образец прекрасной остроумной прозы, написанной очень впечатлительным человеком». В категории документальной литературы уже долгое время лучше всего расходятся сборник политических эссе Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?», воспоминания необыкновенно популярной актрисы

Беаты Тышкевич «Не все на продажу», слегка шутливая, исполненная мудрости книга крупнейшего современного польского философа Лешека Колаковского «Мини-лекции о макси-проблемах», а также сборник воспоминаний режиссера и сенатора Казимежа Куца «Заслуженные портреты». «Хорошо, что разрозненные воспоминания о людях, которых уже нет, оказались в одном маленьком сборнике (...) [эти портреты] набросаны с исключительным писательским талантом, благодаря которому даже Эдвард Герек становится трагическим героем».

• Все лучше раскупается дебютантская книга Мариуша Маслянки «Детдом». «Это волнующая, основанная на переживаниях самого автора история мальчика, воспитывавшегося вместе с братьями и сестрами в детском доме. Описание «второй жизни» этого воспитательного учреждения напоминает анализ тоталитарной организации», — пишет критик газеты «Жечпосполита». Сегодня 30-летний Маслянка — надежда польской литературы.

• Стоит также отметить новые книги известных, всеми любимых писателей. Марек Новаковский опубликовал сборник рассказов «Нуль», в котором он, как пишет Кшиштоф Маслонь, «продолжает держать руку на пульсе современности; если раньше он искал свои темы среди «отбросов общества», то теперь источником его вдохновения стала бизнес-среда». О книге Яцека Бохенского «Капризы пожилого человека» написал Павел Т. Фелис: «78-летнему автору слишком хорошо известно, что роль старца дает особые права (...) Он выбирает гиперболу, сгущение красок, иногда (особенно в описаниях современности) карикатуру. Он перевоплощается то в мудреца, то в пророка, то в наивного моралиста и брюзгу (...) Капризничает он просто невыносимо. Ибо разве не каприз в наши дни — писать серьезно, смело, с ироничным безрассудством?»

• Премию журнала «Одра» за 2003 год получила Эва Липская за сборник стихов «Я».

• То, что Краков — город поэзии, известно давно. Здесь живут и пишут Чеслав Милош и Вислава Шимборская, сюда переехал из Парижа Адам Загаевский, сюда после долгого пребывания в Вене вернулась Эва Липская. Может быть, поэтому актрисе Анне Дымной пришло в голову организовать воскресные поэтические утренники в фойе Театра им. Словацкого. Успех этой инициативы превзошел все ожидания: каждую неделю перед театром выстраивается очередь, в которой стоят люди разного возраста. «Празднично одетые любители поэзии с культурной улыбкой и чашечкой кофе в руках слушают, как великие артисты читают стихи великих, признанных и всенародно любимых поэтов, — пишет Катажина Яновская. — Молодая поэзия может попасть в салон Дымной при условии, что она будет уравновешена авторитетами. Такой «танец на канате» продолжается уже два года».

• На решетке варшавского парка Лазенки появилась выставка «Я — Гомбрович», организованная в рамках Года Гомбровича. На больших стендах размещены фотографии и цитаты. Может быть, такая экспозиция лучше приблизит широкой публике творчество этого элитарного писателя, чем замечательные, но слишком уж ученые конференции.

• В Варшаве умер писатель, эссеист и знаток античности Зигмунт Кубяк. Критик газеты «Жечпосполита» написал о нем так: «Я обожал его стиль, в котором мне больше всего нравилось то, что других приводило в бешенство: отступления, намеки, посторонние размышления (...) Для влюбленного в античность Зигмунта Кубяка Римская империя была образцовой моделью государства, что в какой-то степени объясняет отношение писателя к противоречиям между античностью и христианством». «Тоталитаризм, — писал сам Кубяк, — вырастает не из общественного протеста. Он вырастает из мечты интеллектуалов о «новом человеке», который был бы лучше, чем то несовершенное существо, что уже столько тысяч лет бродит по земле».

• Ансамбль «Манаам» существует уже почти 30 лет, но, несмотря на это, до сих пор имеет многочисленных поклонников. Недавний «концерт, представляющий их новый диск, — пишет рецензент, — подтвердил, что «Манаам» — концертная группа. Ансамбль исполнил как свои лучшие хиты, так и песни из нового альбома «Особые приметы». Последние звучали гораздо лучше, чем на записанном в студии диске (...) Это оценила публика, одинаково радуясь и аплодируя после каждой песни».

• В этом году пасхальный Бетховенский фестиваль, который до сих пор был украшением Кракова, впервые прошел в Варшаве. «Варшава — динамичный город симпатичных людей. Вместо телег — музыка Бетховена!» — о таком облике города сообща заботились организатор фестиваля Эльжбета Пендерецкая и спонсоры, владельцы лучших варшавских отелей. «Я с большим интересом наблюдал за перенесением этого мероприятия из Кракова в Варшаву, — пишет Яцек Марчинский. — Сегодня можно сказать, что трансплантация прошла успешно (...) В этом году фестиваль был обращен не к меломанам с утонченным вкусом, а скорее к тем, кто не имеет постоянного контакта с музыкой (...) Бетховенский фестиваль не станет ни мероприятием авангарда, ни местом музыкальных открытий. Он вне всякого сомнения будет базироваться на известном каноне, уровень которого должен быть самым высоким». «Не обошлось без спорных моментов, но значительное число удачных концертов позволяет сделать вывод, что фестиваль удался», — подводит итог Анна Дембовская.

• «Трагические события в Мадриде легли тенью на наш праздник, 43-й Международный день театра. Независимо от того, показал ли тем самым свое худшее обличье злополучный дух времени или это был очередной сигнал, возвещающий на пороге XXI века начало беспощадной, кровавой борьбы за концепцию человека, — театр не может молчать. Он должен принять участие в этом споре», — написал в обращении по случаю Международного дня театра выдающийся режиссер Ежи Яроцкий.

• Одной из первых реплик в этом споре стала подготовленная для телевидения необычная постановка шекспировского «Гамлета», осуществленная в соляных копях в Величке. О спектакле говорит его постановщик Лукаш Барчик: «Мне не кажется, что этот шедевр Шекспира нужно вписывать в окружающие нас реалии (...) чтобы современный мир нашел свое прямое отражение в трагедии, написанной четыреста лет назад (...) По-моему, «Гамлет» — это спектакль, описывающий процесс индивидуализации главного героя, показывающий, как он становится самим собой (...) Один из способов достичь этого — участие в тайне. Она-то и выделяет нас из окружающей действительности».

• Варшавская Академия художеств отмечает 100-летие со дня своего основания. В связи с этим предусмотрены художественные выставки, выпуск юбилейных медалей и марок. Недостает только празднества, которое привлекло бы к юбилею внимание широкой публики, — чего-нибудь вроде планировавшейся парусной регаты или уличного шествия. И хотя официально празднование столетия академии уже началось, организаторы клянутся, что еще ничего не потеряно и программа может стать гораздо более привлекательной по мере реализации...

• В Варшаве прошел очередной всепольский слет любителей фантастики «Конкрет-2004». «Слет — это событие, подчиняющееся собственным законам, — сказал один из его организаторов Витольд Секежинский. — Нам помогает фантазия. Что мы делаем? Разговариваем, играем, читаем, обмениваемся мнениями, смотрим фильмы фэнтези, иногда странно выглядим — например, как гномы или эльфы. Кроме того на слете имеет хождение собственная валюта — креты, которые можно заработать, работая при подготовке какого-нибудь мероприятия». Пожалуй, ни один литературный жанр не сплачивает вокруг себя столько людей, сколько фэнтези, уверяет одна из лучших польских писательниц фэнтези Анна Бжезинская, по образованию медиевист. Ну что же, может быть, это действительно лучший способ оторваться от действительности... Чего иногда мы желаем себе и нашим читателям.

Наталья Будзан

СТО ЛЕТ РУССКОГО ПЛАКАТА

Передвижная выставка в Польше

В Лодзи, Вроцлаве и Щецине экспонировались плакаты — точнее, за несколькими исключениями, фотограммы оригиналов из собрания Государственной российской библиотеки. До конца мая они будут выставлены в галерее варшавского Большого театра, а завершится выставка в галерее «БВА Замок» в Ксёнже (3 июня — 18 июля). Передвижная выставка — часть осуществляемого с октября прошлого года проекта «Плакат России», автор которого — Александр Федорович Склярук, московский специалист по типографскому и прикладному искусству, вузовский преподаватель и главный редактор издательства «Культура-Контакт». Благодаря ему в каталоге выставки помещен сжатый и ясный очерк истории русского и советского плаката. Богато иллюстрированный каталог, сопровождаемый комментариями организатора выставки Агаты Сарачинской, представляет ценный популяризаторский материал для школ, и не только школ. Любители графики могут обзавестись репродукциями плакатов — и репродукции, и каталог изданы в двух форматах.

До сих пор у нас мало популярных публикаций о русском авангарде. Переводы монографий таких авторов, как Лариса Жадова и Герман Каргинов, вышли в 80-е годы; ученые труды Познанского или Вроцлавского университетов доступны узкому кругу специалистов. Современная польская молодежь обычно не знает русского и, более того, очень мало знает о реалиях 20-х гг. в России или даже о «перестройке». Во Вроцлаве был организован конкурс для школьников, целью которого было не только выполнить изобразительные работы, но и создать «рекламоустойчивость» — имея в виду рекламу не одних лишь политических взглядов, но и определенных образцов потребительства, стиля жизни, профессионального успеха, эстетики и т.п.

Выставка предоставила случай встретиться с оригинальным искусством стиля модерн, увидеть работы конструктивистов и соцреалистическое искусство.

В литературный канон польского интеллигента входит проза Михаила Булгакова. А ведь тайны его фантастических миров вдохновлены не только символизмом, но и «искусством улицы», киноплакатом Владимира и Григория Стенбергов или Николая Прусакова. Их показанные на выставке киноплакаты, в центре внимания которых стоит отдельная личность, литературные, гротескные, поражают и заинтригуют, и в то же время они художественно прекрасны. Представлены на выставке и работы Алексея Гана, создателя популярного в Польше понятия «Киноглаз», генезис которого оказался забытым. Вероятно, в Польше есть публика, заинтересованная историей русской кинематографии, раз происходят ретроспективы немого кино или кино немецкого экспрессионизма. Можно надеяться, что на волне интереса к русской культуре пройдут и показы кино.

Любопытным для внимательных зрителей был гротескный плакат, рекламирующий лотерею Автодора: молодой человек на плакате расхваливает свой выигрыш — настоящий мотоцикл «Харли-Давидсон» (Михаил Буланов, 1929). Магнитом для посетителей выставки, несомненно был тандем Владимира Маяковского и Александра Родченко — зрители охотно покупали репродукцию их плаката, рекламирующего соски «Резинотреста» (1923). Замечателен с изобразительной точки зрения плакат Лазаря Лисицкого «Красным клином бей белых» (1920), радующий глаз зрителя. Биографические данные Лисицкого, в которых отразилась жизнь визионера-идеалиста, помещены в конце каталога вместе с данными о жизни Маяковского, Родченко, братьев Стенбергов, Бориса Успенского. Хронологически последний на выставке киноплакат Александра Григорьевича Ваганова «Коллективизация, 1929», созданный во времена «перестройки», обратил большое внимание: тема представлена в форме горькой сатиры, лапидарная, совершенная графика стилистически опирается на более ранний русский авангард. Но за минувшие годы плакат утратил свою силу воздействия.

Польским читателям было бы полезно получить публикации о первых выставках авангарда, и не только ввиду подобного сегодняшнему способа выставлять искусство, часто вне музеев и галерей: футуристы еще в 1915 г. выставляли предметы, ныне называемые «ready-object». На выставке «0,10» в санкт-петербургском «Художественном бюро» (1915), внутри обычного склада, художники, как возмущался Илья Ефимович Репин, разложили и прицепили какие-то деревянные колоды, жестяные банки, даже коробки из-под пудры, сапожные щетки с ваксой, одежные вешалки, куски цинковой жести, а некоторые поленья и концы балок они ярко раскрасили (об этом см. «Полутораглазый стрелец» Бенедикта Лившица, вышедший по-польски в 1995 г. в переводе Адама Поморского). А потом, в 1916-м, на московской выставке «Магазин», устроенной в бывшем магазине, они экспонировали кубофутуристские и абстрактные картины. Лев Бруни, как сообщает Герман Каргинов в своей книге «Родченко» (польский перевод Магдалены Швейниц-Кулисевич вышел в 1981 г.), выставил одну растрескавшуюся бочку из-под цемента и стеклянную плиту, простреленную пулей. Владимир Татлин показал на той же выставке свои рельефы и контррельефы — уже тогда в нем чувствовался будущий мастер конструктивистской школы сценографии.

Предтечи из круга «Мира искусства» и конструктивисты, создававшие оригинальную сценографию и развивавшие театрально-постановочное искусство XX века, тоже заслуживают отдельного упоминания, и книга, в которой были бы представлены их достижения, наверняка встретила бы интерес у польского читателя.

Катажина К. Гардзина

СКРИПИЧНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ ТАДЕУША ВРОНСКОГО

Профессор Тадеуш Вронский, называемый создателем польской скрипичной школы, в 1990 г. подготовил и провел первый конкурс молодых музыкантов-исполнителей по скрипке соло. Ныне конкурс из польского превратился в международный, а после смерти основателя (†2000) носит его имя. В феврале этого года в варшавской музыкальной академии им. Шопена прошел 3-й международный конкурс им. Вронского.

Профессор Тадеуш Вронский

Тадеуш Вронский — исключительная фигура польского музыкального исполнительства. В 1939 г. он окончил Варшавскую консерваторию, в 1948-м — брюссельскую Королевскую музыкальную консерваторию. Он выступал и как солист, и как участник камерных ансамблей, в частности в дуэте с Владиславом Шпильманом и в Варшавском квинтете. Записывался на пластинки, концертировал в разных странах Европы и Азии. Основал Ассоциацию польских музыкантов и скрипичных мастеров. С 1949 г. его судьба была связана с варшавской Музыкальной академией, был он и ее ректором. Кроме того он преподавал во многих музыкальных институтах во всем мире. Тадеуш Вронский был автором многих обработок скрипичной литературы, а также автором многочисленных работ по музыкальному образованию. Особенно его интересовали вопросы методики преподавания — благодаря ему при Музыкальной академии был создан Музыкально-педагогический институт.

Международный конкурс им. Вронского — единственный в мире, где молодые скрипачи во всех турах играют соло, без аккомпанемента фортепьяно или оркестра. Ясно, какие исключительные способности и мастерство должны показать участники конкурса; исключителен и звучащий на конкурсе репертуар. Скрипичная литература, хоть и богатая, не изобилует сочинениями для скрипки соло. Организаторы и члены жюри перед каждым очередным конкурсом старательно рассматривают и меняют предлагаемую конкурсную программу. В этом году в первом туре молодые скрипачи должны были исполнить одну из 12 Фантазий Телемана, один из Каприсов Паганини, ми-минорный или ре-мажорный Каприс Кароля Липинского и Польский каприс Гражины Бацевич Заметим, что программа конкурса составляется так, чтобы хоть несколько представить польскую скрипичную литературу. Те, кто прошел во второй тур, играли

одну из сонат Баха и Чакону из скрипичной сонаты Бартока. В финале, где выступили десять скрипачей, у кандидатов был сравнительно большой выбор: одна из сонат Изаи и одно сочинение по их усмотрению.

В отличие от других скрипичных конкурсов конкурс по скрипке соло не подвергает испытанию подготовку молодого исполнителя к выступлению с партнером, его умение создать взаимопонимание с пианистом или работать в сотрудничестве с оркестром и дирижером. Зато он ставит скрипача, быть может, в еще более трудное и невыгодное положение: исполнитель остается один на один с публикой, и успех концерта зависит только от его подготовки, таланта и личности. Это редкий способ как исполнения, так и восприятия музыки, о чем свидетельствовала совсем особая атмосфера на конкурсных прослушиваниях и концертах.

Организаторы конкурса, в том числе дочь Тадеуша Вронского Галина Вронская-Зволинская, надеются, что конкурс с каждым разом будет повышать свою репутацию и пользоваться интересом молодых скрипачей со всего мира, хотя и в этом году нельзя было пожаловаться на недостаток желающих. Престиж конкурсу создают, с одной стороны, знаменитые члены жюри, с другой — лауреаты, которые, приобретая славу на концертной эстраде, будут свидетельствовать о ранге первого выигранного ими конкурса. Так происходит с победительницей предыдущего конкурса, тогда едва 15-летней Аленой Баевой, которая позднее стала лауреатом Международного скрипичного конкурса им. Генрика Венявского в Познани. Сегодня Алена Баева — уже известная концертирующая солистка, которую всегда особенно тепло встречают в Варшаве. Так было и в этом году, когда Баева выступила на концерте открытия конкурса.

Несмотря на то что конкурс как международный проходил только в третий раз, организаторам удалось собрать как средства на премии, так и отличный состав жюри, где заседали, в частности, поляки Кшиштоф Бонковский, Кайя Данчковская, Тадеуш Гадзина и Константы Анджей Кулька, а также Лаурент-Альбрехт Брейнинген из Германии, Эдуард Грач из России и Педер Эльбек из Дании. Председателем жюри была замечательная скрипачка, ученица Тадеуша Вронского Магдалена Резлер-Несёловская. У конкурса им. Вронского нет недостатка в верных поклонниках и друзьях. Выдающийся скрипичный мастер Михал Ф. Венцковский, лауреат Московского международного конкурса скрипичных мастеров им. Чайковского, каждый раз делает смычок, вручаемый лауреату первой премии.

В этом году его смычок получил румынский скрипач Эуджен Тичинделяну. Лауреатом второй премии стала Екатерина Рахимова из России, а третьей — Магдалена Маковская (Польша). Пожелаем лауреатам, сделавшим в Варшаве первый шаг на пути к музыкальной карьере, заработать новые лавры на других конкурсах и прославить в мире конкурс им. Вронского.

АКАДЕМИЯ — ПОЛЕ ДИАЛОГА

Беседа с президентом Польской Академии знаний проф. Анджеем Бяласом

— Польская Академия знаний* возобновила свою деятельность в 1989 году. Пришлось ли ей после этого заново искать свое место в научной среде?

— Возобновление деятельности выглядело так: несколько оставшихся в живых членов прежней Академии избрали в состав ПАЗ членов ПАН, живущих в Кракове и окрестностях. Так что начало было не таким уж трудным. Конечно, многие вещи нам пришлось создавать заново — прежде всего комиссии. Кроме того нужно было укомплектовать членский состав. Сейчас, спустя 14 лет, у нас уже почти 300 членов, т.е. столько же, сколько было до войны. Новые времена требуют новых структур, поэтому нам пришлось создать новые отделения. Наконец, чтобы начать деятельность, мы, по традиции Академии, должны были получить согласие президента Речи Посполитой. И, разумеется, провести огромную организационную работу.

Проф. Анджей Бялас

— ПАЗ — негосударственная организация. Насколько эта независимость способствует развитию науки, а насколько препятствует?

— Как всегда, у этого есть свои хорошие и плохие стороны. Благодаря тому, что мы негосударственная организация, у нас гораздо больше свободы действий. Мы не скованы огромным количеством правил. Но, с другой стороны, мы несколько лет добивались внесения в закон о Комитете по научным исследованиям положения, дающего комитету возможность финансировать деятельность Академии. В Польше действует принцип, согласно которому государственное учреждение не может финансировать негосударственную организацию, разве что об этом отдельно сказано в законе. Поэтому мы до сих пор не можем получить никаких дотаций из министерства культуры. У нас есть отделение художественного творчества, к которому принадлежат выдающиеся деятели культуры и искусства. Если бы у нас была возможность получать дотации, это отделение могло бы осуществлять множество честолюбивых планов. В этом состоит ограничение. Таким же образом выглядит ситуация с возвращением имущества. Если однажды оно было передано в госказну, то нельзя возвратить его негосударственной организации, разве что решение об этом примет Сейм.

— После того, как в 1952 г. по решению тогдашних властей деятельность ПАЗ была прекращена, ее филиалы и имущество были переданы создававшейся в Варшаве Польской академии наук (ПАН). Как сейчас выглядят взаимоотношения двух академий? Что их отличает друг от друга, а что объединяет?

* Академия знаний была основана в Кракове в 1872 году. Формально она действовала в австрийской части разделенной Польши, фактически же с самого начала играла роль общепольского научного и культурного института. После I Мировой войны была переименована в Польскую Академию знаний и оставалась независимым от государства официальным представительством польской науки. В 1952 г. ее деятельность была приостановлена тогдашними властями и возобновилась лишь в 1989 году.

— Отличает их очень многое, так как ПАН — это исследовательский центр, деятельность которого заключается в организации работы около ста научно-исследовательских институтов. Зато ПАН менее активна в организации научной жизни. В свою очередь Академия знаний пытается налаживать контакты и проводить дискуссии, создавать форум, на котором могли бы встречаться представители всех областей науки. Короче говоря, ПАН — это научный центр, а мы — общество. В Кракове мы располагаемся в соседних зданиях, у нас общие библиотека и архив. Из года в год у нас растет взаимопонимание.

— А можно ли с определенной точностью сказать, какая из двух академий достигла больших научных успехов?

— Все зависит от того, что мы будем понимать под «научными успехами». В узком смысле слова бóльших успехов несомненно добивается ПАН, ведущая научные исследования. У Академии знаний нет ни средств, ни возможностей, чтобы создавать исследовательские институты. Наш годовой бюджет, выделяемый Комитетом по научным исследованиям, — это 3 млн. злотых, сумма очень скромная, которой кое-как хватает только на общую деятельность, не более. Тем не менее под эгидой нашей Академии работают археологи, ведущие раскопки на Украине. Это сильный коллектив под руководством профессора Махника, занимающийся курганами и сотрудничающий с учеными из львовского центра. Кроме того мы сотрудничаем с Международным союзом академий, что дает нам возможность издавать замечательные книги. Достаточно упомянуть только монографии, посвященные памятникам доколумбовой культуры в польских собраниях и следам Римской империи на территории Польши. Кроме того наша Академия начала и в настоящее время продолжает издавать документы польских нунциатур. Это колоссальное начинание.

Однако прежде всего ПАЗ — это комиссии, в которых проходят научные сессии. Их результаты в дальнейшем публикуются. У нас довольно сильный издательский коллектив, ежегодно выпускающий несколько десятков научных книг.

— В ПАЗ преобладают гуманитарные науки. У меня к вам вопрос как к физику: бывают ли их результаты полезны для точных наук? Существует ли между ними какая-то взаимозависимость?

— Наша Академия как раз и дает доказательство такой взаимозависимости. В комиссиях у представителей гуманитарных и точных наук есть возможность дискутировать и сопоставлять свои взгляды. У нас есть междисциплинарная комиссия по угрозам цивилизации, а также комиссия по истории науки, где, пожалуй, эта проблема видна лучше всего. Ведь историей науки не может заниматься исключительно историк — хотя бы потому, что он просто не разбирается в тех или иных науках. С другой стороны, этим очень трудно заниматься человеку, не имеющему исторического образования. В этой области у меня есть свой собственный опыт. Недавно я пытался написать историю краковских школ теоретической физики — собрал материал, толкования и вдруг почувствовал полную беспомощность: что же мне теперь со всем этим делать? Такая ситуация — классическое доказательство необходимости сочетать точные науки с гуманитарными.

Очень интересны различия в образе мышления. При встрече представителей столь отличающихся друг от друга областей науки можно сделать весьма любопытные наблюдения.

— Мы живем в эпоху высоких технологий. Встречаются ли, несмотря на это, мнения, будто теоретические науки — математика и физика — не нужны для развития таких областей, как экономика или образование?

— Таких мнений нет — по крайней мере я с ними не столкнулся. Каждый здравомыслящий человек понимает, что развитие цивилизации базируется на математике, физике и химии. Крупнейшие технологические революции опирались на открытия людей, которые вовсе не думали о том, что совершают революцию.

Однако я замечаю другое, очень неприятное явление: некоторые считают, что определенные процессы можно обойти или ускорить. Такие люди выступают против чистой науки, т.е. против науки абстрактной, не имеющей прямого приложения в промышленности или экономике. Я считаю, что это ужасная ошибка: такой подход порождает финансовые приоритеты, которые, увы, привлекают шарлатанов. Серьезный человек, занимающийся своей областью науки, не станет внезапно переключаться на что-то другое, признанное государственным приоритетом. Мне кажется, нужно оставить ученым свободу заниматься тем, что их действительно интересует.

— Недавно Петр Слонимский (выдающийся генетик, с 1947 г. работающий во Франции, иностранный член ПАН и ПАЗ, двоюродный брат поэта Антония Слонимского) сказал, что у польской науки есть шанс стать мировым лидером, особенно в области фундаментальных исследований. Что вы об этом думаете?

— Стать мировым лидером очень трудно. Я как раз был на том заседании Академии наук, где Петр Слонимский это говорил. Он считает, что сейчас на Западе немногие интересуются фундаментальными исследованиями. Между тем в Польше все еще можно найти много способных студентов, которые, привлеченные перспективой работы в Евросоюзе, пошли бы учиться на эти факультеты. А народ у нас способный. Таким образом мы могли бы восполнить увеличивающийся в Европе дефицит ученых. Это ценное наблюдение. Правда, если все способные люди уедут в Париж или Лондон, то кто останется здесь? Слонимский утверждает (я говорил с ним на эту тему), что в нынешние времена быстрой связи можно иметь оживленные контакты и тут и там. Я же начал задумываться над тем, что́ надо изменить в структуре польской науки, чтобы использовать польских ученых за границей для развития нашей страны. Я даже считаю эту проблему своего рода вызовом, брошенным Польской Академии знаний. У нас есть европейская комиссия, которая уже об этом думает.

Однако вернемся к мысли проф. Слонимского. В области технологии Польша безнадежно отстала. Но в области фундаментальных исследований мы действительно близки к мировым лидерам. Когда мы вступим в Евросоюз, у нас появится шанс получить соответствующие средства, и, главное, мы перестанем быть периферией.

— Кто финансирует деятельность ученых, особенно в тех областях, которые не могут рассчитывать на поддержку промышленности и спонсоров?

— Бо́льшую часть начинаний финансирует Комитет по научным исследованиям. Такая система действует в большинстве стран. Лично я ее сторонник, так как наука нуждается в поддержке государства.

— Но ведь есть еще основанный в 1991 г. Фонд поддержки польской науки.

— Да. Его деятельность необыкновенно полезна, тем более что это негосударственная организация, не отягощенная огромным количеством ограничительных предписаний. Однако он может только оказывать вспомоществование. Он выделяет средства по принципу внезапно возникшей нужды, сосредотачиваясь на чем-то одном, но в масштабах всего бюджета его возможности невелики.

ПАЗ два раза получила деньги из этого фонда, причем один раз — на охрану библиотеки и коллекций от воров.

— Есть ли другие фонды такого типа?

— Есть Касса им. Мяновского**, которую лично я очень высоко ценю. Есть еще несколько мелких фондов местного уровня, например, дающих стипендии молодежи.

— В каких областях сейчас наблюдается особенно тесное сотрудничество польских и российских ученых?

— Я могу рассказать о сотрудничестве в области физики, так как в этой сфере ориентируюсь лучше всего. Польша участвует в работе Объединенного института ядерных исследований в Дубне. Наши ядерщики и физики твердого тела ставят там эксперименты. Несколько моих бывших профессоров — члены ученого совета в Дубне.

Я знаком со многими замечательными российскими учеными, однако почти все они работают теперь на Западе или в Израиле. К счастью, несколько крупных ученых все-таки осталось в России. Среди моих знакомых я могу назвать Кайдалова, Фейнберга и Дремина в Москве, а также Рыскина и Брауна в Петербурге.

Мне известно, что польские математики необыкновенно высоко ценят своих российских коллег. На последнем собрании нашего отделения Академии мы единодушно избрали иностранным членом ПАЗ профессора Никольского — видного московского математика и большого друга Польши.

** Касса им. Мяновского — Фонд поддержки науки, основанный в 1881 г. учениками врача и общественного деятеля Юзефа Мяновского. Касса начинала свою работу с небольшим капиталом, однако благодаря обильным пожертвованиям к началу I Мировой войны стала богатейшей организацией, поддерживавшей науку на польских землях. Особенно обогатили ее переводившиеся на ее счет с 1904 г. доходы от нефтеносного района в окрестностях Баку, завещанные инженером Витольдом Згленицким. Касса просуществовала на протяжении всей II Мировой войны и была ликвидирована академическими властями в 1951 году. Возобновила свою деятельность в 1991 году.

В этом году в Кракове и Варшаве пройдут Дни российской науки. В Кракове их организацией займутся совместно ПАН и ПАЗ. Кроме того при Академии знаний работает восточноевропейская комиссия под председательством профессора А.Подразы, занимающаяся прежде всего Россией, Белоруссией и Украиной.

— При ПАЗ действует междисциплинарная комиссия по угрозам цивилизации, в состав которой входят члены разных отделений, представители точных и гуманитарных наук. Чем она занимается?

— Комиссия под председательством профессора Хрынкевича занимается опасностями, угрожающими гармоничному развитию человечества. В их число входит целый ряд проблем, которые должны изучаться не только представителями точных и технических наук, но и гуманитариями. Раз в месяц проходят заседания, на которых кто-нибудь представляет определенную проблему. Недавно епископ Тадеуш Перонек говорил об угрозе религиозного фундаментализма. Химик Анджей Баранский представил проблему самодеструкции бумаги. Тадеуш Мазовецкий прочитал лекцию «Опасности польской демократии». У нас были рефераты, посвященные глобализации, ядерному оружию и терроризму. Потом все это публикует наше издательство. Комиссия заинтересована в том, чтобы ознакомить со своими выводами широкий круг читателей, — ведь она обсуждает проблемы, касающиеся каждого.

— Можно ли назвать деятельность этой комиссии попыткой продолжить проект «Опыт и будущее» (DiP)?***

— Я бы не назвал этого продолжением. DiP пытался выработать стратегию, а комиссия по угрозам цивилизации этим не занимается. Она освещает проблему, после чего ведется дискуссия, однако все это не завершается разработкой какого-то проекта или стратегии — во всяком случае так было до сих пор. Идею расширить круг деятельности комиссии в этом направлении подал нам недавно профессор Помяновский. Я уже говорил об этом с профессором Хрынкевичем, который обещал обсудить это предложение на форуме комиссии. Быть может, для начала они займутся польской энергетикой. Однако достаточно очевидно, что Академия не может разрабатывать сиюминутные планы на завтра. Это должны быть долгосрочные выводы — по меньшей мере на ближайшие десять лет.

— Не кажется ли вам, что Польша нуждается в продолжении традиций DiP?

— Такое продолжение вне всякого сомнения необходимо, и мы занимаемся частью этой проблематики, но не во всех областях. Сегодня мы стремимся заняться образованием. Два года назад мы создали комиссию по оценке школьных учебников, уровень которых бывает очень низким. Мы публикуем рецензии, и оказалось, что наша деятельность возымела некоторый результат: теперь издатели начинают считаться с нашим мнением, несмотря на то, что, будучи негосударственным учреждением, мы не можем ничего предписывать.

Вторая проблема из области образования — это уже упоминавшаяся мысль Петра Слонимского о том, чтобы польская наука сосредоточилась на фундаментальных исследованиях, и о связанной с этим необходимостью приспособить наши структуры к новой ситуации, которая сложится после вступления в Евросоюз.

— Все чаще возникает впечатление, что польское общество ожидает от научной среды разработки для Польши какой-нибудь стратегии на будущие годы.

— Конечно, мы сознаём это. Правда, — я говорю это с перспективы ПАЗ — сейчас у нас нет возможности заняться всеми проблемами сразу. Однако зерно уже брошено в землю.

Беседу вела Сильвия Фролов

*** Дискуссионный клуб «Опыт и будущее» (польское сокращение DiP) был полуподпольной организацией интеллектуальных кругов, которые хотели разработать специальные проекты развития отдельных областей экономики, науки и культуры. Публиковавшиеся в самиздате отчеты DiP о положении дел в Польше были новаторскими и обличительными. После первой открытой встречи клуб был распущен под давлением властей ПОРП.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

2 апреля 2004 г.

Здравствуйте, уважаемые!

Пишет вам из провинциальной глубинки, с при-Донья Коваленко Александр Степанович, художник-реставратор, работаю в основном с иконами.

Хочу доложить в этом письме, что второй год имею возможность читать «Новую Польшу». Очень не хватает в России таких изданий. Сейчас «Polska» от нас еще дальше, чем при коммунистах. Примерно там, где сейчас Америка. Лет 15 назад довольно свободно можно было купить в киосках (областного города) газеты и журналы. Я, например, коллекционировал «Шпильки», оригинальные фото из других журналов. Особое место занимала музыка. Как мы ждали конкурса песни в Сопоте! Зеленая Опера, насмешливо интеллигентный ведущий...

И когда я прочел в №10 за 2003 г. (к нам номера «Новой Польши» приходят с большим опозданием), что где-то там у вас в очередной раз прошел концерт «Скальдов», я был поражен! И восхищен одновременно — до сих пор на сцене! Молодцы, очень рад за этот ансамбль.

Знаете, какой бы вы сделали подарок любителям польской музыки, если бы на страницах вашего журнала появилась статья о знаменитых группах: «Скальды», «Сине-Черные», «Али Бабки»! Их творческий путь, чем занимаются сейчас. И плохо, что иллюстраций в журнале маловато.

* * *

С вашего позволения, несколько слов о театре. В том же №10 (2003) есть подборка «Студенты о «Бесах»». Такое ощущение, что театральная Польша переживает бум по Достоевскому. Премьера за премьерой в Люблине, Варшаве... Мало того, сам пан Анджей Вайда недавно в Москве поставил «Бесов». Ажиотаж был несусветный. Мои знакомые в Москве были на премьере, и впечатление такое, что шли не на «Бесов», а на «Пана Вайду». Все говорят о том, что достоевщину уже не оживить, да и ни к чему все это. Но нет, опять театральных деятелей тянет к этой мертвечине! А ведь у Польши есть гениальный писатель, равных которому еще нужно поискать во всем мире, — Джозеф Конрад (Юзеф Теодор Конрад Коженёвский) Я и мои друзья рядом с ним ставим только Дж.Лондона, Э.Хемингуея, да и наверное Вик.Конецкого.

Пусть он умер в Британии, но ведь «Polska» должна как-то отметить годовщину его смерти? Это будет 3 августа 2004 года. И просто не верится, что никто из театральных и кинодеятелей Польши не соблазнился что-то поставить, снять по произведениям Коженёвского! Ведь есть такие сюжеты, такие повороты...

Не смею утомлять вас, уважаемые, своими откровениями, но рад был излить свою душу.

Успехов вам, до видзеня, до побачення!

Ваш Александр Коваленко

Редакция «НП» сердечно благодарит автора письма за все, что он написал о польских музыкальных коллективах, которые мы, так же, как и он, любим. Сообщаем также, что в №7/8 нашего журнала будет опубликована обширная статья Ежи Помяновского о Джозефе Конраде, его отношении к России и о значении его произведений для современности.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

А.Новак о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
А.Гузицкий о лемках
Л.Колаковский об основах права
С.Братковский: Что такое DiP?
В. и Р.Сливовские о дневниках генерала Старинкевича
Я.Тазбир об Александре Липатове
Беседа с Ядвигой Стшелецкой
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Рассказы Михала Гловинского
Агата Тушинская: Вольденберг
Ян Гондович о новой прозе
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
Е.Помяновский беседует с Аркадием Райкиным
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский, А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна, Чухновского, Херберта и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА РЕКОМЕНДУЕТ ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И КРИТИКОВ

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

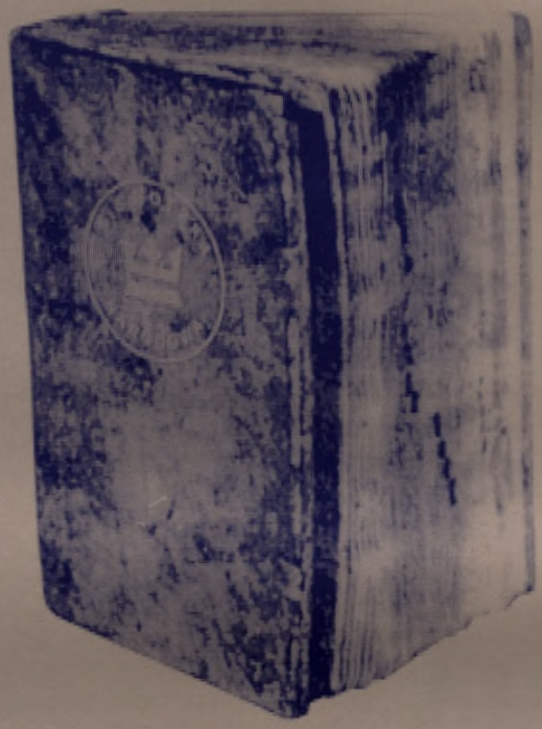
Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.



НОВАЯ ПОЛЬША

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel.(+48 22) 6082374

NOWAJA POLSZA
6301 6680
6.00 ZL

Cena 6 zł w tym VAT 0%